

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА И МЕТОДИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ "ВАВИЛОН"

GLOBAL
TARGET
PROGRESS

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Сборник статей Всероссийской конференции
(с международным участием)

29 мая 2007 г.
г. Астрахань

г. Астрахань-2007

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА И МЕТОДИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ВАВИЛОН»

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Сборник статей Всероссийской конференции
(с международным участием)

*29 мая 2007 г.
г. Астрахань*

Астрахань – 2007

УДК 80
ББК 81.00
0752

Редакционная коллегия:

Г.В. Рябичкина (гл. редактор), Н.И. Кривых (зам. гл. редактора),
Л.И. Балашова, Л.Д. Кривых, О.Б.Смирнова

0752 **Основные проблемы современного языкознания** [Текст]:
сборник статей Всероссийской конференции (с международным
участием). 29 мая 2007 г., г. Астрахань / сост. О.Б. Смирнова. –
Астрахань: Издательство: Сорокин Роман Васильевич, 2007. – 161 с.

ISBN 978-5-903285-08-02

В сборник включены материалы I Всероссийской конференции (с
международным участием) «Основные проблемы современного языкознания»,
посвященной изучению наиболее актуальных и значимых проблем
лингвистической науки: лингвистики текста и речевого дискурса, проблем
речевой культуры и др.

Может быть полезен лингвистам, педагогам, студентам и аспирантам.

© Издательство: Сорокин Роман Васильевич, 2007
© О.Б. Смирнова, составление, 2007

Уважаемые коллеги!

Сегодня мы продолжаем наше сотрудничество и результат этого – вторая конференция, организованная ЦНТПМД «Вавилон» при Вашем, очень важном и значимом для нас, участии. Благодаря интересу коллег из Германии, Украины, Казахстана наша конференция приобрела статус Международной, а значит, мы развиваемся и расширяем границы нашего сотрудничества.

Интерес к проблемам, заявленным для обсуждения в конференции «Основные проблемы современного языкознания», достаточно высок, и мы имеем возможность выбрать и опубликовать только самые интересные, на наш взгляд, материалы. Мы обращаемся к нашим авторам с просьбой выразить свое мнение о публикуемых материалах, обсудить их, и, возможно, в следующих сборниках появится рубрика «Обсуждая прочитанное!»

Сотрудники Центра сделают все возможное, чтобы сотрудничество с Вами, уважаемые наши коллеги, было более плодотворным и творческим! Спасибо, что Вы с нами!

С уважением,
Директор ЦНТПМД «Вавилон»,
кандидат педагогических наук

Г.В. Рябичкина

СЕКЦИЯ 1. ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА И РЕЧЕВОГО ДИСКУРСА

ПРОТИВОДЕЙСТВУЮЩИЕ РЕГУЛЯТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ В КОНФЛИКТНОМ ДИСКУРСЕ

Н.А. Белоус
Ульяновский государственный университет

Конфликт, по своему словарному определению, есть ничто иное, как столкновение. И, соответственно, в качестве *конфликтного дискурса* выступает речевое взаимодействие коммуникантов, в результате которого участники испытывают отрицательные эмоции (которые являются элементом перлокутивной характеристики) благодаря вербальному воздействию друг на друга, в связи с тем, что иллокутивная доминанта речевого взаимодействия характеризуется наличием столкновения вербально выраженных целей в процессе коммуникации.

Руководствуясь принципом проф. Романова А.А. представления регулятивных действий, предназначенных для организации и осуществления согласованного взаимодействия партнеров в виде некоторой совокупности, отметим, что для конфликтной интеракции более характерны такие классы регулятивных действий, как регулятивы противодействия кооперативному общению, нежели чем регулятивы согласованного общения (термины см. [3; 92]).

«Класс противодействующих регулятивов охватывает такие регулятивные действия, которые направлены, главным образом, на сдерживание стратегической инициативы партнеров по общению, которая формирует программную последовательность типовых интерактивных ходов - цепочек в ФСП иллокутивного фрейма» [3; 92]. Такого рода действия пресуши как инициатору конфликта, так и реципиенту, который нечаянно стал участником интеракции конфликтного характера и поддерживает ее, открыто противопоставляя свое иллокутивное намерение, либо пользуясь всевозможными тактиками визуализации своих целей.

Вне зависимости кто спровоцировал столкновение, оба коммуниканта будут использовать противодействующие регулятивы в конфликтном дискурсе любого характера - делового, бытового, политического и др. При этом социально-ролевые статусы могут быть любыми и могут изменяться в смысле неравноположенности по мере развития или затухания конфликта. «Их функционирование базируется на установках автора к предложенному взаимодействию по определенному типу общения (фрейму)» [3; 92].

В примере 1 [2; 604] (директивный фрейм) - конфликтный дискурс протекает в публичном месте. Конфликтанты: P1 - Антон Семенович, воспитатель; P2 - женщина - организатор; прагматические отношения - P1/P2 незнакомы, неравноположены P1<P2; ситуация - P1 ведет детей из колонии имени Горького на съезд «Друзей детей» в Харьков; время - выходные; место-площадь в Харькове.

Иллокутивная доминанта: осуждение и попытка разъяснения; приказ-распоряжение и невыполнение приказа. Причина конфликтных коммуникативных действий - сопротивление P1 намерению P2 вовлечь P1 в рамки директивного фрейма; сопротивление P2 намерению P1 вовлечь P2 в рамки информационно-декларативного фрейма. Все репликовые шаги, маркированные буквой (а) - противодействующие регулятивы.

P1: Колония пришла в полном составе. (1)
P2: Но разве можно, разве это допустимо - тащить таких малышей десятками километров! (ИЛ 1) Нельзя же быть такими жестокими только потому, что вам хочется баскету! (1-а)

P1: Малыши были рады прощенью... А после встречи мы идем в цирк, - как же можно было оставить их дома? (ИЛ 1) (2)
P2: В цирк? Из цирка когда?(2-а)

P1: Новый (3)
P2: Товарищ, немедленно отправьте малышей!(3-а) (ИЛ 2) (Малыши - это там, где Зайчики, Машики, Зорьки, Ситеньки, - бедняжки в строю, и их глаза смотрят на меня с последней надеждой.)

P1: Давайте их страсим, - предлагаю я.(4)
P2: И спрашивать нечего, вопрос жесн. Немедленно отправляйте их домой. (4-а)(ИЛ 2)

P1: Извините меня, но я не подчинюсь вашему распоряжению. (5)(ИЛ 2)
P2: В таком случае, я сама распоряжусь.(5-а)(ИЛ 2)

В этом фрагменте репликовые шаги инициатора конфликта P2 (1а, 3а, 4а, 5а) являются противодействующими не только по отношению к своим интерактивным парам соответствующих импликаций (тип: 3—3-а, 1— 1-а и 4-а), но и по отношению к другим репликовым шагам партнера, например, к шагам 1-а, 2-а, что дает основание вычлнить в этом классе стимулирующие и контролирующие регулятивы (термины проф. Романова А.А.). В рассматриваемом примере противодействующие регулятивы (термины проф. Романова А.А.) отражают взаимодействие P1/P2 по всему спектру имевшихся между ними отношений «руководящий организатор-исполнитель указаний» в пределах реализации программного следования интерактивных цепочек в конфликтном дискурсе в директивном иллокутивном типе; используются для поддержания очередности этапных фрагментов в программе типовых цепочек речевых действий. В этом случае противодействующие регулятивы контролирующего характера рассматриваются P2 в качестве опосредованного стимула по управлению невербальным поведением: «В таком случае, я сама распоряжусь».

Собственно стимулирующие регулятивы P1 (1, 3, 4, 5) должны являться прямой основой для регуляции типовым взаимодействием в рамках ФСП директивного иллокутивного фрейма и выработки стратегических приемов по совместному общению с целью их упорядочения и соответствия типовым интерактивным ходам - цепочкам, однако содержание речевого шага (5) P1: «Извините меня, но я не подчинюсь вашему распоряжению» ломает границы заданного фрейма. Но, тот же шаг (5) стимулирующего регулятива оставляет возможность стратегического поиска компромисса между P1/P2 - «Извините меня, но я не подчинюсь вашему распоряжению» при обнаружении коммуникативного сговора. Дискурс приобретает конфликтный характер, когда в речевом взаимодействии появляются противодействующие репликовые шаги, что сигнализирует о том, что:

- либо P1 (или P2) намечает: залумал преждевременно в процессе коммуникации предпринять отход от принятой программы взаимодействия (в нашем примере репликовый шаг (5 и 5а, которые и формируют иллокутивную доминанту) в типовом функционально-семантическом представлении иллокутивного фрейма;

- либо P1 (или P2) намеревается отказаться от сотрудничества с инициатором или совсем закрыть обсуждение по предложенной теме (о выбранной теме приходится говорить либо условно, поскольку в конфликтном дискурсе ее предлагает инициатор; либо се при подборе стратегий для согласованных действий выбирают оба коммуниканта и тогда не приходится констатировать факт окрашивания коммуникации в конфликтные тоны).

Полагаем, что использование противодействующих регулятивов следует считать если на признак, то характерной чертой интеракции конфликтного характера, хотя автор системного анализа регулятивных средств диалогического общения проф. А.А. Романов

предлагает «рассматривать этот класс регулятивных действий автономно, не связывая их функционирование с каким-либо конкретным типом или подтипом коммуникативных рассогласований, т.е. класс противодействующих регулятивов может порождаться любым из коммуникативных рассогласований» [3;105]. Но, отметим, что не каждое коммуникативное рассогласование является конфликтным. Пример 2. [1,52] Дискурс протекает в публичном месте. Коммуниканты: P1 - Съезжен, 25 лет; P2- Филитин, 26 лет; прагматические отношения – P1>P2 (не знает, что коммуникация, которая по его предположению должна быть довременной и позитивной, будет почти мгновенной); ситуация – P1 вернулась из поездки и вновь улетает через час: «...она ...бесом кинулась к Филитину, обняла, прижалась лбом к его плечу и вдохнула знакомый запах. Он повернул ее лицо к себе и заслонил в глаза. Оба молчали. Официант (P3), кивнув, намеренно заинтересовался у Филитина; время – полдень; место – кафе в аэропорте.

Иллокутивная доминанта: подсознательное нежелание говорить о чувствах и отношениях. Причина рассогласования коммуникативных действий – сопротивление P1 констативу P2; игнорирование репликового шага (1).

P3: Не можете добавить сверху канешку обычных слов?(1) Они сст.

P2: Я очень по тебе скучаю!(2)(ИЦ) - сказал Филитин.

P1: Ты о чем?(2a) (И/1)

P2: Ты же сказала, что хочешь чего-нибудь погорячее.(3)

P1: Чего именно? Я уже рассчитал!(3a)

Класс противодействующих регулятивов представлен репликовыми шагами (1, 2a, 3) Говоря о неравновесном эффекте, нельзя зношии P1>P2 назвать абсолютно положительными, или абсолютно отрицательными; нет и развития коммуникативного рассогласования в сторону конфликта посредством представления семантических модификаций иллокутивной доминанты. Что подтверждает правильность утверждения проф. А.А.Романова, однако наблюдение и анализ многочисленных примеров конфликтного дискурса позволяет нам предполагать, что использование противодействующих регулятивов – это характерный признак конфликтного дискурса.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Левин М. Где ты? / Марк Левин. Пер.с франц. – М.: FreeFly, 2004.
2. Макаренко М. Педагогическая поэма/ М.Макаренко. – М.: «Правда», 1979.- 240.
3. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения/ А.А. Романов. –М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. – 188с.

К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ ДИСКУРСА

Л.М. Бондарева
Российский государственный университет им. И. Канта

Несмотря на обилие появившихся в последние годы публикации, касающихся проблемы дискурса как лингвистического термина в его соотносительности с текстом, данный аспект по-прежнему, не теряя своей актуальности, вызывает оживленную полемику в кругу исследователей и характеризуется в целом многообразием подходов и трактовок.

В данном контексте в качестве исходного постулата мы бы хотели привести вполне обоснованное мнение И.Б. Руберт о том, что при решении терминологической проблемы «дискурс-текст» в общем и целом можно выделить три основных направления: отождествление понятий «текст» и «дискурс», их полное разграничение по параметру «статика объекта» (текст) / «динамика коммуникации» (дискурс) и, наконец, включение текста в понятие дискурса [6; 23].

Что касается первого вышеуказанного направления, то оно стало возможным, по мнению М.Н. Кожиной, в связи с появлением лингвистики текста: именно тогда номинация «дискурс» начинает использоваться параллельно с названным «текст», хотя, как добавляет исследователь, дискурс – это текст, но «далеко не только текст» [2; 21]. В частности, Ю.С. Степанов говорит о «взаимном и достаточно длинном тексте в его динамике – дискурсе», соотносимом с творчим текст человеком [7; 332], о дискурсе как «расширении текста» с акцентуацией его прагматического аспекта [8; 36], что свидетельствует о признании факта синонимичности терминов «текст» и «дискурс» с сохранением за дискурсом «признака подтвержденной процессуальности» [3; 6].

Характерно, в свою очередь, то обстоятельство, что сторонники принципиального разграничения этих двух терминов не могут тем не менее в итоге не замечать их органической взаимосвязи. В этом плане симптоматично, например, мнение А.Ю. Попова, который вначале выдвигает следующий тезис: текст есть средство и единица коммуникации, а дискурс – форма, в которой эта коммуникация протекает. Затем, перечисляя свыше десяти дистриктивных признаков дискурса и текста, включающих в себя бинарные оппозиции типа «основанность / упорядоченность», «динамичность / статичность», «иллокутивность / пераукутивность», «коммуникативная открытость / закрытость» и т.д., исследователь приходит к конечному выводу: дискурс есть текст [4; 41 – 44].

Безусловно, самая популярная позиция по интерпретируемому вопросу представлена в рамках третьего упомянутого направления, согласно которому текст *включается* в понятие дискурса. В результате дискурс рассматривается в качестве комплексного феномена, связанного с речью как процессом использования языка, фиксирующегося в текстах и обусловленного экстралингвистическими (идеологическими, социокультурными, историческими) факторами (Дейк ван, Кинг 1988, Дейк ван 1989, Караулов, Петров 1989, Кубрякова, Александрова 1997, Чернявская 2001, Кожина 2004 и др.). Как указывает А.А. Кибрик, в современной лингвистике дискурсом обычно именуется реальное взаимодействие процесса языковой деятельности и ее результата, т.е. текста: текст есть статический объект, возникающий в ходе языковой деятельности, но дискурс, помимо самого текста, включает также разворачивающиеся во времени процессы его создания и понимания [1; 4].

В свете всего вышеизложенного нам представляется логичным следующее утверждение: при трактовке текста в качестве результата коммуникативного процесса-дискурса, т.е. с позиций третьего подхода к проблеме, по сути дела нивелируется разница между данной точкой зрения и вторым подходом, где текст и дискурс разграничиваются по параметру «статика объекта» - «динамика коммуникации / процесса», поскольку этот параметр оказывается свидетельством не гетерогенности, а, скорее, гомогенности данных понятий, находящихся между собой в отношениях комплементарности и диалогического взаимодействия. В итоге термин «дискурс» действительно следует соотносить не только с коммуникативным процессом, порождающим текст и служащим его «первосточником» (Абулдуфанова 2002), но и с результатом этой деятельности, реализующимся в виде конкретного текста или совокупности тематически связанных между собой текстов.

Следует констатировать, что совершенно естественно при подобной постановке вопроса осуществляется выход на очередной круг проблем, касающихся некоторых аспектов *типологии дискурса*. В подобной связи заслуживает внимания мнение И.Н. Рогожиной, которая, со ссылкой на В.И. Карасика (1998), отмечает, что дискурс как совокупность апеллируй к концептам представляет собой иерархические образования, включающие три составляющие: тип дискурса – формат (разновидность) дискурса – жанровый канон. При этом под *типом дискурса* подразумеваются большие дискурсивные образования, унаследованные из традиционной риторики: публицистический, литературный, научный, религиозный и т.д. В свою очередь под *форматом дискурса* следует понимать разновидность дискурса, выделяемую на основе коммуникативной дистанции, степени самовыражения говорящего, сложившихся социальных институтов, регистров общения и клишированных языковых средств, что находит свою конкретизацию в речевых жанрах [5; 143].

Говоря о «типе дискурса», в целом можно согласиться с такой трактовкой понятия, поскольку именно в этом смысле термин активно употребляется в научных лингвистических исследованиях последних лет (ср.: дискурс поэтический (язычный) (Шейла 2000, Грушевская 2002), экологический (Рогожников 2002), научный (Маслова 2003, Liebert 2003), учебный деловой (Шевченко 2003), научно-популярный (Филиппова, Машалова 2006), рекламный (Орехова 2006, Прохоров 2006), медицинский (Краснобаева 2006), банковский (Мазортова) и др.).

Как очевидно, в подавляющем большинстве случаев тип дискурса органически связан с ведущими функциональными стилями и подстилями в языке и речи и ориентирован на глобальные коммуникативные сферы, связанные с конкретными видами социальной и профессиональной деятельности людей.

Однако существуют и другие подходы к типологии дискурса, основанные на однозначных критериях дихотомического характера, служащих для делимитации различных типов дискурса. Так, на наш взгляд, по признаку *нефикциональность – фикциональность* можно говорить о «естественном», спонтанном (Цуркова 2002), или «устном» типе (Мальцева 2002, Бурашников 2006), с одной стороны, и «новостоятельном» (Женет 1998, Давилова 2003), или «литературном» типе дискурса (Степанов 2001), с другой стороны. Как пишет Ю.С. Степанов, совокупность литературных дискурсов составляет литературу – в широком смысле реалистическую прозу [8, 22].

Соответственно, по признаку *устный – письменный характер коммуникации* упомянутый выше тип устного дискурса может быть противопоставлен письменному типу (Елизарова 2004), а на основе признака *монологический – диалогический характер коммуникации* следует говорить о существовании монологического и диалогического типов дискурса, последний из которых признается доминирующим типом коммуникативной деятельности языковых личностей (Нефедова 2002, Ружникова 2004).

Исходя из бинарной оппозиции *реальность – виртуальность коммуникации*, О.В. Лутовинова употребляет термин «виртуальный дискурс» (Лутовинова 2006), соотносимый главным образом со сферой компьютерной коммуникации, но являющийся более широким понятием по сравнению с электронным дискурсом.

По параметру *«характеристика участников общения»*, сводимому, по существу, к дихотомии «объективно/субъективно обусловленный характер коммуникации», Н.А. Акименко (2005) выделяет статусно-ориентированный и личностно-ориентированный типы дискурса, что соответствует, в других терминах, институциональному и персональному типам («Языковая личность: институциональный и персональный дискурс», Волгоград, 2000).

Вполне понятно, что цепочка подобных номинаций может быть продолжена, поэтому в заключение мы бы хотели дополнить указанный понятийный ряд, касающийся типов дискурса, термином «ретроспективный тип дискурса», основанным на оппозиции *«ретроспективная – проспективная направленность коммуникации»*. При этом речь идет о реальной (и потенциальной) совокупности нефункциональных и функциональных текстов, в основе которых лежит ментально-когнитивная ретроспективная деятельность речевого субъекта, ориентированная на реконструкцию лично пережитого / не пережитого прошлого. Ретроспективный дискурс дает, в свою очередь, разветвленную структуру собственных подтипов, которые могут быть выделены на базе упомянутых выше признаков, таких, как «фикциональность – нефикциональность», «устный – письменный характер коммуникации», «субъективно / объективно обусловленный характер коммуникации» и т.д. Данный тип дискурса представляется актуальным объектом дальнейших лингвистических исследований, что может явиться определенным вкладом в разработку общей теории типологии дискурса.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. – Дисс. в виде доклада... докт. филол. н. – М., 2003.

2. Кожина М.Н. Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст – Дискурс – Стили: Сб. науч. тр. – СПб., 2004. – С. 9 – 33.
3. Мальцева Н.Г. Устный дискурс русских и английских детей в возрасте 5 – 6 лет: АКД – Саратов, 2002.
4. Попов Ю.А. Основные отличия текста от дискурса // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. ст. – СПб., 2001. – С. 38 – 45.
5. Рогожников И.И. Экологический дискурс: к проблеме определения лингвокультурологических параметров и типов текста (на материале немецкого языка) // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: Сб. науч. тр. / Под ред. Л.А. Манерко. – Рязань, 2002. – С. 140 – 144.
6. Руберт И.Б. Текст и дискурс: к определению понятий // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. ст. – СПб., 2001. – С. 23 – 38.
7. Степанов Ю.С. В полевых прагматике (Проблема субъекта) // ОЛЯ. – Т. 40. – № 4. – 1981. – С. 325 – 332.
8. Степанов Ю.С. Вводная статья. В мире семиотики // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. – М., 2001. – С. 5 – 42.

РОЛЬ МНОГОМЕРНОСТИ СЛОВА В ТЕКСТЕ-ПИСЬМЕ Р. БАРТА

Е.М. Воронова

Санкт-Петербургский государственный технический университет

Ролан Барт входил в круг французских постструктуралистов середины XX века: Ж. Лакан, М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотар. Они сформировали основные концепции и идеи этого направления. Назовем некоторые основные положения, которые будут касаться нашей темы: « деконструкция всех канонов и всех официальных условностей, подчеркивание множественности «я», метаязыковая игра, игра в текст, игра с текстом, интертекстуальность, опора на всю историю человеческой культуры и ее переосмысление, плюрализм культурных языков, ориентация на множественность интерпретации текста, многозначность знакового кода, «смерть автора», принцип читательского сотворчества, создание нового типа читателя».[1.14] Естественно, что, формулируя такие принципы, постструктурализм особую роль отводит пониманию текста. Всякое литературное произведение рассматривается с понятием текста, которое есть некое пространство, где происходит процесс означивания. Текст не является законченным продуктом, но постепенно развивающимся и постоянно идущим процессом в последовательной систематичности самого прочтения. «Язык для себя» в таком тексте, где появляются подвижные и текучие вторичные смыслы, – пишет Р. Барт.

Р. Барт тоже выделяет новое направление в изучении литературы – это чтение – письмо. Здесь осуществляется переход от произведения к тексту, где интерпретацией текста будет чтение-письмо, то есть язык. Язык становится условием познания. Литературное произведение представляется при таком методе смысловым образованием, которое поддежит систематической деконструкции. Читать такое произведение значит выявлять смыслы, а письмо представляет собой форму выражаемых в языке содержаний. Слово является основной смысловой единицей текста. « У литературы есть особый статус, связанный с тем, что она создана из языка ... литература просекальзует в систему, ей не принадлежащую, хотя и действующую в тех же, что и она, целях. ... При чтении романа до нас не сразу доходит самое означаемое «роман»... данное означаемое воспринимается помимо прочего, краем глаза, оно смутно маячит где-то вне поля зрения, доходит до вас единицы и отношения, то есть лексика и синтаксис первичной системы языка. Вместе с тем суть читаемого вами дискурса, его «реальность» - это именно «литература», а не излагаемая фабула... в акте чтения постоянно сменяют друг друга две системы: посмотрите! на слова –

это язык, посмотрись на смысл – это литература» [2.281]

Особенной позицией при таком анализе текста является осмысление автора. Автор мыслится в категории прошлого, а текст мы разворачиваем, читаем сейчас, поэтому автор «морозит» прочтение и его заменяют на скриптора. «Он рождается одновременно с текстом, у него нет никакого бытия до и вне письма, ... всякий текст вечно пишется здесь и сейчас» [3.387] «Смерть автора» содержит принцип самодвижения текста как самодостаточного процесса, где текст сам показывает суть в результате означивания.

Кроме того, чтение-письмо обнаруживает новое аналитическое пространство в своеобразную теорию чтения. Читатель сам вступает в игру означающих, в процесс письма. Читатель производит структуризацию текста, подвижное декодирование его. Текст становится живым, дышащим, открытым организмом.

Из приведенных некоторых главных принципов понимания текста литературного произведения мы видим, что статус слова в нем чрезвычайно велик. Многомерность, глубина слова является необходимым материалом в работе над закодированными смыслами текста-произведения. «По самой своей природе любой текст есть не что иное, как интертекст, и этот текст способен учесть лишь конвенции, рассматривающая литературное «слово» не как некую точку (устойчивый смысл), но как место пересечения текстовых плоскостей, как диалог различных видов письма – письма самого писателя, письма получателя, и, наконец, письма, образованного нынешним или предшествующим культурным текстом» [4.171]. Появляется множественность прочтений текста.

Мы предлагаем рассмотреть в этой методике повесть А.С.Пушкина «Станционный смотритель» и посмотреть, какую функцию выполняет слово в таком анализе текста.

Первое, что необходимо отметить, что такой текст существует как «оволощенная множественность». Всякий текст фиксируется как «между-текст». Для того, чтобы открыть эту множественность текста, Барт предлагает определенный принцип работы с ним. Текст эту множественность текста, Барт предлагает определять принцип работы с ним. Текст делится на небольшие сегменты, «лексемы», которые являются просто удобными минимальными фрагментами текста, чтобы определить детальную работу означивающего. Такое замедленное продвижение по тексту способствует его «разворачиванию», развитию в процессе интерпретации. Мною текст повесть разделен на 72 лексемы, наиболее важные я приведу в данной работе.

1. Станционный смотритель.
Название напоминает вывеску на двери, например, «директор школы». Перед дверью мы ничего не можем сказать, какой за ней человек. Мы его не знаем, и только, когда войдем, мы узнаем что за человек перед нами. Кроме того, нам нужно запомнить слово «смотритель». Оно будет определять один из главных кодов текста (коды – это некие ассоциативные поля, которые имеют сверхтекстовую организацию текста).

12. При сих словах вышла из-за перегородки девочка лет четырнадцати и побежала в сени. Красота ее меня поразила. «Это твоя дочь?», - спросил я смотрителя....

Первое появление главной героини соотносится с глаголами «вышла» и «побежала». Рассказчик видит ее в движении. Эта повесть целиком насыщена разнообразными глаголами движения, что соотносится с образом жизни героев, с одной стороны, а с другой, характеризуют особый путь главной героини. Главная героиня олицетворяет движение.

33. Лошади стали у ночного домика.
Смыслообразующую нагрузку здесь выполняет глагол «стали» («встали» в современном русском языке). Лошади встали как жваньяные. Невозможность, запрет движения. Страшный рок.

35. Дуня стояла в недоумении... «Что же ты боишься?» – сказал ей отец, – ведь его высокоблагородие не волк и тебя не съест: прокатись – ка до церкви».

Страх перед движением. Боязнь сделать какое-либо движение в ту или другую сторону.

37. Бедный смотритель не понимал, каким образом мог он сам позволить своей Дуни

ехать вместе с гусаром. Как нишло на него ослепление...

«Ослепление» – это из ключевых слов в тексте. Оно соотносится со словом «смотритель». Смотритель не досмотрел, не увидел, что происходит около него. Он был ослеплен своей Дуней и ничего не видел кроме нее. Смотритель, который не способен увидеть. Трагедия.

41. Старик не снес своего несчастья; он тут же слет в ту самую постель, где накануне лежал молодой обманщик. Теперь смотритель, соображая все обстоятельства, догадывался, что болезнь была притворная. Бедняк занемог сильной горячкой; его свезли в С. и на его место определили на время другого...

Трагедия разворачивается. Это одно из узловых мест текста, в котором сходятся сразу почти все основные коды текста. Впервые в тексте смотритель определен как «старик», а контрастом ему является «молодой», но не просто «молодой», а «молодой обманщик». Далее «молодой обманщик» болеет «притворной болезнью», а смотритель настоящей «сильной горячкой». Здесь формируется код текста – притворство. Этот код начинается, где Дуня названа «маленькой кокеткой». Кокетство – это тоже игра, легкое притворство. Дуня и «молодой обманщик» соотнесены и противопоставлены смотрителю. Причем это противопоставление настолько сильное, что оно уничтожает смотрителя. На его место работы (и жизни) приходит другой человек. Код уничтожения, который начинается в самом начале текста, где идет речь о дороге к дому Самсона Вырина, которая ныне уничтожена.

63. В сени вышла толстая баба и на вопросы мои отвечала. Что старый смотритель с год как помер, что в доме его поселился пивовар, и что она жена пивовара.

Тема красоты переходит к теме уродства и уничтожения красоты. Уничтожение красоты, счастья приводит к смерти, которая уничтожила жизнь.

Первый код, который проходит через весь текст – это код уничтожения. Уничтожение дороги, настоящего чувства, красоты.

Второй код – движение. Дорога и жизнь как дорога. Этот код характеризует Дуню.

Третий код – уродство, притворство. Красота определяется через притворство и уродство, которые ее уничтожают.

Текст повести оказывается на много жестче, беспощаднее, чем мы привыкли его оценивать.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Киреева Н.В. Постмодернизм в зарубежной литературе. М.2004.
2. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М. 1994.
3. Барт Р. Там же.
4. Косиков Г.К. От структурализма к постструктурализму. М.1998.

РОЛЬ МАЛОЙ КОМИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ В ПРОПОВЕДЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ ГЕРМАНИИ XI-XVIII ВЕКОВ

В.А. Данилов
Российский университет дружбы народов

Одним из наиболее актуальных направлений современной лингвистики текста является концептуальный анализ текста, конечной целью которого является реконструкция фрагмента художественной картины мира того или иного этноса, зафиксированной в этноспецифичном тексте/корпусе текстов. Многочисленные исследования, предпринятые отечественными и зарубежными учеными, доказывают, что художественный текст как сфера проекции концепта, результат различных средств его репрезентации, является ценным материалом лингвокультурологического анализа [1]. Материалом исследования могут

становится как малоформатные тексты (поговорки, загадки, анекдоты), так и народные сказки, легенды и др. Для концентрированного анализа текста характерно постоянное соотношение языковых явлений с особенностями исторического пути этноса, культурным фоном, в значительной степени повлиявшим на формирование национального менталитета.

В корпусе национальной литературы Германии значительным лингвокультурологическим потенциалом обладает незаслуженно малоисследованный исследователями *шванк* – криткой комический рассказ, первоначально стихотворный, затем в прозе, получивший широкое распространение в немецкой городской литературе Средневековья – Нового времени. Отражая воззрения непривилегированных социальных слоев, далекий от куртуазной идеализации, *шванк* близок старофранцузскому *фабляно* и итальянской новелле Раннего Возрождения, на которые он часто опирается на сюжетном уровне. Представляется немаловажным обратить внимание на одну из функциональных особенностей *шванка*: наряду с привычной архаичной средой бытования он на протяжении веков широко привлекался священнослужителями в качестве включенного в проповеди текста. В этой связи следует также упомянуть встречающийся в исследованных немецких лингвистов термин «экземпляр» – поучительный пример, «приклад» (*Exemplar* от лат. *exemplum*, «исход, приводимое в качестве примера, образца»). Подобные тексты представляли собой краткое сообщение о поступках или достижениях, примечательных высказываниях, в которых некоторые качество или черты характера проявляются особенно ярко. Три самых важных черты такого текста – правдоподобие рассказываемого, поучительный потенциал, применимость для всех и каждого, в первую очередь для тех, кто утрачивает в благочестии.

Граница между жанром *шванка* и поучительным примером достаточно прозрачна. Если тенденция к поучению в тексте *шванка* явно выходит на первый план, если к нему добавляется доводительное морализирующее изречение, то *шванк* вплотную приближается к *экземпляру* [4; 17].

Уже на раннем этапе становления жанра *шванка* данные тексты получили широкое распространение в монастырской среде во многом благодаря странствующим монахам. Ранние *шванки*, издаваемые на латинском языке, встречаются, например, в трудах Григория Турецкого (ум. 594), епископа Теодульфа Орлеанского (ум. 821), знаменитого ученого и поэта монаха Ноткера Балбузуса из монастыря Сент-Галлен. Так, приобрел известность сборник историй Ноткера «*Gesta Karoli*», включивший в себя также *шванки*, как «*Der ungewandte Fisch*», «*Die einbalsamierte Maus*», «*Der Teufel als Maultier*», базирующийся на народных преданиях *шванк* о горном духе «*Der Schwank vom Schraf*».

В XI в. Эрберт Лютихский (ум. 1040) включает *шванки* в свою антологию «*Becunda gatis*», предназначенную для использования в учебных целях. Подобные сборники часто издавались с XIII в. и служили в первую очередь как вспомогательное пособие для проповедников. Появившийся термин *Predigmaslein* (проповедческая похвасенка) обозначил не какой-либо жанр повествования, а функцию небольшого рассказа как составной части проповеди. *Шванки* и *экземпляры*, включенные в сборники для подготовки к проповеди, среди них рассказы из арабских и древнеславянских источников, повсеместно использовались, при этом снабжались местным колоритом. Так, известность получили 420 *экземпляров* кардинала Жака де Витри, сборники Этьенна де Бурбона (ум. 1261), доминиканца Дюна Бромарда. Вслед за французскими и английскими авторами немецкие священнослужители XIII в. – цистерцианец Цезарие Гейстербахский, францисканец Николаус Козельский – включили поучительные примеры в свои труды [4; 26-27].

Знаменитый страсбургский проповедник и один из учеников людей своего времени Иоганн Гейлер фон Кайзерберг (ум. 1510) получил повсеместное признание и широкую любовь во многом благодаря широкому использованию в проповедях *шванков*, анекдотов, басен. Вдохновленный его примером, монах Иоганнес Паули издал сборник «*Schimpff und Ertz*» (1522), в который включил 693 текста из 40 античных и средневековых духовных и светских источников. Тексты распределены по тематическим группам: «о добрых и злых

делах», «о дураках», «об исповеди», «о великих прелатах» и др. Почти все многочисленные сборники XVI в. черпали материал именно из сборника Паули. В 1545 г. выходит анонимное издание сборника Паули под названием «*Von Schimpff und Ernst viel weiser Hoefflicher Sprüche*», при этом многие *шванки* печатаются в сокращенной форме или под другими номерами. Мораль отступает на задний план, издатель стремится к краткости изложения.

У приверженцев Реформации *шванк* и сходные малые прозаические формы сначала встречают отторжение, затем также включаются в тексты проповедей. Проповедник из Нидерландов Иоганн Матезиус (ум. 1565) во время службы охотно рассказывал *шванки* и анекдоты, так же как и его собрат из Мансфельда Кириакус Шпангенберг (ум. 1604). В сборнике «*Promptorium exemplotum*» (1568), изданном Андреем Хондорфом и представляющим пособие для протестантских проповедников, встречаются такие *шванки*, как «*Vom toten Juden im Apfelweinfass*», «*Von der Toelpehaftigkeit und Schlaueit des Honig suchenden Bauern*». Протестантский пастор Вольфганг Биоттер, автор цикла о Клаусе Нарре (1572), в своем труде «*Eritome Historiarum*» вслед за А. Хондорфом приводит фрагменты известных народных сборников *шванков*. Житель Марбурга Иоганн Балтазар Шульц (ум. 1661), профессор и настоятель церкви Санкт-Якоби в Гамбурге, отличался тем, что широко использовал материал из сборника И. Паули, из историй про Клауса Нарра и Тила Уленшпитцера. В 1711 г. выходит сборник «*Auffrichtiger Cabinet-Prediger*», составитель которого Готтлоб Кобер указал в качестве использованных источников труды Гейлера фон Кайзерберга, а также *шванки* про Уленшпитцера и шильдбургеров (1597).

Во второй половине XVII в. католическая церковь, практически не использовавшая поучительные примеры в проповедях со времен Реформации, вновь открыла для себя этот потенциально богатый материал. Широкую известность приобрел монах-капуцин Абрахам Санта Клара (ум. 1709). В текстах его проповедей зафиксировано порядка 400 *шванков*. Среди других католических священнослужителей, обратившихся к *шванку*, следует назвать имена Атанасиуса Дилленгского, Хериберта Салурнского, Лео Вольфа, Вольфганга Раушера, Конрада Пураля, Платидиуса Таллера, Иоганна Лоренца Хельбига, Альбертуса Штеффена, Проконуса фон Темплина, иезуитов Иеремии Дрекселя, Георга Штенгеля, Бенигнуса Киблера [4; 29]. XVIII в. знаменует собой повсеместный спад популярности малой комической прозы в проповедческой практике.

Одним из структурных компонентов *шванка*, функционально ориентированных на акцентуацию важнейших частей текстовой информации, является морализирующая авторская сентенция, психологически выделенная начальной или же конечной позицией в тексте и осуществляющая прагматическое фокусирование внимания реципиента на важнейших элементах сообщения. Наличие морализирующих авторских включений на протяжении веков являлось важным композиционно-прагматическим сегментом текстов данного жанра, основным приемом реализации дидактической функции [3; 112-124].

Диапазон затрагиваемой в *шванках* тематики очень широк: данные тексты были направлены, например, на то, чтобы умерить напускное благочестие прихожан, оставляющих домашнюю работу под предлогом посещения церкви, чтобы выступить против массового характера паломничества, означавшего для большинства участников не более чем предлог к перемене мест. Комические рассказы выставляли также в смешном свете распространенные в народе суеверия. При этом проповедники уделяли большое внимание тому, чтобы текст был доступен и однозначно воспринят представителями различных социальных слоев.

Следует отметить, что *шванк* имел особое значение для пасхальной проповеди. Он был функционально направлен на то, чтобы после долгого сурового поста привести прихожан в радостное состояние духа. Так, сборник деревенского священника Андреаса Штробля содержит 100 текстов пасхальной проповеди, в которые включены 63 *шванки*. В эпоху барокко пасхальная проповедь (*Ostermact*) могла строиться как совокупность *шванков*, логически связанных друг с другом [2; 30].

Таким образом, малая комическая проза являлась важным составным элементом устной проповедческой традиции, выполняя функцию доходчивого, наглядного примера,

перенесен його з-поза границь до нас. Додаю ся, що має він на думці ту справу, яка до нашого краю зістала перенесена, що мав на думці той процес карний, який в місті Львові сего року відбувся у Гидовича проти Ванди Добродізької. Той процес дійсно зістала з-поза границі перенесений до нас і той процес, який характеризує рух революційний в Росії, мів у нас величезні на подоби, тожтв до всього нового, архаїзму на всякі рухи соціальні, мовилося на всякі підбитіе всяким поступовим рухом інтересується (Кость Левинский) [1; 48]; 2) презуппозиція, базуючися на аналогії (встречается в дореволюционных криминальных судебных процессах, поскольку и в советском, и в современном украинском законодательстве аналогия как способ доказывания запрещена): Царської корони речник державний поклукється для potwierдження свого обвинувачення на ореченє найвишого трибуналу кассацийного з 21 грудня 1901, однак якраз се ореченє найвишого трибуналу само звалося утверджувале скритоубийство, бо слухай, який був предметом сего ореченя, відбувся так, що обжитовий серед ночі, в темній хаті з задю палок на пошкодованих тоді, коли двох інших його товаришів джерело пошкодованого за руки і так його держали з задю носем. Отже, і найвищий трибунал кассацийний сказав, що і в сьм случаю не знаходять ще скритоубийство мимо тих тяжких значен, та коли сі знамена порівнаємо з нашим случаем, то думаю, що ніж не можемо стати на становищі скритоубийства, бо тут нема ані засідки серед ночі, ані відобрятти стромости оборони, ані змагація зі створони обвинуваченого, щоби відітати нападеню всякій спосіб оборони (Кость Левинский) [2; 49 - 50].

Доказательством в суде может быть только информация, истинность которой проверена в ходе судебного расследования. Но, несмотря на это, сами юристы осознают значение контекста для понимания сути обсуждаемого дела. Речь идет о преюдициальной информации, то есть о сведениях, которые обязательно во всех судах при рассмотрении принимаются во внимание без проверки и доказывания фактов, установленных раньше в каких-либо делах решениями, которые имеют законную силу [4; 224]. Однако использоваться информация, имеющая преюдициальное значение, может только лицами, участвующими в предыдущих судебных процессах, и их правопреемниками. Например, в конце 2004 – начале 2005 года в Украине инпрогрессиво два судебных процесса, связанные с выборами Президента Украины. Поскольку оба процесса, несмотря на то, что исходами в них выступали разные стороны, были связаны с одним правовым фактом, в ходе второго разбирательства учитывалась влияющая на понимание судьями особенностей дела и не озвучиваемая в зале суда информация, имеющая преюдициальное значение, поскольку она была доказана на предыдущем процессе. На такой контекст, имеющий юридическую основу, делает ссылку один из участников процесса: *І нарешті Центральна виборча комісія чинко викликала винки щодо випириття строку оскарження, численні звернення наших опонентів до Центральної виборчої комісії і до Верховного Суду України отримали правову оцінку, яка на сьогодні має преюдиційне значення* (Ю. Ключковский). То есть речь идет о предыдущих исковых заявлениях стороны, которые были признаны как обосновательные и не были удовлетворены. Несмотря на это, факты, упомянутые в этих заявлениях, снова были представлены суду, но уже не рассматривались из-за действия принципа преюдициальности, таким образом, они были контекстом, влияющим на понимание судом сути дела и его решения.

Таким образом, контекст является обязательным компонентом судебного дискурса, определяющим степень взаимопонимания участников судебных прений и влияющим на принятие решения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гловацкий Г. Промови українських адвокатів Галичини на політичних судових процесах початку ХХ ст.: Науково-практичний посібник. – Львів: Львівський юридичний інститут, 2004. – 284 с.

2. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта; Наука, 2003. – 840 с.
3. Селіанова Слена. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. – Полтава: Довкілля-К, 2006. – 716 с.
4. Юридичні терміни. Тлумачний словник / За ред. В.Г. Гончаренка. – К.: Либідь, 2004. – 302 с.

ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР О. МАНДЕЛЬШТАМА КАК СОЦИУМ (ЗАМЕТКИ К ТЕМЕ)

А.Д. Есмакова
Санкт-Петербургский государственный университет

Современная филологическая наука активно изучает выражение в языке социального статуса человека — см., например, [8]. Социальные характеристики важны и для литературных героев. По словам Л. Я. Гинзбург, не только реальных людей, но и персонажей мы мимовольно относим к тому или иному психологическому, социальному и бытовому разряду [3; 15].

Предлагаемая статья продолжает работы [6] и [7], в которых рассматривалась лексика социальных отношений в лирике О. Э. Мандельштама. Поэтический мир понимается здесь как «система всех образов и мотивов» [2; 275], представленных в лирике поэта. Описание художественного мира писателя является частотным тезаурусом его языка — [там же].

Для получения статистических данных о лирике Мандельштама использовался лингвистический программно-источниковый пакет UniLex-T, созданный в Институте русского языка РАН, Ф. Ж. Г. Аношкина. В качестве источника текстов использовалось издание [9]. Рассматривалась вся поэзия Мандельштама, за исключением переводов, детских и шуточных стихов. Обработывался только основной корпус стихотворений, без учета вариантов. Не учитывались также заглавия произведений. К указанному корпусу текстов был получен список лексем, упорядоченных по частоте.

Для сравнения данных по языку Мандельштама с объективными данными использовался Частотный словарь русского языка С. А. Шарова [12]. Такого рода сопоставление рангов слов в авторском частотном словаре и в словаре Шарова проводится, например, в работе [4]. В нашей статье первая цифра после лексемы обозначает ее ранг в списке слов Мандельштама, вторая — ранг в словаре Шарова.

Конечно, описать в одной статье художественный мир поэзии Мандельштама невозможно. Попытаемся рассмотреть лишь некоторые участки этого мира.

В лирике Мандельштама богато представлены наименования лиц по положению в обществе. Частотны наименования носителей власти: царь (соотношение рангов 290:1263) князь (692:2310). Айт-София — здесь остановится / Судил Господь народам и царям! [9; 106]; С кажим глухим негодованьем / Ты [Бетховен — А.Е.] собирал с князей оброк [9; 122]. Властью у Мандельштама наделены не только люди: Комариний зяенит князь [9; 167]. Значимее, чем в общем языке, оказались и многие другие наименования правителей, например владыка (3781:5940), властитель (3784:12517), раджа (2903:22392).

Нередки в его стихах и наименования лиц с зависимым положением: Мы не будили спящих слуг... [9; 300]. Ранг слова слуга в языке Мандельштама очень высок — 1760, а в общем языке он равен 3129. Службой в этом поэтическом мире может быть не только человек: Я обращался к воздуху-слуге, / Ждал от него услуги или вести [9; 280]. Еще более выразительны соотношения рангов лексем служанка 1236:15090, раб 735:3769, раба 1206:12212. А служанки вяжут венки / И сердито шепки рубят [9; 322] Рабу не быть рабом, рабе не быть рабой [9; 270]; фонетика — служанка серафима [9; 111]. Примечательны также названия совокупностей лиц с низким статусом: Понемногу мельдья разбирает / Шуб

медвежьих вороха [9:154]; Я нигде такого ресторана / И такого сброда не видал! [9:105]. Ранг этих слов в языке Мандельштама многократно выше, чем в общем языке — чельдь 3299:26855, сброд 2990:24556.

Значима для этого поэта и юридическая лексика: Должник сильнее иска [9:160]; Беззубитого праха истен [9:281]; Этот воздух пусть будет свидетелем [9:272]. Ранги слов у Мандельштама и у Шарова: должник 2206:15573, иск 4699:1110, истен 4725:32021, свидетель 1737:2084. Хотя отношение мандельштамовского лирического героя к закону двойственно [6:169], сами категории законного и незаконного очень значимы в его лирике. Об этом красноречиво говорят соотношения рангов таких слов, как закон — 381:491 и незаконный — 2571:8108. Пусть я в ответе, но не в убытке: / Есть многолетняя жизнь вне закона [9:246], Мне кажется, как всякое другое, / Ты, время, незаконно! [9:212].

Вообще в мандельштамовском поэтическом мире важную роль играют официальные отношения, а в языке поэта, особенно в поздних стихах, встречаются канцелярские обороты. О звездах сказано: Могут они заявлены подать — / И на мершине, писанье и тельце / Возбавляют всегда разрешение [9:192]. Неудивительно, что столь непозитичное слово, как чиновник оказалось у Мандельштама существенно значимее, чем в общем языке, — соотношение рангов 1310:1461. Страшен чиновник — лицо как тюфак [9:193].

В художественном мире Мандельштама необычайно важны этические ценности. С нравственной точки зрения оцениваются не только люди чистые и честные китайцы [9:209], но и природа, и артефакты, и понятия: И земля по совети сурова [9:164]; Царской лестницы ступени / Покраснеют от стыда [9:133]; Есть целомудренные чары [9:91] Двукресные серданики [9:249]. В последнем случае имеются в виду, конечно, искры, но этот окказионализм свидетельствует о значимости категории нравственной оценки в поэзии Мандельштама. О том же свидетельствует и соотношение рангов: честный 1307:6398, совесть 938:1553, стыд 954:3619, целомудренный 3282:24782.

Нам уже приходилось говорить о том, что мандельштамовский лирический субъект подчас очень категорично судит мир и людей [7:104]. И все-таки земля — проруха и обух. / Не умоляй ее, как в ноги ей ни бухай [9:241]. Слово проруха в словаре Даля толкуется как действие по глаголу прорухивать, прорухить что 'пробить, проткнуть, проломить' [5 т3:506]. А обух — это 'тупой, глухой, или [] упрямый человек, неслух... Сев. вост. неслух, упрямец' [5 т2:629]. Поэт упрекает землю в том, что аструктура почвы от постоянной обработки измывается, постепенно превращаясь в пыль [1:29]. Люди, работающие на земле, наносят ей в ноги, но не могут одолеть ее упрямства, не могут восстановить разрушенную структуру.

Также весь поэтический мир Мандельштама пронизывают отношения ученичества [6:168]. В стихах памяти Андрея Белого есть строки: Собираетел пространства, экзамены славный итенец, / Сочинитель, ислеснок, студентик, студент, бубенец. Как снежок, на Москве заводи кавардак гоголек, — / Непонятен-понятен, невнятен, запутан, легок... [9:233]. Вероятно, слово непонятен-понятен характеризует не только сложность и запутанность сочинений писателя. Думается, в этом слове заключена и оценка способностей студента. У прилагательных понятный и непонятный были значения 'похитливый' [11, т. 10:1237] и 'непонятливый' [11, т. 7:1065].

В поэзии Мандельштама очень значимо слово народ — соотношение рангов 147:240. Кроме того, почти треть слов, обозначающих человека, составляют названия народов: Татары, узбеки и немцы, / И весь украинский народ, / И даже приволжские немцы / К себе переводчиков ждут. // И может быть, в эту минуту / Меня на турецкий язык / Янонец какой переводит / И прямо мне в душу проник [9:356]. Большинство из них гораздо более значимы, чем в общем языке: татарин 3153:7519, узбек 7672:9918, янонец 3348:4395. Слово немцы в словаре Шарова не представлено. Правда, слово немец (1582:460) для этого поэта гораздо менее значимо, чем в системе языка, но со словом германец (4044:19222) картина обратная. Примечательно, что переводчики своим трудом поддерживают связь между народами мира.

Тема единства мира необычайно важна для Мандельштама. В стихах этого поэта

часто встречаются однородные ряды, в которые входят обозначения лиц и предметов — см. [7:104]: Хлеба, серебряные рыбы, / Плоды и овощи простые, / Крестьяне — каменные глыбы, / И краски темные, живые [9:328]. Возможно, такие ряды — тоже знак связи между отдельными элементами мира, знак включенности их в некое общее целое.

Особенно значима в лирике Мандельштама тема связи времен и поколений: Для вас потомства нет — увы, / Бесполоя владеет вами злоба, / Бездетными сойдете вы / В свои похваленные гробы [9:350]. В стихотворении «Ламарк» лирический герой протестует против самой мысли о том, что всё живое лишь помарка / За короткий выморочный день [9:213]. Выморочный — слово из юридической терминологии, означающее 'оставшийся без хозяина за смертью владельца и отсутствием наследника' [11, т. 2 4257].

Наша статья посвящена лирике Мандельштама, но несколько слов следует сказать и о его прозе. В статьях о литературе он постоянно использует образы государства: «Подобно Блоку, Хлебников мыслил язык как государство» [10:348]. «Положение Бальмонта в России — это иностранное представительство от несуществующей фонетической державы» [10:251].

За пределами этих замечаний остались лексика сферы религии, термины родства и названия людей по профессии. Но уже можно сказать, что в мандельштамовском поэтическом мире очень значимы юридические и этические понятия. Вероятно, сошлись весь художественный мир Мандельштама. Однако это уже тема для другого исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гаспаров Б.М. Севооборот поэтического дыхания: Мандельштам в Воронеже, 1934–1937 // Новое литературное обозрение. № 63. М., 2003. С. 24–38.
2. Гаспаров М.Л. Художественный мир М. Кузмина: тезаурус формальный и тезаурус функциональный // Гаспаров М.Л. Избранные статьи. М., 1995. С. 275–285.
3. Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Л., 1979.
4. Гребенников А.О. Частотный словарь и образ мира писателя // Самоупотребление и стиль писателя. Вып. 3. СПб., 2006. С. 156–163.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: 4 т. М., 1989–1991.
6. Еськова А.Д. Лексика социальных отношений как показатель статуса персонажей в поэзии О. Мандельштама // Слово. Словарь. Словесность. Социокультурные координаты. Мат-лы Всероссийской научной конференции 15–17 ноября 2005 г. СПб., 2006. С. 167–172.
7. Еськова А.Д. Самоощенка лирического героя в поэзии О. Мандельштама // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 3. СПб., 2009. С. 102–106.
8. Корсаки В.И. Язык социального статуса. М., 2002.
9. Мандельштам О. Полн. собр. стихотворений. СПб., 1997.
10. Мандельштам О.Э. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1991.
11. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.: Л., 1948–1965.
12. Шаров С.А. Частотный словарь русского языка. <http://www.artim.ru/projects/fqqlist.asp>

К ПРОБЛЕМЕ ПОСТРОЕНИЯ СКРЫТЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ВОЗДЕЙСТВИЯ

Е.В. Жданова

Пятигорский государственный лингвистический университет

Во всяком речевом акте осуществляется воздействие. Результатом выступает тот факт, что, даже преподнося фатическую информацию, мы не просто сообщаем какие-либо сведения, мы хотим достигнуть определенной цели, то есть в любом случае оказываем прямо или косвенно воздействие на адресата [6].

Л.А. Киселева отмечает, что не только экспрессивные компоненты языка, но также и

нейтральные языковые средства могут служить успешной реализации планируемого эффекта воздействия [1].

Целью речевого воздействия является определение организации деятельности коммуниканта. Воздействуя на реципиента, мы стремимся смоделировать его поведение, в том числе и речевое, в нужном нам направлении. При этом в системе деятельности избираются такие моменты, на которые, как нам кажется, стоит воздействовать эффективнее всего [12, 15].

Вопрос, касающийся сущности речевого воздействия, берет свои истоки с античных времен, когда зародилось ораторское искусство или наука о красноречии – риторика. В античные времена были разработаны правила риторического выступления, способствующие эффективному воздействию на массовую аудиторию.

Со временем, исследования относительно речевого воздействия были дополнены за счет идей, почерпнутых из смежных наук: социологии, психологии, кибернетики, политологии, в результате чего феномен речевого воздействия стал представлять собой многообразное явление.

В лингвистике, с момента возникновения теории речевых актов, речевое воздействие стали относить к понятию перлокуции, введенному Дж. Остина и Дж. Серлем, под которым понимался речевогоздействующий эффект, оказываемый на мысли, чувства и действия собеседника [7]. И.П. Сусов, например, отмечает, что любые акты коммуникации совершаются для осуществления определенного речевого воздействия на адресата. [8].

Анализу направленности речевого воздействия и его эффективности посвящены многочисленные работы современных лингвистов (Леонтьев, 1969; Арутюнова, 1981; Касиранский, 1977, 1978; Славгородский, 1981; Демьянков, 1984; Стернин, 2001 и др.). Следует подчеркнуть, что исследования речевого воздействия в лингвистике достаточно разнородны. В частности, рассматриваются варианты того, как может быть искажено в тексте представление об исходной ситуации (Левин, 1974) или содержание чужой речи (Глованская, 1998), анализируется использование при речевом воздействии различных сегментов и механизмов языка (Баранов, Паршин, 1986).

Более того, среди исследователей нет единого мнения на понимание речевого воздействия, так как представители разных научных направлений используют разные критерии для определения этого феномена.

В теории речевой коммуникации под речевым воздействием принято понимать одностороннее действие, содержанием которого выступает социальное влияние на собеседника в процессе общения [9, 48]. Недостатком данного определения является то, что оно учитывает только один критерий – социальный, не принимая во внимание другие характеристики.

А.А. Леонтьев определяет речевое воздействие как акт общения с точки зрения его целенаправленности [3]. В условиях диалогической коммуникации происходит взаимное влияние участников общения друг на друга. Если же общение носит форму монолога (хотя даже в этом случае можно наблюдать обратную связь), то воздействие говорящего на слушателя будет выражено более эксплицитно, чем воздействие реципиента на оратора (которое также имеет место в условиях коммуникации).

В прагматической лингвистике, изучающей язык как средство воздействия, речевое воздействие трактуется как управление человеческим поведением посредством речевой информации [1, 3]. Г.Г. Матвеева полагает, что с речевым воздействием связан выбор языковых средств, содержащих социально обусловленный оценочный компонент [4].

А.А. Котов под воздействием вообще понимает запуск некоторых механизмов типа сигналов тревоги, а речевое воздействие определяет как запуск этих механизмов с помощью текста [2, 148-156]. Таким образом, А.А. Котов в основу своего определения речевого воздействия ставит психологический эмоциональный критерий.

Г.Н. Третьякова речевым воздействием называет воздействие с помощью языковых знаков на когнитивную среду реципиента, в результате чего у последнего активируются те

же точки ментальной системы, что и у его партнера. Активированная ментальная схема приобретает конфигурацию, сходную с конфигурацией той же ментальной схемы говорящего. Такая конфигурация должна сохраниться у реципиента в течение определенного промежутка времени после прекращения речевого воздействия. Это побуждает реципиента совершить действие, логичное и необходимое с точки зрения говорящего, непременно вытекающее из видения последней речевой ситуации и его градации ценностей, то есть действия, желаемое для говорящего [10]. Это определение достаточно четко раскрывает сущность и механизм воздействия на сознание собеседника.

В данной работе под речевым воздействием мы будем понимать оказание целенаправленного социально-психологического и эмоционального влияния на реципиента посредством речевых стратегических приемов и тактик и моделирование его речевого и иного поведения в желаемом нам направлении.

Для осуществления процесса эффективного речевого воздействия коммуниканту следует не просто найти объективное выражение в словах содержания, но также использовать самый оптимальный для этого способ, который будет единственно возможным в данной ситуации. Таким способом выступает использование различных речевых стратегий и тактик, помогающих собеседнику вначале согласиться с говорящим, а затем подкрепить свое согласие конкретными действиями.

Воздействия могут быть прямыми и косвенными. Если отправитель информации осознанно выбирает языковые единицы для достижения поставленной цели, а получатель информации фиксирует выбор говорящего, то мы говорим о прямом воздействии [11]. По мере развития языка усиливается важность косвенного воздействия, поскольку оно предоставляет свободу адресату для реагирования. В качестве одного из видов косвенного воздействия можно рассматривать оказание скрытого воздействия, при котором осуществляется коммуникативная маскировка целей и ситуации воздействия, а выбор языковых единиц не осознается ни отправителем информации, ни ее получателем [4].

Их сущность связана с пониманием речевого поведения, которое Г.Г. Матвеева определяет как лишенное осознанной мотивировки, автоматизированное, стереотипное речевое проявление в силу типичной прикрепленности такого поведения к типичной, часто повторяющейся ситуации общения. [4, 68]. Виды речевого поведения она называет скрытыми стратегиями речевого воздействия автора на своего получателя, которые подразделяются на группы: эмоционально-ориентированные и когнитивно-ориентированные.

Эмоционально-ориентированные стратегии сосредоточены на отправителе текста, выражающем свое субъективно-психологическое отношение к тому, о чем говорит.

Когнитивно-ориентированные стратегии отражают речевое поведение, направленное на получателя информации. Г.Г. Матвеева выделяет следующие стратегии данного вида [4]:

1) Скрытая речевая стратегия участия/неучастия коммуниканта в речевом событии, актуализирующаяся в личном, социальном и предметном плане.

2) Скрытая речевая стратегия уверенного/неуверенного речевого поведения автора, которая находит свое выражение в планах категоричного и некатегоричного утверждения.

3) Скрытая речевая стратегия «формирование отправителем текста у его получателя отношения к речевому событию путем оценивания», которая реализуется в трех планах – положительном, нейтральном и отрицательном оценивании.

З.И. Мережинская выделяет стратегии скрытия содержания, структура которых состоит из языковых и неязыковых средств скрытия, а также специфических метакommunikативных ходов по мониторингу коммуникации [5, 11].

В качестве языковых маркеров скрытия выступает комплекс из трех видов средств: коммуникативно-прагматических, семантико-синтаксических и лексико-грамматических, которые могут дополняться использованием метакommunikативных ходов. В целом, стратегии скрытия направлены на снижение коммуникативной насыщенности и на нарастание эллиптичности диалога [5, 12-13].

Обобщая все вышесказанное, следует подчеркнуть, что в целях эффективного

речевого воздействия коммуникант всегда стремится «авансировать» используемые им стратегии и тактики. Если же адресант смог распознать эти речевые приемы и, более того, сделать их предметом ответного речевого хода, мы можем вести речь о том, что эффективное общение не установлено и коммуникант не осуществил своего коммуникативного намерения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978
2. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Комкнига, 2005. – 212с.
3. Матвеева Г.Г. Диагностирование личностных свойств автора по его речевому поведению. Ростов н/Д, 1998.
4. Мерезинская З.И. Роль случайного слушателя в ведении англоязычной речевой коммуникации. Автореф. дисс. на соиск. Уч. Ст. к.ф.н. СПб, 2007 – 24с.
5. Миронова Е.А. Вариативность перлокутивного эффекта косвенной инклюзии вынуждене к сочувствию» (на материале бытовых диалогов англоговорящих и русскоговорящих коммуникантов). Автореф. дисс. на соиск. уч. Ст. к.ф.н. Ростов н/Д, 2006.
6. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. С. 151-169
7. Сусов И.П. Личность как субъект языкового общения // Личностные аспекты языкового общения. Тверь, 1989.
8. Тарасов Е.Ф. Место речевого общения в коммуникативном акте // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977. с. 48
9. Третьякова
10. Чуриков М.П. Согласие, несогласие и уклонение в аспекте речевого общения (на материале текстов немецких политических интервью). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к.ф.н. Пенза, 2005.
11. Харченко Е.В. Межличностное общение: модели вербального поведения в профессиональных сферах. Автореф. дисс. д.ф.н. Челябинск, 2004. – 49с.

ПОНЯТИЕ ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ФОРМАЛЬНЫЕ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Ю.А. Комарова
Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена

Изучение работ зарубежных и отечественных исследователей по проблемам природы и структуры дискурса позволило сделать вывод, о том, что названный феномен понимается учёными по-разному и со значительной степенью вариативности. Разнообразие трактовок объясняется тем фактом, что дискурс представляет собой объект изучения многих наук, в частности: лингвистики, паралингвистики, психолингвистики, социолингвистики, психологии, социологии, политологии, логики, философии, социальной семантике, этнографии, литературоведении, стилистики, а также прикладной лингвистики.

Однако даже в рамках лингвистической науки термин "дискурс" используется для обозначения феноменов разного порядка. В частности, названный термин трактуется как синоним терминов: речь, связанная речь (Г.Г. Почепцов), поток речи, сложное синтаксическое целое, сверхфразовое единство, текст (В.Г. Борботько), коммуникативно целостное и завершённое речевое произведение (Е. В. Клобуков), определённый тип ментальности (Н.А. Герасименко), вербализованное работающее сознание (О.Г. Ревзина, О.В. Жукова), сложное коммуникативное явление, включающее на-ряду с текстом невербальные факторы, которые влияют на его производство и восприятие (Т.А. ван Дейк, Р.А. Кармилова).

Полагаем, что разнообразие трактовок описываемого феномена производно от избранного авторами подхода. В частности, D. Schifflin выделяет в своих исследованиях три

основных подходов к определению данного понятия. По мнению автора, дискурс определяется: 1) с позиций формально ориентированной лингвистики - как произведение, превышающее по объёму предложение; 2) с функциональной точки зрения - как любое употребительно организованное, контекстуализованное единицы употребления языка. [8; 25]

Далее проанализируем лишь те научные позиции, существующие в современной лингвистической науке, которые отражают формально-функциональный подход к пониманию дискурса.

Н.Д. Арутюнова полагает, что дискурс - это динамически порождаемое и воспринимаемое связанное, коммуникативно организованное речевое произведение в совокупности с экстралингвистическими факторами: прагматическими, социокультурными, психологическими и др. [1; 136]

В.П. Конепка придерживается мнения, что дискурс есть фактически "творимый" в речи связанный текст, но рассматриваемый в событийном плане; это текст, в котором участвуют не только последовательности высказываний и их интонационное оформление, формы переспроса, перебивания партнера, виды реакции на вопрос и т.п., но и языковые факторы (экстралингвистические) познавательные, этнографические, социокультурно-логические, психологические и др. [5; 103] Таким образом, в дискурсе актуализируются как вербальные, так и невербальные средства, включая правила речевого этикета.

Ю.И. Карзулов понимает под дискурсом речевое произведение, которое рассматривается во всей полноте своего выражения (вербального и невербального) и устремления с учетом всех экстралингвистических факторов (социальных, культурных, психологических), существенных для успешного речевого взаимодействия. [3; 98]

Дискурс по А.Е. Кибрику - "коммуникативная ситуация, включающая сознание коммуникантов (партнеров общения) и создающийся в процессе общения текст". [4; 41]

В.В. Красных понимает дискурс как вербализованную речемыслительную деятельность, представляющую собой совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами. При рассмотрении дискурса с точки зрения результата дискурс предстает, как совокупность текстов, порожденных в процессе коммуникации.

При анализе дискурса как процесса дискурс являет собой вербализуемую речемыслительную деятельность. Дискурс имеет 2 плана - собственно-лингвистический и лингво-когнитивный. Первый связан с языком, манифестирует себя в используемых языковых средствах и проявляется в совокупности порожденных текстов (дискурс как результат). Второй связан с языковым сознанием, обуславливает выбор языковых средств, влияет на порождение (и восприятие) текстов, проявляясь в контексте и пресуппозиции (дискурс как процесс). [6; 23]

Отметим, что многообразие трактовок и дефиниций рассматриваемого феномена привело к необходимости систематизации сведений и точек зрения по названному вопросу.

Предпринятый нами анализ сути и содержания феномена дискурса позволил сделать вывод, что в современной лингвистической науке наметилось две основные позиции в понимании и трактовке природы дискурса.

Согласно первой из них дискурс рассматривается как совокупность тематически соотнесенных текстов. Содержание дискурса раскрывается интертекстуально, то есть в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов. Иными словами, дискурс представляет собой комплексную взаимосвязь нескольких текстов, функционирующих в пределах одной и той же коммуникативной сферы, в связи с чем, отдельные сферы человеческого познания и коммуникации рассматриваются в качестве специальных дискурсов. [7; 12]

В рамках обозначенной трактовки дискурс представлен через функциональные характеристики, основанные на различии коммуникативных сфер. По этому основанию

различают такие виды дискурса, как обиходно-бытовой, деловой, научный, ораторский, газетно-публицистический и др. Признаками таких дискурсов являются не только особенности их построения, приемы усечения, зашпательки и т.п., но также тщательный выбор слов по их функционально-стилистическим характеристикам: для научного дискурса характерны термины и книжные слова, для обиходно-бытового – разговорная лексика, для делового неизбежны канцеляризмы, для ораторского возможны поэтизмы, архаизмы и т.д. [5; 112]

Здесь же уместно будет говорить о дискурсе институциональном, то есть о специализированной клишированной разновидности общения, обусловленного социальными функциями партнеров и регламентированного как по содержанию, так и по форме, например, педагогический дискурс, технический дискурс и т.д.

В соответствии со второй позицией, дискурс понимается как конкретное коммуникативное событие, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве, имеющее вероятностную природу и характеризующееся зачастую отсутствием четких границ.

Очевиден факт, что в принципиальном плане первый подход отличается от второго подхода как количественным, так и качественным измерением поля дискурса. Полагаем, что в данной ситуации речь идет о понимании дискурса в широком его значении – в первом случае, и в более узком, частном – во втором случае.

Предпринятый анализ понимания феномена дискурса позволил сделать вывод, что большинство авторов придерживаются мнения, что для любого дискурса характерны следующие свойства: тематическая связность; содержание речевого фрагмента (монологического или диалогического) концентрируется вокруг определенной темы, например: профессиональная компетенция преподавателя вуза, международные научные связи, технология проведения эксперимента и т.п.; ситуативная обусловленность: речевые действия актуализируются в конкретной коммуникативной ситуации, характерной для той или иной коммуникативной сферы (научной, деловой, профессиональной и др.); динамичность: развитие или даже некоторое изменение темы в условиях одной и той же коммуникативной ситуации; изменение темы может быть спонтанным (чаще всего в устной речи) или постепенным (чаще всего в письменной речи), логически обоснованным и необоснованным, намеренным и ненамеренным; динамичность может проявляться и в смене общей тональности дискурса; социальная ориентация: в речевых фрагментах актуализируются важнейшие категории социальной коммуникации: коммуникативные роли, коммуникативная установка, ценностная ориентация коммуникантов и социальный статус, например, статусная субординационность и координационность в научной сфере; неоднородная структурированность проявляется по многим параметрам функционального и когнитивного аспектов коммуникации благодаря тому, что в дискурсе актуализируются как языковые, так и неязыковые факторы; недискретность: неопределенность границ дискурса как целостного речевого произведения; в отличие от высказывания, дискурс зачастую не обладает выраженной целостностью, законченностью.

В заключении ещё раз подчеркнём идею о том, что как в содержательном, так и в формальном плане дискурс обладает определёнными признаками целостности; причём в содержательном плане признаками целостности дискурса являются коммуникативная ситуация и тематическая связность, логичность, последовательность и преемственность, а в формальном плане – невербальные сигналы, обозначающие конец разговора, или паузы, переключающие коммуникантов на другую тему.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арутюнова И.Д. Дискурс. // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Наука, 1990. - 403 с.
2. Борботко В.Г. Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслообразования). Дисс.... докт. филол. наук. - Краснодар, Изд-во КГУ,

1998. - 38с.

3. Караулов Ю.Н. Русский язык. Энциклопедия. /2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1998. - 703 с.
4. Кибрик А.Е. Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987. - 150с.
5. Конечная В.П. Социология коммуникации. Москва: Высшая школа, 1997. - 308с.
6. Красных В.В. Структура коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода. Автореферат диссертации доктора филологических наук. - Москва, 1999. - 64 с
7. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. - М.: Флинта: Наука, 2006. - 136 с.
8. Schiffrin D. Approaches to Discourse. Oxford, Cambridge, Mass., 1994. - P. 20-43.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМЫ

Е.В. Куликова, Е.Н. Галичкина
Астраханский государственный университет

Каждое время предполагает свои актуальные темы. Развитие экономики в России сделало приоритетным изучение рекламы. Реклама представляет собой особый вид текста, уникальность которого в том, что он объединяет в себе признаки всех родов словесности. В настоящий момент в рекламе используются речевые, зрительные и звуковые приемы воздействия на разных видах носителей информации. Выше сказанное обуславливает необходимость изучения рекламы как особого вида текста.

Из всех проанализированных определений понятия «реклама» для нас наиболее близким является определение, данное А.В.Полукаровым, введя за которым под рекламой понимается продуманное, лаконичное, ясное и эмоционально-позитивно-наполненное сообщение с организованным и планомерным применением средств воздействия на группу лиц с целью представления и продвижения идей [1].

Интернет-реклама обладает следующими, отличительными от других видов рекламы, особенностями: 1) интерактивность; 2) объемность рекламируемой информации; 3) гипертекстуальность; 4) оперативность [2]. Под интерактивностью понимается способность Интернет-рекламы «отвечать» пользователю, подобно некоторому лицу, участвующему в диалоге в режиме реального времени. Объемность заключается в свойстве Интернета размещать большое количество рекламируемой информации, включая графику, звук, видео и спец. эффекты. Посредством гипертекстуальности рекламируемая информация представляется в виде набора связанных страниц; читатели могут изучать информацию, перемещаясь от одной страницы к другой. Оперативность Интернет-рекламы представляет собой возможность оперативно изменять и корректировать рекламируемую информацию в сети Интернет.

Текст рекламного сообщения представляет особую важность. Главной характеристикой рекламного текста является его формульный характер.

Существует известная формула рекламы «AIDA» – attention, interest, desire, action, что в переводе на русский язык – внимание, интерес, желание (приобретения), действие (т.е. покупка товара). Первый компонент данной формулы осуществляется при помощи заголовка. Следовательно, главным предназначением заголовка можно считать привлечение внимания. Второй компонент формулы осуществляется первой частью рекламного текста. Третий компонент, желание приобрести товар, достигается при помощи описания главных преимуществ рекламируемого товара или услуги. Такое описание может быть представлено в форме рекомендации. Например, если рекламируется какая-либо медицинская услуга, то целесообразно поместить в рекламе сообщение пациента, воспользовавшегося данной

услугой. Наконец, четвертый компонент формулы – побуждение к действию, то есть побуждение к приобретению товара, как правило, достигается путем помещения в рекламном тексте ссылок с использованием императивной формы вроде “click here to get started” [3].

В ходе исследования нами было проанализировано 100 примеров телевизионных рекламных роликов и такое же количество Интернет-рекламы. Полученные данные позволили сделать вывод, что текст рекламного сообщения, как телевизионной, так и Интернет-рекламы, обладает рядом особенностей. К ним можно отнести:

1) коннотативность; Любое рекламное сообщение содержит в себе коннотативный аспект. В Интернет-рекламе эмотивное отношение субъекта речи к обозначаемому выражается такими фразами как: “I’m loving it”, “the best” и т.д. Ex.: McDonalds: I’m loving it/Это я люблю.

2) конкретность и образность описываемых качеств; В Интернет-рекламе конкретность и образность описываемых качеств достигается путем четко сформулированного рекламного текста, который носит описательный характер. Ex.: Neutrogena: Get clean, clear, healthy-looking skin/Сделайте кожу здоровой, гладкой и чистой.

3) позитивное наполнение (избегание употребления отрицательной частицы «не»); Для вызывания положительного эмоционального отклика в Интернет-рекламе используются слова “happy”, “glad”, “welcome”. Ex.: Mary Kay: Happy new you/Новая счастливая ты.

4) использование ритмического и фонетического повтора; Ex.: Jaguar: Don’t dream it, drive it/Не мечтайте – управляйте. Алитерация звука [d] и шифорический повтор местоимения “it” придает рекламному тексту четкость и делают его легко запоминающимся.

5) применение языковой игры при построении рекламного текста; Для Интернет-рекламы наиболее частотными являются такие приемы как

а) словообразование; Ex.: Guinness: Guinness isn’t good for you/“БезGuinness” – вредно для Вас. При помощи словообразовательного суффикса “less” появилось слово “guinless”.

б) каламбур, не включающий в себя название бренда; Ex.: Zanussi: The appliance of science/Наука в действии.

в) каламбур, включающий в себя название бренда; Ex.: Ritz Crackers: Nothing fits like a Ritz/Ничто так не подходит как Ritz. Вместо fits используется написание fitz с целью графического уподобления названию рекламируемого бренда.

6) доступность для понимания, отсутствие терминов; Ex.: Avon: The company fit women/Компания для женщин. Такая Интернет-реклама предельно понятна для большинства пользователей.

7) специфичность и ассоциативность с рекламируемым брендом; Ex.: Cheese Council: Anyway you please it, cheese it/Чем бы Вы не наслаждались, делайте это с сыром (Cheese Council). Уникальность данной Интернет-рекламы в использовании оригинальной рифмовки “please it – cheese it”.

8) использование императивных форм высказывания; Ex.: Internet – market: Click here to find the perfect corporate holiday gifts/Нажмите сюда, чтобы получить замечательные корпоративные подарки к празднику. Для прямого побуждения к действию используется императив “click here”.

9) разговорный стиль рекламного сообщения; Данная характеристика, как выяснилось в ходе исследования, в Интернет-рекламе находит свое отражение в сокращениях. Ex.: Mary Kay: You won’t believe your thighs, you’re two steps away from a new you/Вы не поверите своей одежде, Вы в двух шагах от новой себя.

Наряду с перечисленными характеристиками, Интернет-реклама, на наш взгляд, обладает своими отличительными лингвистическими особенностями. Таковыми, по нашему мнению, являются:

1) активное использование окказионализмов; Ex.: Snickers Brand: Satisfieeellent. Nougatocisty. Hungerectomy. Сама компания расшифровывает одно из приведенных слов следующим образом: “Hungerectomy – a highly precise procedure, involving your hunger getting

punched in the face, dragged into an alley, and robbed”/ Голодомия (хангоректомия) – крайне шепетильная процедура, в процессе которой Ваш голод получает удар по лицу, затаскивается в темный переулок и становится жертвой ограбления. В данном случае, мы также сталкиваемся с таким стилистическим явлением как персонификация, наделение абстрактного понятия “hunger”(голод) человеческими характеристиками.

2) частотное употребление ключевых (уточняющих) слов; Именно Интернет-рекламе присуще наиболее частотное употребление ключевых слов. Ex.: Avon: Valentine makeup and gifts just for you/Макияж от Валентина и подарки только для Вас. Индикатор степени точности номинации “just” и обращение к потенциальному клиенту посредством местоимения “you” носят суггестивный характер и направлены на воздействие на психику человека.

3) создание эффекта скрытого диалога посредством приема «условная реплика»; В ходе исследования мы выяснили, что в Интернет-рекламе чаще, чем в других видах рекламы, используется эффект скрытого диалога. Ex.: Heineken: How refreshing, how Heineken! Как освежающе! Как Heineken! Фраза выглядит как вырванная из диалога реплика и придает рекламе ситуативное осмысление.

4) косвенность рекламного сообщения (применение эффекта недосказанности); Нами замечено, что в Интернет рекламе широко используется эффект недосказанности. Ex.: BB&T: Great opportunities are just a click away/ Большие возможности всего в одном клике от Вас. Приведенный пример не является информативной Интернет-рекламой, но может привлечь внимание адресата к сообщению.

5) краткость и законченность построения рекламного текста; Анализ изученного материала позволил заключить, что из всех видов рекламы, Интернет-реклама является самой лаконичной. Ex.: John Deere Tractors: Nothing runs like a Deere/ Ничто так не быстро не едет как Deere. Являясь своеобразным заголовком к сайту, Интернет-реклама должна быть целесообразно краткой. Приведенный пример состоит из четырех слов и явно указывает на преимущества товара.

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что Интернет-реклама обладает рядом лингвистических особенностей, характерных и для других видов рекламы. К таким мы относим: 1) коннотативность (эмотивное отношение субъекта речи к обозначаемому); 2) конкретность и образность описываемых качеств; 3) позитивное наполнение (избегание употребления отрицательной частицы «не»); 4) использование ритмического и фонетического повтора; 5) применение языковой игры при построении рекламного текста; 6) доступность для понимания, отсутствие терминов; 7) специфичность и ассоциативность с рекламируемым брендом; 8) использование императивных форм высказывания; 9) разговорный стиль рекламного сообщения.

Наряду с перечисленными характеристиками Интернет-реклама обладает своими отличительными особенностями: 1) активное использование окказионализмов; 2) частотное употребление ключевых (уточняющих) слов; 3) создание эффекта скрытого диалога посредством приема «условная реплика»; 4) косвенность рекламного сообщения (применение эффекта недосказанности); 5) краткость и законченность построения рекламного текста.

ЛИТЕРАТУРА:
1. Ланева М.Ю. «Реклама в Интернете», 1999, [2].
2. Полукаров А.В., Голядкин Н.А. «Рекламный менеджмент: телевидение и радиовещание», 1994, [1].
3. Meyerson M., “Success Secrets of the Online Marketing”, 2005, [3].

ОСОБЕННОСТИ МАЛОЙ ПРОЗЫ ВАРЛАМА ШАЛАМОВА

П.В. Панченко
Астраханский государственный университет

В статье рассматривается проза В. Шаламова как самобытное явление русской литературы XX века. Автор предпринял попытку выявить особенности творческой манеры писателя и определить ряд важнейших этических принципов, ставших для писателя ключевыми в процессе художественного осмысления окружающего его мира.

Творчество В. Шаламова является самобытным явлением русской литературы, которое обусловлено масштабом его дарования, стилистическим своеобразием произведений. Высказательная подчиненность Шаламова русской литературной традиции, органичное и естественное следование ей, не воспрепятствовали тому, что шаламовская проза стала развиваться по собственным законам, подчинившись особой эстетике.

В. Шаламов нашел язык, чтобы говорить с целым миром о надеждах и устремлениях человека, о его достоинствах и заблуждениях.

В центре повествования В. Шаламова - художественная картина мучительной судьбы человека 20 века, захваченного в сети враждебных ему катаклизмов эпохи, пограничного и растоптанного. А также то, что человек оказался гораздо хуже, чем о нем думали русские гуманисты 19 и 20 веков. Да и не только русские...» [3:172].

Исповедальная проза В. Шаламова представлена «Кольскими тетрадями» и «Кольскими рассказами», которые являются бесценным свидетельством о «ожидании по мукам» миллионов таких же безвинных, расстрелянных, замученных, потопивших от голода и истощения, от запредельно тяжелого рабочего труда в сталинских лагерях уничтожения. «Варлам Шаламов - это «Кольские рассказы» прежде всего. Его «Кольские рассказы» - грозный документ эпохи. Как никто другой, В. Шаламов сумел рассказать миру обо всех ужасах лагеря, дав исчерпывающий анализ не только лагерного бытия тех лет, но и широчайший обобщенный анализ времени» [1:129], определяющим для которого было «плановое истребление целой «социальной» группы - всех, - кто запомнил из русской истории последних лет не то, что следовало запомнить. Репрессия - это государственный акт, в котором личная вина пострадавшего имеет второстепенное значение» [3:24].

«Кольские рассказы» написаны суховатым, достаточно неуклюжим языком, являя собой по внешним приметам классический образец показаний очевидца. Ровным голосом рассказчика он откровенно и буднично делится приобретенным горьким лагерным опытом: «На Кольме нельзя советоваться ни с кем. У заключенного и бывшего заключенного нет друзей. Первый же советчик побежит к начальнику, чтобы рассказать, выдать товарища, проявить бдительность» [3:376].

Писатель признает, что пробы лагерем не выдерживали 99% людей (рассказ «Инженер Киселев»). Среди составивших один процент выдержавших - и сам Варлам Шаламов. Он в своих рассказах постоянно решает вопрос о соотношении физиологического и духовного, биологического и социального. Чаще всего те из заключенных, которые пережили жестокость и несправедливость начальства, впоследствии сами становятся палачами, развращаясь данной им властью.

Антагоничность лагерного мира побудила писателя к использованию контраста на уровне системы образов. В рассказах противопоставляются друг другу разные люди («Академик», «Американцы вурты», «Рыбком», «Потомок декабриста») и др. с тем, чтобы провести параллель между миром людей и миром природы, животных, причем, сравнение это у Шаламова - всегда не в пользу человека. («Сука Тамара», «Медведи» и др.). Противоречия часто коренятся и внутри одного образа (Шнейдер из рассказа «Тифозный капитан», конвоир Фадеев - «Ягоды», тетя Поля в одноименном рассказе, несный розовошейный людоед - лейтенант ташковых войск Свечников - рассказ «Домино») и другие.

По мнению И. Некрасовой, «контрасты внутри образа, на уровне героя становятся

выражением шаламовской убежденности, что нормальный человек не в состоянии противостоять аду ГУЛАГа, что лагерь способен лишь растоптать и уничтожить человеческую личность» [2:10-11].

В. Шаламов так характеризует «Кольские рассказы» в плане литературном: «Рассказы мои - не рассказы в обычном смысле. В них нет сюжета, нет пресловутого характера. Новая русская проза - вот их первое значение для автора». В. Шаламов убежден, что «современная проза может быть добыта только в личном опыте, когда отсечение все что «современное, мешающее главному, когда любое книжное суждение, метафора, стиль, литературное, мешающее главному, когда любое книжное суждение, метафора, стиль, литературное постулат подвергнуты жесточайшей личной проверке. Когда отброшено все нравственный постулат, срывающее истину, как бы эта истина ни была неприглядной. Все лишнее, все, срывающее истину, что было связано с художественной литературой» [3:922].

В. Шаламов считал, что его произведения не могут вписаться в традиционные границы русской литературы с ее проповедничеством, учительством и гуманизмом. «Искусство лишено права на проповедь», - писал В. Шаламов. Искусство не облагораживает, не улучшает людей. Искусство - способ жить, но не способ познания жизни... Новая проза - само событие, бой, а не его описание...» [3:16]. «Я сделал попытку реализовать те новые идеи в прозе, которые занимали меня всю жизнь, попытку выйти за пределы литературы» [3:126].

Друг В. Шаламова Б.Н. Лосия дал такое определение новой шаламовской прозе - это «совмещение художественной прозы с документальностью мемуаров. Такая проза позволяет воспринимать ее как мемуары, обретая одновременно право на домисел и вымысел, на произвольное толкование судеб героев, сохраняя их настоящие имена» [1:126].

Так, И. Некрасова в своем исследовании «Варлам Шаламов - прозаик» указывает на неоднозначный характер документализма у этого автора: «С одной стороны, он совпадает с автобиографическими фактами (как происходит в большинстве рассказов писателя), с другой - автор иногда уходит за пределы автобиографии, ведь кольский мир не может быть исчерпан судьбой лишь одного заключенного. Кроме того, писатель часто трансформирует реальное событие ради художественной цельности произведения, ради удачной и верной детали. Неточность факта в таких случаях компенсируется точностью передачи духа, трагедии, времени. Душа автора - вот самый главный документ, использованный в шаламовской прозе» [2:6].

Показательными примерами такой прозы являются рассказы «Инженер», «Калигула», «Окзамен», «Город на горе», где пышный вымысел перемешан с ключками собственной биографии» [1:126]. В письме Б.Н. Лосия от 23 марта 1963 года В. Шаламов писал: «Помнить нужно вот что: успех художественного произведения решает его новизна. Эта новизна многосторонняя: новизна материала или сюжета, идеи, характеров, психологических наблюдений, которые должны быть новы, тонки и точны, новизна описаний в пейзаже, в портрете: свежест и своеобразие языка. Второе, что тебе надо очень хорошо понять: правда действительности и художественная правда - вещи разные. Истинно художественное произведение - всегда отбор, обобщение, вывод. В рассказе нужна выдумка, вымысел, «давление сюжетов». К основной схеме должны быть присоединены наблюдения одновременно, ибо рассказ - не описание случая. Третье: наша сила в нашем материале, в его достоверности. И любой прямой мемуар в полном согласии с датой и именами более «соответствует» нашим знаниям о предмете. У произведения, имеющего вид документа - сила особая» [1:126].

В абсолютном большинстве рассказов герой - повествователь по ряду автобиографических подробностей, а также внешне и хронологически максимально близкен с автором - Варламом Шаламовым (рассказы «Дождь», «Домино», «Галстуки», «Погоня за паровозным домом» и др.).

Польский ученый - литературовед Ф. Апанович рассматривает новую прозу В. Шаламова «как акт художественной коммуникации, в котором повествование лишь один из элементов» [5:20]. Ф. Апанович говорит об «авторском мифе» в текстах Шаламова,

восходящем к биографии писателя, воспринимаемой как «миф», основанный на фактах его жизни, но объясняющий глубинные смыслы его произведений. В этом «мифе» жизнь и произведение – неразрешимое целое.

По мнению автора цитируемого исследования, Шаламов ведет в «Колымских рассказах» своеобразную «игру» между авторитетом и получателем таким образом, создаст иллюзию реальности изображаемого и иллюзию присутствия реального автора. Это – главная особенность его художественной системы.

Биография Шаламова крайне важна, так как многие факты из его жизни – материя, из которой создан его художественный мир.

Согласно авторскому мифу Шаламова, его главная и единственная роль в жизни – это роль писателя, представляющего собою одновременно Жертву, Художника и Свидетеля. Эмоционально прохладные, детальные рассказы Шаламова заставляют читателя поверить в это. Сведенная к минимуму описательность, неправильный синтаксис, недомолвки, определяют структуру текста и передают «большую психику» узника и «большую действительность» лагеря. У Шаламова четко обозначено пространство: Колыма – больница – зона. «Лагерная Колыма – это огромный организм, размещенный на восьмой части Советского Союза» [3:666].

Проза В. Шаламова интертекстуальна – благодаря наличию аллюзий, цитат и квазицитат, отсылающих к Пушкину, Тютчеву, Мандельштаму. Таким образом точка зрения персонажа максимально приближается к точке зрения автора. Шаламов не дает прямых оценок поведению своих героев, авторское отношение угадывается по некоторым деталям. «Я придаю чрезвычайное значение первой и последней фразам» [3:843]. Поэтому каждое произведение В. Шаламова живет своей жизнью и ведет диалог с читателем.

В Шаламову практически удалось достичь такого состояния прозы, когда она ничего не значит помимо того, на что указывает, что сообщает. Нет метафор, аллегорий, глубинного смысла, вообще двусмысленностей. Все, что дано, дано непосредственно. «Отражать жизнь? Я летописец собственной души, не более. Я ничего отражать не хочу, не имею права говорить за кого-то (кроме мертвецов колымских, может быть). Я хочу высказаться о некоторых закономерностях человеческого поведения в некоторых обстоятельствах не затем, чтобы чему – то кого – то научить. Отнюдь. Мои рассказы – это, в сущности, совесть человеку, как держать себя в толпе».

Шаламов так объясняет, почему он пишет рассказы:
«1. Я не верю в литературу. Не верю в ее возможности по исправлению человека. Опыт гуманистической русской литературы привел к кровавым казням XX столетия перед моими глазами».

2. Я и не верю в ее возможность кого-нибудь предупредить, избавить от повторения. История повторяется и любой расстрел тридцать седьмого года может быть повторен».

3. Почему же я все-таки пишу?
Я пишу для того, чтобы кто-то в моей, очень далекой от всякой лжи прозе, читая мои рассказы, всякий мог сделать свою жизнь такой, чтобы доброе сделать хоть в малом плане. Человек должен что-то сделать» [3:361-362].

Книга «Колымские рассказы» – «фотография лагерей уничтожения», – по образному выражению В. Шаламова, – состоит из 33 рассказов, стоящих в строго определенном, но не хронологическом порядке. Этот порядок позволяет увидеть сталинские лагеря как живой организм, со своей историей и развитием.

На наших глазах меняется вся шкала требований к литературному произведению, требований, которые такая художественная форма, как роман выполнить не в силах. «Роман умер. И никакая сила в мире не воскресит эту литературную форму» [3:544]. Выход писатель видит в той форме художественного повествования, которые представляют его «Колымские рассказы».

Как было указано выше, у них нет сюжета. Автор намеренно переходит от первого лица к третьему. «Рассказывать об этой жизни нельзя от первого лица. Ибо это будет рассказ,

который никого не заинтересует, – настолько беден и ограничен будет душевный мир героев» [3:148]. Ввод документа, употребление то подлинных, то вымышленных имен, переходящий герой – все это средства, которые служат одной цели – показать, что даже в самых чудовищных условиях человек обязан оставаться человеком.

Рассказов, где изображены не сломленные люди, у В. Шаламова мало. Но есть один герой, который присутствует во всех рассказах, который выстоял до конца и донес правду – это сам автор. Автор выживает в этих условиях благодаря огромной силе внутреннего морального сопротивления и вере в человека. Д.С. Лихачев так определил суть творчества В. Шаламова: «Вы выразили себя и свое» [3:942].

Его проза только на первый взгляд кажется бесхитрым изложением фактов и событий. Это не только историческое свидетельство о преступлениях тоталитарного режима, но и стиль, уникальная ритмика прозы, новаторская новеллистичность, всепроникающая парадоксальность, блестящее владение словом в его смысловом и звуковом облике. Все рассказы имеют единый музыкальный строй, известный только автору.

Итак, анализ прозы В. Шаламова позволил выявить особенности творческой манеры писателя, определить ряд важнейших этических принципов, ставших для писателя ключевыми в процессе художественного осмысления мира, понять его отношение к действительности как факту и показать возможные пути сохранения человеческого облика в любых обстоятельствах.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Лесняк Б.Н. Мой Шаламов // Октябрь. - 1999. - №4. - С.111-129.
2. Некрасова И.В. Варлам Шаламов – прозаик: Автореф. дисс. канд. фил. наук. Самара, 1995.
3. Шаламов В.Т. Воспоминания. – М., 2004.
4. Шаламов В.Т. О прозе // Шаламов В. Левый берег. М., 1989.
5. Шумера М. Польская критика о Варламе Шаламове и «лагерной» прозе. – М., 2001.

СЕКЦИЯ 2. ЯЗЫК КАК ОДНА ИЗ КОГНИТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА

СПОСОБ, ЦЕЛЬ И ПРИЧИНА КАК НЕОБЛИГАТОРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ФРЕЙМА НАМЕРЕННОГО СОЗИДАНИЯ ОБЪЕКТОВ ДЕЙТЕЛЬНОСТИ

М.С. Белозерова
Белгородский государственный университет

В лингвистике не существует четкого разграничения понятий действие и деятельность, анализ большинства исследований указывает на недифференцированность употребления данных понятий. В.Г. Гак [2:77-84] отмечает, тот факт, что действие этимологически связано со словом деятельность, которое имеет более отвлеченное значение. Как в психологии, так и в философии действие определяется как единица деятельности и является произвольной преднамеренной активностью, направленной на достижение определенной цели. В то же время, в структуру деятельности входит не только субъект, объект, процесс, но и цель, средство, результат и т.д. Исследуя лексико-семантическую группу глаголов репрезентирующих фрейм намеренного создания объектов деятельности, мы приравниваем понятия «намеренное создание» и «целенаправленная деятельность по достижению результата». Прежде всего, считаем необходимым, уточнить тот вид человеческой деятельности, который имплицитно глаголами намеренного

создания объектов действительности. Принимая за аксиому тот факт, что в основе всех сторон жизни человека (практической и духовной) лежит трудовая деятельность, выделяем среди ее различных видов два основных. Один связан с тем или иным воздействием на уже существующий предмет и описывается в языке глаголами физического действия. Другой имеет целью создание новых объектов действительности в процессе репродуктивной деятельности, направленной на получение уже известного результата известными средствами и продуктивной деятельности или творчества, связанного с выработкой новых целей и соответствующих им средств или с достижением известных целей с помощью новых средств. [1;180-181] Этот вид человеческой активности представляет собой сочетание так называемой «высшей» деятельности, осуществляемой путем различных физических действий, и «внутренней» деятельности, осуществляемой посредством умственных действий. [5;109] Таким образом, процесс намеренного создания объектов действительности, в отличие от физических, механических процессов – это процесс значительно более сложный. В зависимости от различных обстоятельств, действия человека могут быть рассмотрены как механические и как творческие. Например, глагол to weave в сочетании to weave a carpet может обозначать и процесс обычного осуществления действия определенным способом и инструментом, и сложный творческий процесс создания художественной ценности.

Понятие творческой активности включает в себя понятие физической деятельности, оно значительно шире его и предусматривает применение комплексных сложных усилий, направленных на создание объектов действительности. Соотношение намеренно прилагаемых усилий для создания объектов действительности интересно с той точки зрения, что субъект действия может быть исполнителем, инициатором или художником. Указание на творческий характер действия в отличие от механического обычно исходит из ситуации (контекста). Физические, механические действия и намеренная деятельность, направленная на создание объектов действительности, как правило, различаются целью, характером и результатом процесса.

Несомненно являясь одним из видов деятельности человека, намеренное создание объектов действительности определенным образом структурировано, основные компоненты данной структуры – деятель-создатель (агент/источник), действие-создание, его причина, используемое средство или инструмент, объект, на который направлено действие и, наконец, цель [3;84-90].

Наиболее лингвистически ориентированными из всех структур для хранения и представления знаний являются фреймы.

Мы представляем фрейм «намеренного создания объектов действительности» как многомерную, иерархическую структуру, когнитивную пропорциональную модель организации знаний о стереотипной ситуации намеренного создания объектов действительности, которая включает в себя обязательные и необязательные компоненты и признаки. Исходя из того, что фрейм может быть представлен в виде организованной иерархической сети, которая состоит из вершинных узлов, наполняемых информацией справедливой по отношению к любой ситуации намеренного создания объектов действительности, и более низких уровней называемых слотами, которые заполняются дифференциальными характеристиками и данными, очевидно, что при актуализации фрейма именно нижние уровни-слоты участвуют в модификации и «подстраивании» фрейма под условия реальной ситуации.

Нижние узлы-слоты заполняются информацией об инструментах, месте, времени, результате, цели и т.д. Перспективизация того или иного участка фрейма объясняется его значимостью в контексте ситуации.

Необязательные или факультативные компоненты (называемые также терминалами или слотами) могут находить выражение в использовании лексико-семантических и грамматических средств языка.

В рамках данной статьи мы рассмотрим лишь некоторые факультативные компоненты

ситуации намеренного создания. Одним из них является способ. Под способом мы понимаем то, как субъект создаёт объект действительности. На языковом уровне этот компонент может быть выражен: 1. маркерами образа действия: slowly, lovingly, quietly, carefully, deliberately и др.; 2. конструкциями содержащими сравнение: the same way, as before и др.; 3. союзом by или фразой со значением according to.

The invisible bricklayer built steadily, and the wall marched inexorably onward. [6]

Duckhams Oils, like the companies nominated for this award, is a specialist company that manufactures high-performance products to the highest standards. [6]

Способы намеренного создания объектов могут варьироваться в зависимости от конкретной ситуации и либо эксплицитно, либо имплицитно в речевом высказывании. Вариативная возможность способов намеренного создания одновременно исключает присутствие разных способов в одном и том же предложении-высказывании. Способ намеренного создания может быть отнесён к 3 основным сферам на наш взгляд: 1) сфере физической деятельности; 2) сфере ментальности; 3) сфере эмоционального восприятия человека. Однако мы не исключаем возможности других способов намеренного создания в других ситуациях намеренного создания объектов действительности.

He built power by playing off left against right, searching for compromises. [6] – способ создания предполагает исключительно применение интеллектуальных усилий

He had build a wall of self-sufficiency around himself, strong enough to defend him against the world. [6] – в данном примере способ предполагает эмоциональную основу, но не получает языковой экспликации.

Eileen, the class teacher, is working with a group of boys who are inventing an adventure story about the castle they have just constructed carefully together. [6] – способ создания предполагает физическое действие

Способ намеренного создания объектов действительности также может имплицитно семантику самого глагола, т.к. язык способен передавать информацию об объективной действительности как эксплицитно, так и имплицитно.

Цель подразумевает то, для чего создается тот или иной объект действительности и чаще всего на языковом уровне цель представлена в придаточных инфинитивных предложениях и в why-вопросах...

The company will produce more high-tech gadgets to meet the demand of the market. [6]

Why build (and then replace) earth and wood castles? [6]

But why copy the method, if this time the killer is someone else? [6]

Цели намеренного создания объекта действительности могут быть различными, но анализ ситуации намеренного создания убеждает нас в наличии, по крайней мере, двух основных ЦЕЛЕЙ, ее организующих: 1) истинно созидательная (во благо), 2) создание с импликацией/экспликацией разрушения

In The Hitch-hiker's Guide to the Galaxy the author, Douglas Adams, describes a planet inhabited by a race of hyperintelligent pan-dimensional beings who build a hyperintelligent computer to help them come up with the answer to Life, the Universe and Everything. [6]

Tell us the recipe and I'll have the Imperial Engineers, they will build a weapon that will destroy the Goblin hordes forever. [6]

Иногда этот компонент совпадает с другим факультативным компонентом таким, как причина. Еще Аристотель указывал на то, что причина, немаловажна без целесообразности [3;353]. В данной работе мы принимаем философскую трактовку причины как явления, действие которого производит, определяет или вызывает другое действие [3;353]. Действительно, так как намеренное созидательное действие производится не само по себе, а ради определенного результата (удовлетворение физических, интеллектуальных запросов для достижения благосостояния, самореализации и способности влиять на окружающей ошеломленный/неудовлетворенный мир), объяснение сущности ситуации есть раскрытие целевой причины.

Eight thousand miners were known to be in Yanomami territory in 1989, when they

constructed a hundred airstrips to ferry in fuel, food and mining equipment. [6]

Реализация данного факультативного компонента подразумевает ответ на вопрос, почему создается тот или иной объект действительности.

На наш взгляд, знания о цели и причине намеренного создания всегда присутствуют в структуре фрейма намеренное создание объектов действительности, но на языковом уровне, они могут не получать никакой экспликации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. БЭС 2000 – Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 688с.
2. Гак В.Г. Номинация действия // Логический анализ языка. Модели действия. – М.: Наука, 1992. – С.77-84.
3. Кубрякова Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. – М.: Наука, 1992. – С. 84-90.
4. ИФЭ 2001 – Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2001. – Т.3. – 692 с.
5. Словарь философских терминов/ науч.ред.В.Г.Кузнецова. – М.: Инфра-М, 2004. – 731с.
6. British National Corpus. - <http://sara.natcorp.ox.ac.uk/lookup.html>

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИКИ МЕТОНИМИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ

Н.Б. Мяслевская

Российский государственный университет имени И. Канта

Данная статья посвящена описанию новых лексических единиц. Нами было рассмотрено более 130 новых лексических единиц, образованных на основе метонимического переноса.

Свойство метонимии называть один элемент действительности посредством другого или его части основано на способности нашего сознания увидеть смежность в многообразии элементов и их частей, находящихся в пределах одной ИКМ (идеализированной когнитивной модели). Пример, *patch (nicotine) – a piece of drug-impregnated material which is worn on the skin, enabling the drug to be absorbed gradually over a period of time*. В данном случае мы можем говорить о явлении метонимии как о процессе отождествления одного предмета («пластырь») посредством другого («капсула») на основе их смежности в пределах одного домена (*отхождение на поверхности чего-либо*).

Необходимо отметить также, что в нашей выборке, включающей более 130 лексических единиц, подавляющее большинство (92.5%) составляют существительные (*bundle – a package which includes computer equipment*) и включенные в эту группу именные фразы (*sick building syndrome – the set of environmental conditions found in a building in which the environment is a health risk to its occupants*), 4.4% – фразы и фразеологические единицы (*cut and paste – the action of deleting data in a document in a computer application and inserting it elsewhere*), 2.2% – прилагательные (*caffeinated – containing caffeine, having had caffeine added*) и 0.7% – глаголы (*to cadillac – to relax, to chill*). Преобладание существительных и именных фраз в списке новых лексических единиц, образованных посредством метонимического переноса, представляется возможным объяснить тем фактом, что метонимия, являясь важнейшим средством языковой эконимии, в тоже время является и неотъемлемой частью процесса категоризации, а процесс категоризации напрямую связан с процессом концептуализации, направленным на выделение минимальных содержательных единиц человеческого опыта. Как пишет Е.С.Кубрякова: «во внутреннем лексиконе человека подведена лишь определенная часть информации об обозначаемом объекте, т.е. единицы, представляющие весь объект через часть его значений, и категоризация действительности заключается в отборе таких аспектов объекта, которые могут затем представлять весь объект».

т.е. репрезентировать целостность в системе» [1; 47]. На этом основании нам кажется целесообразным говорить о том, что преобладание в нашем исследовании существительных и именных фраз основано на том, что в процессе когнитивной мы оперируем в первую очередь образами, то есть стремимся на опыте физических или причинных ассоциаций выявить непосредственный объект действительности. По словам Е. С. Кубряковой, самой непосредственной оказывается категория предметности, и объект может быть рассмотрен как онтологической окказируется категория предметности, и объект может быть рассмотрен как конгломерат его свойств, как полипризнаковое объединение, а обозначающее его существительное – как указывающее на целостностное наличие нескольких признаков [1; 50]. Например, *walker – a male escort paid to accompany a woman in public or at a social engagement* (модель переноса: *deicticum – человек, совершающий это deicticum*) или *lucky – an actor or an actress, based on the stereotype of an actor or actress as a person using endearments as a form of address* (модели: *deicticum – человек, вызывающий это deicticum*; и *особенность поведения – человек, обладающий ей*). В этих примерах находит свое подтверждение мысль о том, что процесс категоризации базируется на концептуализации объекта на основании его характеристик как статических, процессуальных (*waker*), так и применимых, стабильных (*lucky*).

Процесс смещения отношений или, как отмечает Л. Таами и Е. В. Палуучеа, смещения фокуса внимания, в метонимическом сдвиге возможно рассматривать лишь в рамках доменов или идеализированных когнитивных моделей. Метонимия может представлять взаимодействие между элементами в пределах одной ИКМ (например, *Mockney – a person adopting a form of speech perceived as an affected imitation of Cockney in accent and vocabulary*, в данном случае имеет место смещение фокуса внимания по типу: *язык – человек, говорящий на нем* ИЛИ *Liffe – I. London International Financial Futures Exchange, 2. the index published by the Exchange*, тип метонимического переноса: *место, организация – объект, находящийся или производимый там*). По сути, вторым типом метонимии является процесс взаимодействия между ИКМ как целого и его элементов (например, *late plate – dinner/meal eaten after the regular (family-style) dinner is served*, здесь составляющая часть (*plate*) используется вместо целого (*dinner*)).

Р. де Мендозе осуществляет классификацию метонимических образований (в нашем случае, метонимических инноваций) на основании степени универсальности и онтологической природы доменов [5; 3-5]. В рамках первой группы выделяются метонимии низкого (*low-level metonymy*) и высокого (*high-level metonymy*) уровней. Примером метонимической инновации низкого уровня может служить следующий пример, *Dayton – an agreement on measures to achieve the ending of hostiles in former Yugoslavia, reached in Dayton, Ohio, in November 1995*; главная характерная черта которой – использование специфической идеализированной когнитивной модели. Специфическая ИКМ является традиционными представлениями, базирующимися на общечеловеческом опыте. Метонимическая инновация высокого уровня представляет собой оперирование в рамках обобщенной ИКМ. Данная подгруппа содержит метонимии, образованные по традиционным моделям, например: *название болезни – человек, страдающий ей – bulimic – a person suffering from the eating disorder bulimia nervosa*. Критерий онтологической природы доменов различивает случаи ситуативной и неситуативной метонимии. В нашем исследовании представляли лишь неситуативные метонимические инновации, так как словарем неологизмов фиксируются устойчивые вошедшие в язык лексические единицы.

Непосредственно в процессе осваивания элементов действительности при помощи метонимических инноваций сквозь переосмысленные концепты, отраженные в них, четко просматриваются исходные понятия. Новое метонимическое значение может быть образовано от прямого значения (например, *anorak – o.m. a waterproof jacket, traditionally considered to be unfashionable and boring; n.m. a derogatory term for a person who purses an interest with obsessive dedication, popularly caricatured as wearing an anorak*) или нового (например, прямое значение неологизма *screen saver – a program which, after a set of time, replaces an unchanging screen display with a moving image to prevent damage to the phosphor* -

послужило основанием для развития этой единицы метонимического значения – a graphic image displayed by such a program.

Все лексические единицы, составившие материал нашего исследования, являющиеся продуктом вторичной номинации – автономной или косвенной. Как известно, автономная вторичная номинация протекает на базе одного имени, при этом новые вторичные значения слов обретают самостоятельную номинативную функцию и способны автономно указывать на действительность [4]. Значение лексической единицы определяется в данном случае как свободное. Например, *rave* – o.m. a talk in a wild or incoherent manner; n.m. a large gathering with dancing to fast electronic popular music, associated with wildness.

В процессе косвенной вторичной номинации формирование новой языковой единицы происходит при использовании комбинаторной техники языка. В этом случае новое вторичное значение считается связанным, так как лишено способности указывать на мир автономно, а реализуется только в сочетании с другой единицей, которая номинативно доминирует и является семантически ключевой. Например, *power dressing* (a style of dressing for work and business intended to convey an impression of efficiency and confidence) и *power lunch* (a working lunch at which high-level political or business discussions can be held), в зависимости от семантически опорных компонентов (*dressing, lunch*) *power* соотносится либо с обозначением «деловой», либо – «рабочий, бизнес-». Также в сложных словах вне сочетания с опорной, конвенционально закрепленной единицей метонимическая номинация не реализует свое новое вторичное значение. В качестве примера приведем следующую единицу: *garden burger* – a hamburger made with a non-meat, vegetarian patty instead of beef. Слово *garden* соотносится со своим новым обозначаемым – «вегетарианский» – лишь косвенно, то есть через посредство опорного семантического наименования *burger* в комбинации *garden burger*.

Как указывает В. Г. Гак, новые метафорические инновации могут образовываться, как только при привлечении семантического процесса, так и сопровождаться какими-либо словообразовательными изменениями. Известно, что в зависимости от соотношения формы и значения в новых словах, образованных в процессе метафоризации, возможно выделить полные и частичные метафоры [1]. Нам кажется, также, возможным говорить о том, что в нашей выборке представлены как полные, так и частичные метонимии. При образовании полных метонимий семантический процесс не сопровождается какими-либо изменениями морфологической структуры слова. Например, новые лексико-семантические варианты слов, являющиеся результатом автономной вторичной номинации (*bundle* – o.m. something wrapped or tied for carrying; *package*; n.m. a package which includes computer equipment). В случае взаимодействия семантического и одного или нескольких словообразовательных процессов – аффиксации (*splatter* – a genre of cinema in which many characters die in a violent or gruesome manner), словосложения (*cardboard city* – an area of a large town where homeless people congregate at night under makeshift shelters made from discarded cardboard boxes and other packing materials), слияния (*wordrobe* (word + wardrobe) – a person's vocabulary), образуются частичные метонимии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гак В. Г. Повторная номинация, ее структурно-организующие и стилистические функции в тексте. // Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – с. 536-553.
2. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М.: Институт языковедения РАН, 1997. – 331 с.
3. Падучева Е. В. В когнитивной теории метонимии. // Доклады международной конференции Диалог. – 2003.
4. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 143 с.

5. Ruiz de Mendoza Ibanez F. Metaphor, metonymy and conceptual interaction: Atlantis, vol.19, 1997, pp. 281-295.
6. Talmy L. Towards a Cognitive Semantics. Cambr. (Mass): L.: A Bradford Book: The MIT Press, 2000.
7. The Oxford Dictionary of New Words. Oxford, New York: Oxford University Press. 1997

КОНЦЕПТ «TRIUWE - TREUE (ВЕРНОСТЬ)» В ЦЕННОСТНОЙ СИСТЕМЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «ЛИЧНОСТЬ» (НА МАТЕРИАЛЕ «ПЕСНИ О НИБЕЛУНГАХ»)

М.М. Русева

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва

При анализе концептосферы «личность» применительно к средневековому тексту следует уделить особое внимание рассмотрению ценностной стороны её составляющей, поскольку, по мнению Д.В.Панченко, «личность» раскрывается «в поступках, то есть в действиях, обнаруживающих такую последовательность, которая может быть сформулирована в качестве этического принципа. Личность не просто следует ценностной форме, но выбирает соответствующую с ней линию поведения» [5; 18-20]. Существенно обратить внимание на то, что в отечественной лингвистике советского периода этическим персонажам было отведено в праве считаться личностью, поскольку, как неоднократно отмечалось, «я эссе действуют человеческие типы, играющие отведенные им роли, выполняющие то, что предначертано судьбой или детерминировано обстоятельствами» [3; 120-121]. Между тем в зарубежной лингвистике на данную проблему имеется совершенно противоположная точка зрения, согласно которой герои этических произведений обнаруживают целый спектр личностно детерминированных качеств, имеющих различную ценностную значимость. Поступки действующих лиц «Песни о Нибелунгах» часто определяются не только сюжетной канвой, но и ценностными установками, заложенными автором в текст, что свидетельствует о правомерности придавая им статуса личности, реализованного в границах этического текста. При этом концепт «Треуе» занимает в «Песни о Нибелунгах» одно из главенствующих положений в системе этических ценностей. Немецкие ученые отмечают, что «верность как мотивация поступков (als Handlungsmotivation) играет большую роль в «Песни о Нибелунгах» [10; эл.рес.]. Герои песни «поступают так, как они должны поступить из верности (aus Treue) и чувства долга (Pflichtgefühl)» [11; 116]. Некоторые исследователи считают, что возмещение верности и есть сопоставляющая идея всего произведения. Но в прославлении «верности», как справедливо заметил А. Хойслер, «нет ничего специфического для данного произведения <...> художнику 1200-х годов еще не нужно было сражаться с драконом более глубокого смысла» [6; 139-140], в связи с чем выделение текстового концепта «верность» в тексте «Песни» способно выявить соответствующую содержательную нишу в контексте других, отраженных в ней концептов имеющих ценностную основу.

Интересно отметить, что в современном немецком языке существует устойчивое словосочетание *die Nibelungentreue* (верность нибелунгов), переводимое на русский язык как «нерушимая верность (союзников)» [7; 632]. В электронной энциклопедии Германии данное словосочетание определяется как «безусловная, эмоциональная, фатальная преданность/верность» [13; N]. Данные факты, безусловно, свидетельствуют о том, что данный концепт, вербализованный в немецком языке и в немецкой лингвокультуре только в 19 веке, имеет гораздо более давнюю историю и восходит в своей основе к 12 веку.

В целом концепт «*triuwe*» представляет собой сложное и многомерное явление средневековой культуры. Средневерхнемецкое значение слова «*triuwe*» значительно шире его современного аналога «Треуе». Концепт «*triuwe*» обозначал различное уровня и

качества связь между людьми. Он служил для регулирования дружеских, родственных, эмоциональных и правовых отношений. Юта Гоheen подчеркивая значимость данного концепта для средневековой культуры отмечает, что «...для каждой группы людей данный концепт имело свое значение: для женщин оно предполагало преданность мужу, для вассала — исполнение его вассального долга, для монаха — сохранение монашеских обетов, для торговца — выполнение договорных обязательств». [8; 158]. Все значения концепта «*triuwe*» условно можно разделить на три группы. Первую группу составляют значения связанные с правовой регламентацией отношений в обществе. К ним относятся вассальная верность (*Vassalpflicht*) и верность роду (*Sippenbindung*). Следует сказать, что данный тип верности играл важную роль в средневековом обществе. Как отмечает Жак де Гофф, для людей средневекового Запада «главной политической добродетелью были служба и верность — искренняя, честная, преданная, неизменная верность феодалу» [2; 134]. Вторую группу образуют значения, обнаруживающие связь с традициями и обычаями. Данная группа представлена обязательствами перед теми, кто оказал гостеприимство и одарил подарками, и перед теми, кто помог в защите. Сюда также относятся дружеская верность, близка к этому значению и родственная верность. Перечисленные выше отношения не регулируются законом, они присутствуют на эмоциональном уровне. Третью группу составляют значения, связанные с этикой поведения. «Верность» в данном случае выступает как нравственное понятие в жизни средневекового общества и обозначает признание, по мнению Джона Херда «отношение к службе, сострадание, гуманность» [9; 190].

В тексте «Песни о Нибелунгах» данные значения тесно переплетаются, зачастую приобретаю негативное значение. Наиболее ярко данный концепт как руководящий этический принцип прослеживается в действиях Кримхильды. Кримхильда является тем персонажем, который проходит через всю ткань произведения, а её судьба соединяет обе его половины [6; 137], а мотив верности является связующим звеном между ними. «Верность Кримхильды Зигфриду дает первоначальный толчок для превращения нежной и наивной девушки в мстительную фурию» [4; 524]. Таким образом, концепт «*triuwe*» в её образе связан, прежде всего, с её верностью мужу Зигфриду, а её месть братьям является справедливым следствием этой верности. Слово «*triuwe*» и его различные вариации, так или иначе относящиеся к её образу встречаются в тексте 20 раз, что намного превышает употребление данного слова с другими действующими лицами (для сравнения: с Родригером (14), с Хиленом (8)).

Автор использует эпитет «верная» (*getriewe*) называя героиню: 1281,1 *Do gedahte div getriewe sit daz ich frivnde han/1281,2 also vil gewinnen ny sol ich reden lan/1281,3 die lve swaz si wellen ich iamerhalfez wip/1281,4 waz ob noch wirt etrochen mins vil lieben mannes lip?/1281,5 Подумала верная, когда я друзей много приобрел/Пусть говорит люди, что хохля: Я бедная женщина/возможно, мне удастся отомстить за моего любимого мужа.*

Интересно отметить, что автор называет героиню верной, когда та решает принять предложение выйти замуж за Этцеля. Автор в данном случае хочет показать, что несмотря на то что Кримхильда остается верной Зигфриду, а её решение выйти замуж за Этцеля мотивируется только желанием отомстить братьям за убийство мужа, что и является высшим проявлением верности Кримхильды своему долгу. Верность Кримхильды «наперекор не только смерти и времени, но даже сильнее земной добродетели» [11; 70]. Тот факт, что именно верность первому мужу, поняв свою соответствующим образом, стала для Кримхильды главным мотивом большинства её поступков, неоднократно доказывается в тексте: 1116,1 *die nach liebem manne ic mere wip gewan/1116,2 man moht ir starche tygende chiesen wol dar an/1116,3 si chlaget unz an ir ende die wile wert ir lip/1116,4 sit rachs sich harte swinde in grozen triwen daz wip/1116,5 После смерти любимого мужа жена заслужила/признания ее сильной добродетели/она печалилась до конца, пока не потеряла свою жизнь/скоро жена отомстила жестоко в великой верности. Как видно из приведенных выше примеров поступки Кримхильды после смерти Зигфрида мотивированы её верностью ему, следствием которой стало желание отомстить.*

Таким образом, концепт «верность», развиваемый в тексте в связи с образом Кримхильды, связан, прежде всего, с её верностью первому мужу. Верность Кримхильды

согласно вышеприведенной классификации можно отнести к нескольким аспектам проявления верности в средневековом обществе. С одной стороны, верность Кримхильды является правовым договорным обязательством, и в этом случае месть убийце её мужа совершенно справедлива и правомерна. С другой стороны, её верность основывается и на эмоциональной связи с её мужем. Однако здесь верность мужу вступает в противоречие с верностью роду. Кримхильда является родной сестрой человека, давшего согласие на верность ее мужа, и племянницей его убийцы. Она связана с ними кровными узами, убийство ее мужа, и племянницей его убийцы. Предполагающими её верность родственникам. В «Песни о Нибелунгах» для Кримхильды «справедливость жены и мужа оказывается весомое преданности кровнородственной группе» [1; 71]. Невозможность найти правильное решение в этой ситуации ведет к фатальным последствиям, а именно к жестокой расправе над родственниками и к гибели героини.

Исходя из вышесказанного, можно прийти к выводу, что концепт «верность» является определяющим для героини в её поведении, составляя определенную нишу в концептуальной структуре всего текста «Песни».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вестергорд Э. Рождество против договора. Германский героический эпос глазами исторического антрополога // Другие средние века. / Сост. И. В. Дубровский, С. В. Оболенская, М., СПб., 1999. С.67–78. <http://norse.ulver.com/articles/westerjord.html>
2. Гофф Жак Ле Цивилизация средневекового Запада. Сретенск, 2000.
3. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.
4. Мелетинский Е. М. Немецкий героический эпос // История всемирной литературы: В 9 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М., Т. 2. 1984. С. 522–526.
5. Панченко Д.В. Личности свойственно некое благородство // Одиссей. Человек в истории / Отв. ред. А.Я. Гуревич. М., 1990. С.18–20. <http://www.auditorium.ru/books/1271/pranch.pdf>
6. Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. Пер. с нем. Бергеля, под ред. В.М. Жирмунского и Н.А. Ситал. М., 1960.
7. Большой немецко-русский словарь. М., 1999.
8. Goheen J. Mensch und Moral im Mittelalter. Geschichte und Fiktion in Hugo von Trimbergs "Der Renner". Darmstadt, 1990.
9. Härd J. E. Das Nibelungenepos. Wertung und Wirkung von der Romantik bis zur Gegenwart. Tübingen/Basel, 1996.
10. Müller H. Elemente nationalsozialistischen Gedankengutes in Werner Jansens Nibelungenroman von 1916. Beitrag im Nibelungenlied-Gesellschaft, 2006. http://www.nibelungenlied-gesellschaft.de/03_beitrag/mueller/806_muel.html
11. Spiess G. Die Bedeutung des Wortes "Triuwe" in den mittelhochdeutschen Epen (Parzifal, Nibelungenlied und Tristan). Diss. Heidelberg, 1957.
12. Duden. Deutsches Universalwörterbuch – 2, völlig neu bearb. u. stark. erw. Aufl. – Mannheim: Wien, Zürich: Dudenverlag, 1989
13. На языке оригинала использовано Интернет – издание: Das Nibelungenlied nach der Handschrift C, hg. v. U. Hennig. Tübingen, 1977. www.blb-karlsruhe/Die_Nibelungen-Handschrift_C_digital_-_Aventuren.htm

СЕКЦИЯ 3. ДОМИНИРУЮЩИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ КОНЦА 20 ВЕКА

РЕЧЬ ХУДОЖНИКА И АДВОКАТА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

А.Ю. Беляева

ГОУ ВПО Саратовский государственный медицинский университет

ситуации неофициального непринужденного общения терминов, обслуживающих данную специальность;

- влияние гендера, видимо, сильнее влияния фактора профессии, поэтому, несмотря на существующие в обществе стереотипы поведения людей, связанных со сферой искусства, в РП информанта-художника преобладает тактика соперничества, характерная для РП мужчин;

- несмотря на то, что в речи информанта-художника зафиксировано больше актуализаторов, чем в речи информанта-адвоката, невозможно утверждать, что художник склонен к тактике сотрудничества, характерной для женского РП, так как объем материала слишком мал, и поэтому требуется дальнейшее исследование.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Безлева А.Ю. Особенности речевого поведения мужчин и женщин (на материале русской разговорной речи). Дисс. на соискание ученой степени канд. филол. н. - Саратов, 2002. - 177 с.
2. Городникова М.Д. Гендерный аспект обращений как фактор речевого регулирования // Гендер как интрига познания. - М.: Рудомино, 2000.
3. Грей Дж. Мужчины с Марса, женщины с Венеры // Межличностное общение: Хрестоматия. - СПб. - М. - Харьков - Минск: Питер, 2001. - С. 477-512.
4. Зевская Е.А., Китайгородская М.В., Резанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. - М.: Наука, 1993. - С. 90-135.
5. Ищенко Л.П., Шарина Е.А. Понятие «гендера» в современной лингвистике (краткий обзор статей) // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы // Международный конгресс исследователей русского языка. М.: Изд-во Москов. ун-та, 2004. - С. 16 - 17.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

Е.В. Зарецкий

Фридрих-Александр-Университет (Эраנגен-Нюринберг)

В статье приводятся результаты корпусных исследований русской художественной литературы 20-го века по следующим направлениям:

- частотность употребления заимствований из латыни, греческого, французского, английского, немецкого, голландского, итальянского, испанского, польского, арабского и турецких языков;
- частотность употребления глагола *иметь* вместо глагола *быть* для выражения принадлежности (возможно, грамматическая калька с английского);
- переклечение кодов на примере английского, т.е. употребление фраз из английского (в транслитерации или без неё) в русских текстах;
- личный стиль общения (вместо распространенного в СССР и до революции "мы-они-стиль", характерными чертами которого является употребление местоимений *мы* и *они* в ситуациях, в которых после 1991 г. всё чаще говорят *я* и *мой*);
- обращение на *ты* и опускание отчества, рассматриваемые некоторыми лингвистами как признаки американизации русского коммуникативного поведения;
- сферы употребления датива и аккузатива на примере личных местоимений: возвратных глаголов, а также глаголов, требующих датива (сужение сферы употребления датива может свидетельствовать об анализации русского языка под влиянием английского).

Таким образом, в статье рассматриваются различные признаки прямого и косвенного влияния других языков на русский, причём особое внимание уделяется английскому языку. Все тексты, по которым проводились подсчёты, были разделены на две группы по гендерному признаку, т.е. на произведения авторов-мужчин и авторов-женщин. Другие исследования такого рода на материале русского языка нам неизвестны.

Подсчёты проводились на основе двух корпусов объёмом примерно 16,140,000 слов/употреблений каждый (соответствует 106 мегабайтам txt-файлов, т.е. всего 212 мегабайт), все файлы были проверены на наличие невидимых для программ-поисковиков секторов, ошибок в кодировке и т.п., чтобы избежать расхождений в результатах, обусловленных чисто техническими причинами. Текстовые файлы были взяты из онлайн-библиотеки Максима Мошкова <http://www.lib.ru>, разграничений по жанрам не производилось. Соответственно, в обе выборки вошли и детективы, и фантастика, и детская литература, и поэзия (лирическая, сатирическая и т.д.), и обычная проза.

Полный список всех авторов, по работам которых проводились подсчёты, выглядит следующим образом:

Авторы-мужчины: И.Бродский, А. Волков, Э. Геворкян, А. Грин, С. Довлатов, И. Ефремов, И. Ильф и Е. Петров, Ф. Искандер, Ю. Коваль, В. Концеший, Л. Леонов, С. Логинов, В. Набоков, Ю. Никитин, Н. Носов, С. Павлов, В. Пикаул, Ю. Семёнов, С. Сергеев-Ценский, А. Столяр, А. Толстой, В. Шукшин.

Авторы-женщины: Е. Абартинова-Кожухова, Т. Александрова, С. Алексеевич, В. Алфеева, Л. Андерсен, И. Андронати, Б. Ахматулина, А. Ахматова, М. Баконина, Т. Бак, Ю. Беломлинская, Б. Блейд, О. Бондаренко, М. Бонч-Осмоловская, И. Борисова, А. Бруштейн, К. Букша, Д. Булатникова, Е. Бычкова, Г. Васюкова, Е. Венгерова, Г. Войнеховская, Т. Воловельская, Н. Габриэлян, Н. Гайдамака, В. Галaktionова, М. Галина, М. Галина, Т. Гарман-Рюффе, Е. Гинзбург, О. Глазунова, О. Григорьева, Е. Грушко, Н. Давыдова, П. Дашкова, И. Дедюхова, А. Драбкина, О. Дьякова, Н. Катерли, Е. Кейс, К. Керти, И. Кинзбургская, М. Климова, В. Клюева, М. Козлова, Е. Кокурни, Н. Копцова, Р. Крапп, К. Кришешена, К. Куракова, О. Ларионова, Ю. Латынина, Г. Лебелева, И. Лисовская, В. Лукиничка, М. Львова, А. Маринина, Р. Марьяш, Т. Матвеева, Я. Матрос, И. Манинская, Л. Мирзоева, М. Немировская, Л. Обухова, В. Орлова, Т. Очеретни, А. Пекуровская, Л. Петрушевская, Т. Полякова, И. Полянская, Н. Резанова, Р. Романова, Л. Романчук, Д. Рубина, Е. Руденко, Е. Садур, Т. Светлова, М. Семёнова, Д. Симонова, В. Синицына, П. Слущкина, Н. Соколова, Т. Толстая, А. Турусова, Тэффи, Л. Улицкая, Н. Фёдорова, Е. Хаещкая, М. Хлебникова, М. Цветаева, Л. Чарская, Е. Черникова, Л. Чуковская, М. Шагинян, Г. Шербакоева, Н. Шитова, Ю. Шмухлер, М. Юденич, И. Юрьева, С. Ягунова.

Отдельные произведения были созданы уже после 2000-го года. Большая часть, однако, относится ко второй половине 20-го века. Тот факт, что авторов-женщин в списке значительно больше, чем авторов-мужчин, обусловлен сравнительной краткостью и немногочисленностью произведений женских авторов.

Подсчёты проводились с помощью программ *Wordsmith Tools* и *SearchInform Desktop (SoftInform)*. В каждой таблице приводится формула поиска, если таковая использовалась вообще; наиболее сложные указывались в упрощённом виде. В большинстве случаев такие формулы были необходимы для отсортировки омонимичных форм, не имеющих отношения к искомому иноязычному элементу. Остальные омонимичные формы отфильтровывались вручную. Основные правила составления формул выглядят следующим образом: * - любое количество знаков до пробела, ^ - одна буква, ? - один символ или ничего, = - с учётом регистра, / - логический оператор ИЛИ. Для подсчёта частотности лексем использовался морфологический поиск программы *SearchInform Desktop*, позволяющий учитывать все формы искомого слова.

Иноязычная лексика. Целью первого исследования было определение частотности иноязычной лексики в русской художественной литературе 20-го века. Списки лексем были взяты из 7-го издания *Словаря иностранных слов* под редакцией И.В. Лехина [12].

азарбика, бауца, байт, балласт, баннер, банджо, банкноты, бар, бирмен, бармен, баррель, баскетбол, баттерфляй, бедлам, бейсбол, бекон, бестселлер, бизнес, бизнесмен, билль, блеф, блокбад, блэк, бобслей, бойкот, бойлер, бокс, боксер, босс, бриджи, брифинг, брокер, букмекер, бумеранг, буфер, ветеринар, вегетарианство, вельбон, вельвет, веранда, вестерн, виски, вист, виллебо, галлон, гангстер, гангбоз, гейм, геном, гиббон, голф, Гольфстрим, гурнала, грейдер, грейпфрут, гриззи, грэг, грэм, гуттаперча, дайджест, дайвер, дайвинг, деминг, денди, дерби, детектив, джекиер, джентльмен, джерси, джиса, джисер, джисер, докер, доллар, домингон, допинг, драка, дриблинг, желей, иллюминация, импортер, индустриция, инвестор, интервью, интервьюер, Интерна, интерфейс, канисстра, катер, каучук, кавар, кеб, кекс, кемпинг, кенгуру, керлинг, кетч, кеч, кингстон, класик, клан, клеймс, клинч, клиринг, клоун, клуб, ковбой, кокни, коктейль, колледж, комбайн, комбат, командос, кампания, компьютер, комфорт, конвейер, конгрессмен, констель, кончик, корт, коттедж, крекер, креслинг, крикет, крокет, кросс, кроссворд, кроссмен, коуч, кэб, лазер, лайнер, леди, лейборист, лендлорд, лемч, лидер, лидинг, лифт, ловедек, круиз, кэп, гурд, маснето, маркетинг, мату, менеджсер, менеджмент, миксер, мякя, мишикар, мисси, мистер, мичман, мокасина, мотель, муальирование, мустанг, мякиса, ниндзя, ниппал, нокаут, нокдаун, нонсенс, офис, офсайд, офсет, набисити, пикетбот, парк, пельса, пенальти, пюжиса, писак, пикун, пицца, пирс, плед, покер, полисмен, позо, поны, пороро, пудинг, пуловер, пуши, туризмине, радир, ралли, раунд, раунт, револьвер, релби, ресина, релтайп, релтистор, рейд, рейдер, рейнджер, ректор, рекордсмен, рельсы, репартер, рефери, ринг, рифли, ростбиф, румб, ракет, рэкетир, свинг, свистер, сейтер, сейф, сервис, серфинг, скань, сканирование, скуадинг, скавай, сквер, скетч, скрейтер, скунс, скутер, слайд, слев, слин, смюкин, снайпер, соверен, солиситор, спарринг, спидвей, спидометр, спикер, спичинг, сплин, спонсор, спорт, спортсмен, спринт, спринтер, стурт, стайер, стандарт, свейд, стержинг, стиллер, спонор, стопнер, стресс, строн, стюард, стюардесса, супермаркет, суфражизм, сэр, тайм, таймер, тандем, танк, ташкер, твист, телекс, телетайп, теннис, тентс, тесл, титестер, тоннель, тури, тост, тосистер, шостер, топан, трап, трамвай, трам, транзитор, триадлер, трек, тренер, тренинг, троллей, троллейбус, трюки, фабрика, фальсификат, фитом, фелла, фен, фермер, фешенебельный, фильс, финиш, финтинг, флорит, фламистер, флапанца, фокстрот, фол, фольклор, форсушка, френч, фризер, фрисктайл, футбол, хавбек, хатвайп, хачот, хиппи, хобби, хоккей, холл, холл, хотпер, хэнд, чайнлард, чертстон, чартер, чартизи, чайн, чемпион, чистель, чипсы, шимшир, шейк, шельф, шериф, шиллинг, шимши, шквал, шорта, шоу, шрифтель, шкуна, эскелитер, эскорти, экспресс, эри, эскалатор, эскелация, эскавай, юмор, юморист, яки, яхта, яхтисей.

Замествования из итальянского. Список лексем: аббревиатура, авария, автослужба, аджайт, ажио, ажишто, акашита, аллерешто, аллегро, альян, анданато, анданато, архивальт, балдахин, балерина, балкон, банда, баритон, баркароза, бариско, бас, беллидонна, безьевер, бельканто, бергамот, бергазьеры, браво, бригантинна, бриджи, брокколи, бураш, буттафор, буффонада, валюта, вендетта, веризм, вибрино, вичоче, вилла, вольт, саббо, залера, зварди, зельфи, габеллини, гарланд, гизсандо, гондольер, гондольера, граве, граната, грандиозный, гранит, граффити, граффитер, грациозный, группетто, декрешендо, джунта, джани, джиззю, дилетант, диминуэндо, дозарресса, дож, дольче, дамино, дона, дукач, дуни, эжиринт, импост, импрессионизм, импрессионист, инкассировать, инкассо, инкогнито, иншарсия, интермеццо, инфантилизм, инфантили, ковалер, кавалерия, каватина, каденция, казарма, камеристка, каморра, кантата, канцелена, канюна, каприале, катриччо, калуци, карбонари, каризматич, каркас, катакалби, квалр, квартал, квинтети, квинтаниа, колорити, комедиянти, компаримачио, конто, коншрабандо, контрбас, контральто, контрафалгот, конфетти, концерти, концерттино, корсар, крешендо, кутас, лава, ливонда, лазуни, ларгетти, ларго, лаццирони, лацци, легатиссимо, легато, ленино, либретто, лоджия, локо, мадонна

мадонна, майозика, мажия, мать-секко, малярна, манко, материзм, маринист, маскарон, мастозо, мастро, мемориза, мезцо-сопрано, мезцо-тинто, миниматора, модерато, мордент, негодия, нейтрино, нешто, новелла, новеллист, нотет, нуажистор, окарина, октет, опера, оперетта, остерия, пазофити, пазаччо, паранет, партия, партитура, пасквил, пастисания, пастиччо, пастозность, пацц, пачино, пианиссимо, пиано, пиколо, пиффераро, пистаччиато, пластизин, подеста, полндор, полозаны, портименто, порто, портузаны, престе, прима-балерина, примадонна, пузыччелла, пуццолани, рэгата, репатриата, респондент, рисорджименто, ритенутто, рондо, ротонда, сальто-мортале, серенада, синкор, синкоря, ситорина, ситория, сирокко, скарлатина, скерцо, спортулера, скудо, солист, соло, солдо, сольфеджио, соната, сонет, сорго, спинальный, стаккато, стилет, стоппи, таверна, таверна, тарантелла, тарантул, темп, темперо, тенор, теорба, сфорцандо, сценарий, таверна, тарантелла, тарантул, темп, темперо, тенор, теорба, террориста, терчет, терцины, тесситур, токката, торе, торт, травертин, трамонтана, трыфарет, трель, тремоло, трио, тромбан, туба, туппи, тюльпан, унисон, фогот, фальшет, фальцет, фанфара, фермата, фиаско, финал, фиоритур, фирма, фисайт, флюри, фонтан, фора, форте, фортиссимо, фузато, фузарозы, фут, фула, пехин, цоколь, чечеста, чичкоченто, чичероне.

Замествования из голландского. Список лексем: адмирал, андишу, анкерок, анишу, ахтерлок, ахтерлик, ахтеритевен, бакаут, бакен, бакитас, бакитов, барк, баркас, бархут, бейдевинд, бензель, бизань, борта, бошман, брам, брам-рей, брамсель, браш-стелл, брашдахта, брашдойт, браш, брашпиль, брезент, брей-вильде, бундур, бун, бунер, бузла, буштрот, ванты, ватерлиния, ватерпас, вахта, верф, верфи, вьмтат, вак, вилковорт, галотды, галс, газфийнд, гартуус, гарвун, гафель, гест, гилва, голфоянх, гурдеформе, грот, грот-матта, гручтов, гурьден, гуйс, дамба, дитлот, дамкрат, дрепль, дрек, дюйм, жвак-гале, зюйд, зюйд-вест, зюйд-ост, кабель, кабельтов, камбуз, канрад, катер, картуз, каята, килектор, киль, кильватер, килвер, кликет, клипер, клон, клеть, клоп, конвой, кофе, краб, крамбол, крапан, крейсер, криль, крой-камера, кубрик, лапироват, лагзиль, лакрус, ликтрос, лисели, лихтер, лопарь, лоцман, люверс, люк, макрель, марсель, матрос, матта, мидель, найтов, нактоуз, нок, норд, норд-вест, норд-ост, оверштад, огонь, пезель, пердиль, тинка, плашкот, польдерс, помпельмус, равендуж, раке-бузель, рахес, рангоут, рей, рейд, ростры, румпель, рупор, сатинг, сафлор, севарсы, ставсель, стипель, стат-дама, стень-ванты, стеньга, стренга, такелаж, тахрен, таль, топанант, топсель, трап, трос, трюм, утлеларь, фал, фалиш, фангсбот, фарватер, фортинг, флаг, фламан, флажок, флот, фок, фок-матта, фок-рей, форвард, форитовен, шгартов, шелак, шканцы, шкофут, шкля, шкипер, шкот, шлюп, шлюпка, шпангоуты, шпигат, шпиль, шпор, штаг, штевень, штыль, штепор, штурм, штурвал, штурман, штуртур, элинг, ювезир, юферс.

Замествования из польского. Список лексем: агунция, аренда, ассистант, берма, буристор, вербоват, гаржакать, герб, гетман, гитта, дефензива, доскональный, злотый, карточка, кавер, кий, костёл, краковек, ксенда, лядука, мазурка, манера, метрика, море, мушкетер, палиш, ратуша, резамент, респор, ротмистр, сейм, таблица, темляк, узаны, универсал, фанатерия, фант, фасовать, фицлар, фольварк, фольга, фортель, франт, фузель, торунский, цукаты, чини, шерега, шлахта, шпонка, шурер.

Замествования из испанского. Список лексем: абака, авизо, агути, альборада, алькальд, алмасар, альпака, атаконда, апанис, армадилла, арроба, банан, бандерильеро, бандерилья, барриль, батат, болеро, браса, бьенгазе, букунья, гарматаш, гаррота, гаучо, ачача, герилья, герильяс, гитара, гранд, грасьосо, гуаха, гуанак, гуано, донья, дуэнья, изюна, идальго, инфант, инфантадо, кабальеро, кайман, какао, калесо, кальдера, каларилья, киньон, карбонадо, каск, кастаньены, кофеетерий, качуча, квебрахо, кельсаль, копан, кокос, калибри, колон, коидер, контрабандист, копати, корреидор, коррида, корридо, кортесе, манс, мандарин, мандрич, маниок, мантьера, маракас, мараны, матадор, мачете, мачетеро, мериносье, мориски, москиты, мулат, навата, нанду, норья, нурия, пача, пампасы, памперо, патно, пахитоса, пезена, пестета, песо, пикадор, пиченни,

латина, пончо, пропусцименто, пропусцименто, пульсада, пуна, пуэбло, ранчери, роко, рекокиста, рубиа, саванна, сафра, сесидизья, сентиво, сентимо, сеньор, сеньора, сеньорита, серадела, сестиа, сикос, симбре, сьерра, танго, томат, тоноама, торедор, тореро, торнадо, фанданго, хабанера, хоти, хунта, чаконя, эспада.

Занемствования из тюркских языков. Список лексем: аиз, аир, айва, айран, арсаман, аруз, бактриан, баранги, барханлы, басма, басмач, батырь, баштарма, беркут, бешмеш, бурдж, делибаи, джебран, джезит, есиур, изюм, калым, карасач, карикал, каракурт, кендери, кизил, кишил, кишими, кулис, курага, курдук, куруллий, нефис, арад, сабантур, сайгах, саксаул, серали, скумля, такыры, тамга, тархан, туздук, улус, урма, фаня, хачма, чачван, юрти.

Занемствования из арабского. Список лексем: адан, алтаида, алкалмейири, алкалоиды, алкоголь, алах, аманат, арак, атлас, бедунты, бензол, вади, визирь, галаван, гази, гамада, гашиш, джани, джани, джихад, духан, иби, имам, каиба, кади, калам, каий, калы, касыда, Киран, лазурин, лазурь, люфи, мазар, мышка, медресе, мечеть, минарет, машур, мозар, муала, музика, муфтий, муэдзин, мурид, надир, наиб, намыз, паранджа, рамадан, рамадан, сайб, санд, сунна, сунналы, улемы, урля, феллиха, фетва, хадж, хадис, халиф, хамис, харадж, хиджра, хил, ибнениш, цифра, шайтан, шариат, шейх, шериф, шиха, шихиты, шима.

В следующей таблице приводятся данные по всем группам занемствований. Практически во всех случаях лидируют мужчины, исключениями являются только занемствования из греческого и английского.

Табл. 1. Частотность иноязычной лексики в русской художественной литературе

	Лат.	Греч.	Франц.	Нем.	Итал.	Исп.
Жен.	59.339	43.895	112.907	36.170	10.027	1625
Муж.	60.120	41.263	139.212	47.431	11.239	2490
	Араб.	Тюрк.	Поль.	Англ.	Голл.	Всего
Жен.	2043	1363	1733	27.657	6275	303.034
Муж.	2265	2271	2287	26.037	18.828	353.443

Дополнительно были проверены несложные лексемы, включая некоторые русские: Авино, авокадо, авито, адажато, азуби, аллегretto, алжери, алжиро, алого, азуби, амбре, амигуа, анданте, антинетрито, анирания, арго, аризо, артеджио, ассурти, ателле, аттише, аутодафе, баккара, банджо, барокко, беле, бейстрогитос, бибабо, бизбокс, блиманже, боа, болеро, бра, бунгали, буржуа, буриче, бюро, варете, вытероло, ветта, вилани, галифе, гестато, гетто, гидальдо, глисандо, сарато, граффити, группетти, гуана, гумани, дегабилье, деколате, денди, денто, дерби, дефиле, джерсе, джун-джунку, дэво, динишо, динго, домино, досье, драже, драпри, дурро, эсобо, эжико, жилиши, жесе, эсоби, зеро, зулу, идалго, импресарио, импрек, индого, инженио, инкассо, инкогнито, интервио, интермещю, кабаре, кивасии, кади, казино, какаду, какао, кази, каноэ, кантабале, кантези, катриччо, каратэ, кафе, кашне, кашпо, кенгуру, кеши, кечуа, киво, кимоно, кино, кишби, койне, колыбри, колли, коло, калье, козырби, килбине, каммонике, консоме, коннерживо, конференсе, конфити, концертти, кофе, кредо, кроки, кроше, крулье, кули, куле, кюри, ландо, ласе, зацарони, леда, либерти, либретто, лопно, лье, ламбего, магнето, мадаи, маделузель, макао, мамзель, манго, минси, маинто, маори, марабу, маратти, марридо, маркенри, мизетро, медресе, меню, метро, меччо-соларно, меччо-тино, микадо, мильды, мисс, миссе, мистрис, модерато, моко, мотобене, моратше, мосье, меше, мулите, музье, наду, марше, папи, неэжис, нонсес, нотабене, облоно, остросесир, пазинго, пазинго, пандан, пандори, папи, панино, павье-панье, парвеню, пари, париборо, паспарту, пенатини, пенни, пенсие, пери, перпетум-мобиле, песо, пинатино, пинисистмо, пиано, пиккато, пицциниа, плато, пилесе, пиллиборо, позо, позумильо, понни, пончо, понтури, порцонне, порто, порто-Франко, портые, пресс-бюро, пресс-антисне, пресс-бюро, пресс-панье, престо, преламе, протесже, профбиро, пукассу, пуре, радио, райло, районо, разли, рали, разини,

рандеву, рантше, ранчо, рево, реби, ритме, реза, ренане, ресконтро, рефери, рокаль, рококо, рондо, саами, сабо, саго, садыо, сальто, сальто-мортале, сальти, самбо, сати, сальво, серго, статус-кво, стило, сторио, суаре, суфле, табла, табу, такси, талко, тартаро, тильбюри, тире, ткемалы, тореро, торти, торнадо, трюветти, тремало, трико, тортаро, тильбюри, тире, ткемалы, тореро, торти, торнадо, трюветти, тремало, трико, трио, тремо, турне, тютти, туше, торбо, урду, фаблаи, факсимиле, фанданго, фейхоа, фиаско, фиале, фламинго, фойе, фозо, форте, фортеттино, фортеяно, фортеиссимо, фототи, фототезе, фрой, фрейлейн, фрикасе, фугато, фуле, фузте, хаджи, хаки, занты, харати, харчо, хинди, хобби, иеце, иттеро, цунами, шале, шансонье, шатино, шассе, шасси, шери, шими, шимпанзе, шоссе, экарте, экспозе, эжо, эмбарго, эню, эскимо, эскидо, эсперанто, эссе, эфенди.

Подсчёт точных форм показал, что в мужском гендерлекте данные лексемы встречаются в общей сложности 12290 раз, в женском – 13509. Именно лексемы такого рода постепенно расширяют систему русских флексий и таким образом способствуют дальнейшей андизации русского языка.

Коммуникативные стратегии. В данном случае мы исходили из того, что коммуникативные стратегии, применяемые персонажами художественных произведений и рассказчиками, должны примерно соответствовать тем коммуникативным стратегиям, которые приняты в данном обществе, тем более что в наших выборках исторические романы практически не встречаются. Одной из таких стратегий является так называемый "мы-наш-стиль", противостоящий западному личному стилю, ср. *Мы с отцом – Я с отцом. В нашем городе – В моём городе. Завтра мы с Павлом пойдем гулять – Завтра я и Павел пойдем гулять* и т.п. Следовало бы ожидать, что в произведениях тех авторов, на которых западное коммуникативное поведение оказало большее влияние, личный стиль будет использоваться чаще. Кроме того, можно было бы предположить, что в этих авторах слабее развито то коллективное начало, которым некоторые культурологи и этнолингвисты объясняют возникновение "мы-наш-стиля" [ср. 4; 553/3; 319/2; 94/5; 91]. Как показывает следующая таблица, личный стиль используется преимущественно женщинами.

Табл. 2. "Мы-наш-стиль" в русской художественной литературе.

	Морфологический поиск					
	я	мой	Сумма	мы	наш	Сумма
Женщины	299.309	21.544	320.853 (76,3%)	79.949	19.387	99.336 (23,6%)
Мужчины	217.342	13.962	231.304 (74,1%)	63.341	17.368	80.709 (25,9%)

Хотя на ослабление коллективного начала в русских сетовал ещё Достоевский, только конец 20-го века можно считать переломным в данном отношении для всего народа [ср. 6; 119]. С усилением индивидуализации в России можно ожидать и резкого повышения частотности предлогов я и мой за счёт мы и наш.

Поскольку в западных языках отчества больше не употребляются (хотя и

² "Правда, мне всё кажется, что у нас наступила какая-то эпоха всеобщего 'обособления'. Все обособляется, уединяется, всякому хочется выдумать что-нибудь свое собственное, новое и исключительное. Всякий откладывает всё, что прежде было общего в мыслях и чувствах, и начинает с своих собственных мыслей и чувств. Всякому хочется начать с начала. Разрывают привычные связи без сожаления, и каждый действует сам по себе и тем только и утешается. Если не действует, то хотел бы действовать. Положим, ужасно многое ничего не начинают и никогда не начинают, но всё же они оторвались, стоят в стороне, глядят на оторванное место и, сложив руки, чего-то ждут. У нас все чего-то ждут. Между тем ни в чем почти нет нравственного соглашения; всё разбилось и разбивается и даже не на кучки, а уж на ошметки. И главное, иногда даже с самым легким и довольным видом" [8; <http://www.magister.msk.ru/library/dostoevs/dostdn04.htm>].

количества глаголов *быть* женщины употребляют 51,72%, мужчины – 48,28%; от общего количества глаголов *иметь* женщины употребляют 51,69%, мужчины – 48,31%. От общего количества глаголов *быть* и *иметь* на долю глагола *быть* приходится 95,48% у женщин и 95,47% у мужчин; на долю глагола *иметь* – 4,52% у женщин и 4,53% у мужчин. Таким образом, хотя разница в данном случае минимальна (0,1%), мужчины все же больше склонны к употреблению глагола *иметь*, чем женщины, что вполне соответствует данным, приведенной выше таблицы.

Датив. Поскольку анализация, которой подвержены все индоевропейские языки характеризуется, в первую очередь, распадом падежной системы, наиболее заметными признаками данного явления следует искать на уровне частотности малоупотребительных падежей по сравнению с наиболее распространенными. В частности, аккузатив должен укрепиться за счёт датива, номинатив – за счёт аккузатива и т.д. В этом разделе мы проверили частотность датива по следующим параметрам: возвратные глаголы (обычно употребляющиеся с дативом, ср. *мне думается, ему хотелось*), формы личных местоимений в дативе и аккузативе, а также соотношение глаголов, требующих датива и аккузатива (при анализировании должен наблюдаться рост частотности второй группы из-за склонности возвратных глаголов интересен в контексте распада синтетической системы и они по себе даже если они употребляются с другими падежами (*он слушается, мы каемся*), поскольку сама аффиксация для аналитических языков нетипична, и потому они в процессе распада синтетических способов выражения грамматических значений сначала переходят к полусинтетическим возвратным местоимениям типа нем. *sich drehen* 'вращаться', а затем избавляются и от них, предоставляя слушателю самому угадывать, имеется ли в виду обычное или возвратное значение глагола (ср. англ. *to combine* 'объединять(ся), сочетать(ся) смешивать(ся)').

Первая таблица демонстрирует частотность мет глаголов, требующих датива и аккузатива. Поскольку формы существительных не всегда четко маркируют падеж (*опознание* – номинатив – аккузатив; *табу* – номинатив – аккузатив – датив и т.д.), подсчеты проводились по местоимениям. Кроме того, не все формы глаголов можно отличить по окончаниям от других частей речи (ср. [*мы хот[им] премию*] – [*подари друг[ам] премию*] – [*хотель давать премию*] – [*Кар[им] премию [не получи]*] и т.д.), поэтому мы ввели дополнительный поиск только инфинитивы. Из таблицы следует, что женщины более склонны к употреблению глаголов, требующих датива, а мужчины, соответственно, – к употреблению переходных глаголов.

Табл. 6. Соотношение глаголов, требующих датива и аккузатива, в русской художественной литературе

Аккузатив:	Жен.	Муж.	Сумма
*м[еня] м[еня]/*м[еня] м[еня]/*м[еня] м[еня]	1759	954	2713
*теб[я] теб[я]/*теб[я] теб[я]/*теб[я] теб[я]	959	508	1467
*его его/*его его/*его его	4974	4153	9127
*ее ее/*ее ее/*ее ее	3128	2249	5377
*нас нас/*нас нас/*нас нас	403	339	742
*вас вас/*вас вас/*вас вас	845	804	1649
*их их/*их их/*их их	2072	1974	4046
*себя себя/*себя себя/*себя себя	1481	1376	2857

себя/мать себя	15.621 (67,38%)	12.357 (69,9%)	27.978 (68,5%)
Сумма: аккузатив	Жен.	Муж.	Сумма
Датив:			
*мне мне/*мне мне/*мне мне	1198	739	1937
*тебе тебе/*тебе тебе/*тебе тебе	632	338	970
*ему ему/*ему ему/*ему ему	1517	1400	2917
*ей ей/*ей ей/*ей ей	890	454	1344
*нам нам/*нам нам/*нам нам	313	305	618
*вам вам/*вам вам/*вам вам	687	724	1411
*им им/*им им/*им им	550	506	1056
*себе себе/*себе себе/*себе себе	1776	843	2619
Сумма: датив	7563 (32,6%)	5309 (30,1%)	12.872 (31,5%)

Формулировки типа "мать вам" включают в себя и формы уважительного обращения к одному лицу (*Смотреть Вам на такое не следует*), поскольку не отмечены знаком учёта регистра (=).

Следующая таблица демонстрирует частотность возвратных глаголов во всех временных формах, не исключая императивные и деепричастные. Поскольку некоторые окончания многозначны, мы указали после каждой формулы её расшифровку, а после таблицы дополнительно привели примеры. Суммирование форм настоящего времени с послеположительным наклонением неизбежно, поскольку они частично совпадают. По данным этого исследования мужчины употребляют несколько больше возвратных глаголов, чем женщины, но разница эта чрезвычайно мала (0,4%) и, возможна, обусловлена выбором произведений.

Табл. 7. Возвратные глаголы в русской художественной литературе

	Жен.	Муж.	Сумма
*усь (1-е лицо ед. ч.: настоящ. и будущ. время; императива в 1-м лице нет)	3799	3524	7323
*юсь (1-е лицо ед. ч.: настоящ. и будущ. время)	9910	7008	16.918
*шусь (2-е лицо ед. ч.: настоящ. и будущ. время)	5496	3730	9226
*сь без *лись, *шсь (2-е лицо ед. ч.: императивы + инфинитивы на *тись, но без прошед. времени и деепричастий)	5609	5728	11.337
*йсь без *ийсь, *шейсь и *шейся (2-е лицо ед. ч.: императив без причастий)	8.993	9.810	18.803
*тсь (3-е лицо ед. ч.: мн. ч.: настоящ. и будущ. время)	89.307	80.698	170.005
*мсь (1-е лицо мн. ч.: настоящ. и будущ. время, императив)	6957	6415	13.372

*ться (2-е лицо мн. ч.: настоящ. и будущ. время, императив)	6020	7280	13.300
Всего настоящ. и будущ. время	136.091	124.193	260.284
*лся (1, 2, 3 лицо ед. ч.: прошедш. время; только мужской род)	121.923	152.196	274.119
*лась (1, 2, 3 лицо ед. ч.: прошедш. время; только женский род)	81.608	55.758	137.366
*лось (3 лицо ед. ч.: прошедш. время; только средний род)	53.651	53.256	106.907
*лось (1, 2, 3 лицо мн. ч.: прошедш. время)	57.110	74.756	131.866
Всего прошедш. время	314.292	335.966	650.258
Всего все времена	450.383	460.159	910.542
*ться (инфинитив)	66.074	54.921	120.995
*ясь (деепричастия настоящ., будущ. и прошедш. времени)	22.501	28.319	50.820
*шись (деепричастия прошедш. времени)	13.919	13.701	27.620
Сумма всех возвратных глаголов	552.877	557.100	1.109.977

Проверенные данными формулы формы: [я] *казусь*/[я] *старюсь*, [мы] *стараемся*, *садишься* (императив), *сделаешься* (императив); аналогично *уйсь, *ебсь и т.д., но *ибсь, т.к. таких императивов не нашлось), [он, она, оно] *стареется*, [они] *стареются*, [мы] *стараемся* (+ причастие *показывающийся*, императив *постарайтесь*), [вы, вы] *стареетесь* (императив *старайтесь*), [я, ты, он] *мне, ему, ей, нам, вам, Вам, им* *казались*, [он, она, оно] *казался*, [я, ты, она] *мне, ему, ей, нам, вам, Вам, им* *казались*, [я, ты, она] *мне, ему, ей, нам, вам, Вам, им* *казались*. Формы настоящего времени соответствуют формам будущего времени: [я] *уздусь*, [ты] *постарайшься*, [он] *уздается*, [мы] *постараймся*, [ва, вы] *постараетесь*, [они] *постараются*. Инфинитивы на *лись *избраться*; на *лись: *пастись*. Деепричастия: *радуясь* (настоящее время), *склонясь* и *собратьясь* (прошедшее время), *сделаюсь* (будущее время, крайне редко).

Если не учитывать деепричастия, то по частотности возвратных глаголов будут лидировать не мужчины, как в таблице, а женщины. Общая сумма употребления возвратных глаголов в женском гендерлекте составит 516.457, в мужском – 515.080 (50,1% против 49,9%). Если не учитывать и инфинитивов, то опять будут лидировать мужчины (см. таблицу). Таким образом, никаких явных тенденций в данном случае не прогнозируется. Не исключено, что при добавлении причастий или изменении какого-то другого параметра перевес снова окажется бы на стороне произведений женских авторов.

Явная тенденция к употреблению аккузатива за счёт датива в мужском гендерлекте наблюдается не только на примере переходных глаголов, но и у личных местоимений. Подчеркнем, что стопроцентная точность в подсчётах такого рода невозможна из-за совпадения некоторых форм личных местоимений в разных падежах. Примечательно также, что в женском гендерлекте личные местоимения встречаются значительно чаще, чем в мужском.

Табл. 8. Датив vs. аккузатив у личных местоимений в русской художественной литературе

	Женщины	Мужчины
Аккузатив: <i>меня, тебя, его, ее, нас, вас/Вас, их</i>	281.423 (52,7%)	232.089 (65,9%)
Датив: <i>мне, тебе, ему, ей, нам, вам/Вам, им</i>	252.872 (47,3%)	119.861 (34,1%)

Переключение кодов. В данном случае проверялась частотность фраз на английском и русских текстах. В поиск вводились комбинации слов, которые можно ожидать в таких фразах наиболее всего, а именно сочетания личных местоимений и основных вспомогательных глаголов ('быть' и 'иметь'). В наших выборках к переключению кодов были более склонны женщины, но их "лидерство" обусловлено произведениями только одного автора – Татьяны Гарман-Роффе.

Табл. 9. Переключение кодов в русской художественной литературе

	Женщины	Мужчины
ай эм/ю а2/хи из/ин из/ит из/ли а2/зей а?	4	5
I am/you are/he is/she is/it is/we are/they are	14	3
ай хэ/ю хэ/хи хэ/ши хэ/ит хэ/ви хэ/зей хэв	0	1
I have/you have/he has/she has/it has/we have/they have	8	1
Сумма	26	10

Напоследок мы приводим данные по частотности уменьшительно-ласкательных суффиксов, которые, хотя и не имеют отношения к влиянию других языков, наглядно демонстрируют правильность составления наших выборок. Как известно, уменьшительно-ласкательные суффиксы по данным всех предыдущих исследований употреблялись чаще в женском гендерлекте (ср. 7; <http://www.owl.ru/gender/> 112.htm). Не является исключением и наше исследование.

Табл. 10. Уменьшительно-ласкательные суффиксы в русской художественной литературе

	*очк?	*ечк?	*ичк?	*онк?	*енк?	*инк?
Женщины	27871	5793	3233	2463	5704	149
Мужчины	18082	4679	3111	2080	2090	286
	*ушк?	*юшк?	*ашк?	*инк?	*чонк?	Сумма
Женщины	19157	1587	4227	3744	1457	75385
Мужчины	14744	1450	4260	4111	1005	55898

Выводы:

1. Заимствования из латыни, французского, немецкого, итальянского, испанского, арабского, горских языков, польского и голландского чаще встречаются в мужском гендерлекте, заимствования из английского и греческого, а также несклоняемые лексемы (преимущественно иноязычные) – в женском.

2. "Ми-наш-стиль" и обращение на *Вы* используются женщинами реже, чем мужчинами.

3. Женщины чаще опускают отчества, что обусловлено большей склонностью женщин к употреблению неофициальных форм имён.

4. Женщины более склонны к употреблению глаголов, требующих датива, а мужчины – к употреблению переходных глаголов. Значительных расхождений по употреблению возвратных глаголов не наблюдается, хотя с минимальным разрывом лидирует мужской гендерлект. Мужчины предпочитают местоимения в аккузативе, женщины – в дативе. Таким образом, если принять активное употребление датива за признак

склонности к синтетическим формам, можно предположить, что женский гендерекст более противостоит анализу. Об этом свидетельствует и высокая частотность конструирующей лексики в противовес я-лексике.

5. Переключение кодов чаще встречается в произведениях женских авторов, что вполне совпадает с большей склонностью женщин к англицизмам.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Eckert H.; Sternin I. Die russische Sprache im Umbruch. Lexikalische und funktionale Veränderungen im Russischen an der Schwelle des 21. Jahrhunderts. – Hamburg: Verlag D. Kovale, 2004.
2. Eszter P.; Balázs H. "Differences of language from a cross-cultural perspective". European Integration Studies, т. 4, 1 (2005), 73-96.
3. Langenmayr A. Sprachpsychologie. – Göttingen: Hogrefe-Verlag, 1997.
4. Myers D. Social psychology. – 7. изд. – Boston: McGraw Hill, 2002.
5. Wierzbicka A. Cross-cultural pragmatics. The semantics of human interaction. – 2. изд. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003.
6. Бызов Л.Г. "Социокультурная трансформация российского общества и формирование неконсервативной идентичности". Мир России, 1 (2002), 117-152.
7. Денисова А.А. (ред.). Словарь гендерных терминов. – М.: Информаша XXI век, 2003.
8. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Ежемесячное издание. Март 1876.
9. Дубов И.Г. (ред.). Ментальность россиян. – М.: Индикс-контакт, 1997.
10. Земская Е.А. "Введение". Земская Е.А. (ред.). Русский язык конца XX столетия (1989-1995). – 2. изд. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 9-29.
11. Леонович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – М.: Гнозис, 2005.
12. Лехин И.В. (ред.). Словарь иностранных слов. – 7. изд. – М.: Русский язык, 1980.

УХАЖИВАНИЕ В СИСТЕМЕ ТЕОРИЙ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ

Д.Л. Колосин

Волгоградский государственный педагогический университет

В современном обществе растёт интерес к проблемам взаимоотношения людей. Для понимания сути общения между мужчиной и женщиной в сфере интимных переживаний необходим глубокий анализ факторов, влияющих на построение коммуникативной ситуации. В данном контексте интересной представляется сфера ухаживания как область личностной коммуникации. На процесс ухаживания, возникновение симпатии и успешный результат взаимодействия оказывают влияние различные коммуникативные факторы, среди которых: совпадение социальных идентичностей, близкое сходство психотипов, наличие противоположных и взаимодополняющих черт характера у коммуникантов, а также следование правилам эффективного взаимодействия при прохождении определённых стадий, связанных с изменением уровня и объёма общения, достиганием конкретных целей и постепенным самораскрытием личности. Каждый из этих факторов лёг в основу теоретических концепций, внесших значительный вклад в разработку проблемы межличностного общения. Рассмотрим некоторые теории, для удобства поделив их на две группы.

Первая группа объединяет идеи, объясняющие возникновение симпатии и установление более интимного контакта между людьми принципами поиска сходства между личностями на развитие взаимоотношений.

• Модель теории структурного баланса Ф. Хайндера включает в себя три базовых элемента: объекта познания и двух познающих субъектов, тем или иным образом

относящихся к нему. Выявление типа отношений между тремя элементами структурно значимо, так как сходное отношение субъектов к объекту вызывает притяжение между ними, и, наоборот, разное восприятие объекта влечёт за собой неприязнь субъектов друг к другу [1; 22]. В сфере ухаживания данная модель необходима для понимания путей сближения участников общения. При этом учитывается ряд факторов, влияющих на отношение субъектов друг к другу. Несомненно среди них роль социальной идентичности, уровня культуры и образования, а также предшествовавший опыт личности. Чем больше сходства между людьми, тем эффективнее будет коммуникация. Хайндер заметил, что человека притягивают люди с похожими верованиями и принципами: симпатия возникает там, где существует сходство взглядов и близость интересов. Это отражено в паремологии:

Likeness causes liking. Congruity is the mother of love. Birds of a feather flock together. They make a pair. Like meets with like. They suit together. Cut from the same cloth. Like draws to like. Равные обычаи – крепкая любовь. Здравствуй, милая, хороша моя, черноволосая, подожди по мени! Сердце сердцу несть подаёт. Одна думка – одно и сердце. В дружбе себя любима.

О достойной паре говорили: дорожному камню – золотая оправа; дорожному коню – золотая сбруя; достойная партия: хороша парочка – баран да ягнчока.

Приведём ещё несколько текстовых примеров, демонстрирующих явление сходства:

1. Любова вкинула голову, трикула кудрями.
– Надо уходить тебе. Как думаешь жить?
– Как и ты. Сама же сказала: мы с одного дерева листочки. – сказал Сергей с улыбкой (А. Фадеев. Молодая гвардия).

2. Mrs. Cheveley (with a bitter laugh): In this world like meets with like. It is because your husband is himself fraudulent and dishonest that we pair so well together (O. Wilde. An Ideal Husband).

Русский язык наглядно иллюстрирует данное явление в аспекте расхождения в социальном отношении:

Первою он тебе, не пара, не чета, невыгодная партия. Не по себе сук рубить. Хороша Маша, да не наша. Не по купцу товар. Не нашего поля ягода. Солома с овём не уезжит.

Нижеследующие примеры показывают отношение общества к несоблюдению принципов равенства в отношениях:

1. <...> Я как думала: первою он мне. Зачем мне себя травить, его дурить, зачем людей смешить, если никакя мы не пара? На побывку к себе брать не хотела, это не для меня, а для жизни устойчивой равня нужна (В. Распутин. Женский разговор).

2. Убеждение Левина <...> основывалось на том, что в глазах родных он **невыгодная, недостойная партия для престелной Кити** (Л. Н. Толстой. Анна Каренина).

Приведём пример из английского языка:
He has nothing but roughness and coarseness to offer you in exchange for all that is refined and delicate in you. He is no match for you in anyway (J. London. Martin Eden).

Данная установка объясняется потребностью в психологическом балансе. Человек чувствует себя комфортнее в обществе соратников. Обобщённое стремление к сходству между партнёрами объясняется необходимостью психологической защиты, гарантирующей создание комфортной ситуации взаимодействия. В свете нашего исследования эта теория имеет важность для понимания сущности процесса возникновения симпатии исходя из внутренних психологических мотиваций.

• Теория баланса Хайндера вступает в противоречие с теорией **дополняющих потребностей** (The theory of complementary needs) Винча (Winch). Согласно этой теории, при подборе партнёров люди руководствуются принципом взаимного дополнения [4; 96]. Речь здесь идёт не о разнице менталитетов, а, скорее, о разнице психотипов (например, агрессивный и спокойный) или разных, но взаимодополняющих друг друга видах деятельности (Opposites attract. Extremes meet). Так, Т. Рейк (T. Reik) полагает, что люди

влюбляются в тех, чьими характеристиками не обладают и которым завидуют. Интересно, например, может заинтересоваться экстравертом, будучи не в состоянии побороть в себе скромность и застенчивость [3: 268]. Английский поэт У. Оден (W. H. Auden) отмечает, что *the awareness of sameness is friendship; the awareness of difference is love*. Сильное сходство служит причиной возникновения скорей не любви, а дружбы:

"I don't think you are suited to one another. As friends, you are very happy, and you are too much alike, and too fond of freedom, not to mention hot tempers and strong wills, to get happily together in a relation which needs both patience and forbearance, as well as love" (M. Alcott, Good Wives).

Во вторую группу входят концепции, согласно которым партнеры в процессе развития своих взаимоотношений проходит несколько стадий. Каждому этапу присущи определенные черты, характеризующие уровень отношений и степень доверия между людьми. Прохождение каждой стадии связано с изменением уровня и объема общения, достигением конкретных целей и постепенным самораскрытием личности.

Интересной в этом отношении представляется *теория фильтров*. В соответствии с ней партнеры преодолевают несколько фильтров, проходя стадии от поверхностного знакомства до более глубокого уровня общения. Первый фильтр – это внешние характеристики личности, оцениваемые человеком в зависимости от ситуации (пол, возраст, внешние данные, манера поведения и т. д.). При прохождении данного фильтра действует стремление к выбору равного по характеристикам партнера. Следующий фильтр действующий на стадии сближения, предъявляет к паре требования совместности вовлеченности во что-либо, взаимодействия и кооперации [1: 245]. В сфере ухаживания данный принцип следует понимать как стремление к взаимодействию в процессе продвижения к общей цели.

Способность к эмпатии и поддержка играют на этой стадии основную роль. Если партнер минует какой-либо из фильтров, взаимоотношения прекращаются или превращаются в вынужденные. Соответственно меняются отношения партнеров друг к другу, переставая из положительных во враждебные. Теория фильтров во многом соотносима с идеями гуманистической психологии. Один из основателей данного направления К. Роджерс выделил принципы диалогического общения, в числе которых мы считаем необходимым привести положительное отношение к другим людям, способность к эмпатии сопереживанию чувствам партнера [1: 25].

Ключевыми концепциями психологической *теории социального проникновения* (*Social penetration theory*), создателями которой являются И. Альтман и Д. Тейлор (Altmann, Taylor), становятся широта и глубина. Под данными терминами понимаются соответственно количество тем для беседы и степень личной заинтересованности в них собеседников. Для начальной стадии взаимоотношений характерны меньшая широта, когда количество обсуждаемых тем не так велико, и поверхностная глубина, то есть темы обсуждаются на поверхностном уровне. По мере развития отношений с возрастанием интимности увеличиваются их объем и глубина. В зависимости от широты (объема) информации, которой располагает пара, и от глубины этой информации можно судить о том, насколько интимны отношения партнеров [2: 78].

Таким образом, суть теории можно свести к следующему: непосредственные (нынешние) и долгосрочные (последующие) взаимоотношения характеризуются постепенным и упорядоченным переходом от поверхностного к глубокому обмену информацией. Человек проходит несколько этапов самораскрытия, слой за слоем обложив сложную структуру своей личности от так называемого публичного, поверхностного и полупубличного слоев до внутреннего мира и более глубоких зон. Процесс самораскрытия (self-disclosure) должен быть взаимным, тем самым помогая преодолевать внутреннее сопротивление человека. При этом отношения, слишком быстро достигнувшие сердечности, могут оказаться хрупкими и нежизнеспособными [Там же: 221].

Как в английском, так и в русском языках существуют поговорки, служащие иллюстрацией вышеназванной теории и характеризующие отношения в области межличностных взаимодействий: *Before you make a friend eat a bushel of salt with him. He utters a curse in three days, utters a curse in three years; Человека узнаешь, когда с ним тул соли съешь. Человека узнаешь, как из семи пучек с ним щей похлебавши.*

Рассмотренные нами теории представляют собой лишь небольшую часть из широкого круга концепций, объясняющих суть коммуникативного взаимодействия между людьми. В плане нашей дальнейшей работы – анализ новых теоретических положений межличностной коммуникации применительно к ухаживанию как типу коммуникативного поведения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Куницына, В. Н. Межличностное общение: Учебник для вузов / В. Н. Куницына, Н. В. Казаринова, В. М. Поголына. – СПб.: Питер, 2003.
2. Adler, R. B. Interplay. The Process of Interpersonal Communication / R. B. Adler, B. Rosenfeld, N. Towne. – 2nd edition. – N. Y., 1983.
3. DeVito, J. A. The Interpersonal Communication Book / J. A. DeVito. – 9th ed. – N. Y.: Longman, 2001.
4. Tubbs, L. Interpersonal Communication / Tubbs, L. Stewart, S. Moss. – 2nd edition. – New York: Random House, 1981.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

И.В. Озимок

Киевский национальный университет внутренних дел

Интеграционные процессы, охватывающие все сферы жизнедеятельности человека, не прошли мимо юриспруденции и лингвистики. Сейчас значительно возросло количество исследований, посвященных изучению гендерного параметра в языке и речи, которые обусловлены половой принадлежностью и которые можно считать традиционными в юридической лингвистике.

Наиболее популярны сейчас исследования особенностей общения диагностического характера, в частности: почерковедческая экспертиза, исследования экспертной фоноскопией, которые помогают установить признаки, позволяющие с наибольшей достоверностью идентифицировать пол анонимного автора написанного текста, личность по голосу и речи, в том числе и распознать пол. Такие исследования вызваны практической необходимостью. Ведь нельзя оставить вне поля зрения и тот факт, что на практике из-за недостаточности разработанной методики почерковедческой экспертизы, низкого профессионального уровня экспертов возникают проблемные ситуации, влияющие на эффективность юридической деятельности. Свидетельствует об этом пример из экспертной практики одного из юристов, которому пришлось делать повторную почерковедческую экспертизу, назначенную судом, из-за того, что первый эксперт сделал «графологическую» экспертизу, а необходимо было провести почерковедческую. Чтобы прелотворить подобные случаи лингвисты должны способствовать улучшению методики юридико-лингвистических экспертных исследований.

В полной мере оценить весомость гендерных исследований позволит короткий исторический экскурс. Еще в начале 20 в. тема «язык и пол» привлекла О. Есперсена. Он посвятил целую главу в книге «Язык: его суть, происхождения и развитие» мужской и женской речи. Благодаря сведениям миссионеров, полученным во время путешествий, Есперсен исследовал особенности общения племен Карибского архипелага; в некоторых племенах женщинам категорически запрещалось применять «мужские» речевые средства, и наоборот. Аналогично действовали в индийских племенах: в Боливи в племени чикито мужчинам было разрешено

употреблять одни суффиксы, а женщинам – другие.

70-е годы XX столетия ознаменовались активизацией гендерных исследований. Сначала работы на западе (первые системные описания мужских и женских особенностей мышления и языка были сделаны на базе германской и романской языковых групп), позже – в Советском Союзе. Сейчас уже можно с уверенностью говорить о появлении как российской, так и украинской лингвистической гендерологии или гендерной лингвистики.

Сейчас в гендерных исследованиях выделяются три магистральные модели, о которых ведет речь О.А. Воронина [1] и другие ученые.

Первая модель трактует исключительно социальную природу языка женщин и мужчин, направленную на выявление тех языковых отличий, которые можно объяснить особенностями перераспределения социальной власти в обществе.

Согласно второй модели необходимо вести речь о социолингвистическом подходе, который научно редуцирует "женский" и "мужской" языки к особенностям речевого поведения полов.

Третья модель в целом делает ударение на когнитивном аспекте разноязычия и языковом поведении полов.

Рассмотрев эти три модели, приходим к выводу, что все они являются взаимодополняющими и только в своей совокупности могут объяснить феномен гендера.

Учеными также установлено, что у каждого человека существует два типа подлинно биологический и социокультурный.

Биологический пол – это совокупность анатомических и физиологических признаков, благодаря которым мы с легкостью определяем мужчину или женщину перед нами.

Социокультурный пол человека, иными словами гендер, – это совокупность социальных норм, ценностей и реакций которые формируют отдельные черты личности.

Гендер также рассматривается как социально-демографическая категория. В рамках этой теории соконструирование [1] понимается организованная модель социальных отношений между мужчинами и женщинами, которая определяет социальные отношения во всех институтах общества. "Понимание того, как в социальной ситуации образуется гендер, позволит, – по мнению О.А. Ворониной, – объяснить механизм поддержки социальной структуры на уровне взаимодействия индивида и выявить те механизмы социоконтроля, которые обеспечивают его существование".

Отличительной чертой советской, сейчас российской, лингвистической гендерологии является практическая направленность исследования мужского и женского общения. В Украине сегодня это направление достигло значительной интенсивности. Многие молодые исследователи занимаются гендерными исследованиями, не только непосредственно связывая их с криминалистикой, а также работая в диагностическом ключе. Большое количество трудов связано с потребностями автороперечисловедческой криминалистической экспертизы. В силу своей специфики они ориентированы на диагностику и установление идентификационных признаков мужской и женской речи.

Исследователи, которые сконцентрировали свое внимание на изучении мужских и женских особенностей речевого поведения ввели понятие "гендеролект" – постоянный набор признаков мужского и женского языков.

Именно благодаря гендерной проблематике было создано наибольшее количество удачных попыток языкового планирования и реформирования языка. Перспективными мы считаем последующие исследования связанные с экспериментальной работой Н.Ф. Верхолащевой (1989) и Е.И.Горошко (1996), которые утверждают, что в образе современной женщины для мужчин основными являются черты, так или иначе связанные с ее отношением к мужчинам, для женщин же более важными остаются ее деловые качества. Существуют различия, которые касаются также эмоционально-оценочной стороны. Мужчины наделяют современных женщин по большей части негативными характеристиками, женщины же наоборот, чаще употребляют слова, которые выражают положительную эмоциональную оценку.

Т.В. Гомон выделяет ряд признаков поверхностных и глубинных особенностей мужского и женского общения. К поверхностным он относит компетентное описание фрагментов действительности, где традиционно доминируют для женщины приготовление еды, ориентирование в проблемах моды, воспитание, домашнее хозяйство; для мужчины – ремонт техники, состязания спортивных команд и т.п. Все эти признаки можно очень легко сфальсифицировать. Поэтому следует использовать глубинные признаки – наличие в тексте социолингвистические навыки мужской (женской) письменной речи (Гомон, 1990).

Однако следует отметить и то, что гендерный фактор является далеко не доминирующим параметром, влияющим на особенности ассоциативного поведения человека. Во многих случаях стиль жизни и мышление людей имеют намного большее значение, чем половая принадлежность.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Воронина О.А. Теоретико-методологические основы гендерных исследований // Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций. – М.: МЦГИ – МВСЭИ-ИФФ, 2001. – С. 13 – 106.

К РАЗРАБОТКЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Г.В. Рыбичкина
Астраханский государственный университет

Многолетнее изучение литературного, грамматически правильного языка привело к истощению исследовательского ресурса в этой области языкознания. Повсеместное проникновение слов сниженной лексики в литературу, жаргонизмов, вульгаризмов и просторечий – в кинематограф, стало причиной пристального интереса к изучению лексики, имеющей социальную окраску.

Именно это способствовало развитию социальной лексикографии как науки, особой отрасли языкознания, обеспечивающей не только научное изучение языка, но и норм его употребления, нормализации и описания.

Возникшая в конце XX века, социолексикография в настоящее время требует установления определенного инструментария, уточнения понятийного аппарата и исследовательской базы. Анализ литературы по проблеме исследования позволил определить основные задачи социолексикографии, адекватными задачам теоретической лексикографии, а именно: классификация, порядок и определение значений в словарной статье, установление семантических классов лексики, выявление динамики развития словарного состава языка [Ожегов: 1974, 179-180; 1974, 239], лексикографическая интерпретация многозначных слов, включая «опознание» неоднозначного слова, дискретизация и классификация опознанных смыслов и их оттенков, словарное оформление содержания многозначного слова [Морковкин: 1981, 157]. Решение названной проблематики приобретает особую значимость для социальной лексикографии как науки, исследующей словаря нестандартной лексики и фразеологии [Коровушкин: 1999], поскольку перечисленные выше вопросы общей лексикографии усложняются необходимостью учета особенностей субстандартной лексики и фразеологии при ее лексикографировании в просторечных словарях.

В связи с этим, объектом социолексикографической паспортизации могут быть названы: словари нестандартной лексики и фразеологии, толковые просторечные словари. Предметом социолексикографического описания являются, таким образом, просторечия, сленг, жаргонизмы, вульгаризмы, кэнт, обшенная лексика и др.

Наиболее емкое определение вышеперечисленных категорий приводится в

фундаментальном словаре английского лексического просторечия, каким, по общему мнению, является «A dictionary of slang and unconventional English» Э. Парtridge [Partridge, 1979].

«A dictionary of slang and unconventional English» - сложное для перевода название, поскольку содержание понятия «slang» в англистике и русистике не полностью совпадает, а слово «unconventional», имеющее общепринятые значения «нетрадиционный», «необычный», «ужасный уделюностям», может быть передано в качестве научного лингвистического термина на русском языке, как «нестандартный», или «просторечный» (дискуссии о проблематике и определениях соответствующих понятий имеют место в современном языкознании [Коровушкин: 2005]).

Таким образом, английское наименование данного словаря наиболее адекватно передается в следующем переводе: «Словарь сленга и нестандартного английского языка». Такое русское название сохраняет выраженное в английском заглавии намерение Э. Парtridge охватить ту часть словарного состава английского языка, которая не соответствует или противостоит норме литературного стандарта, но при этом терминологически различия собственно сленга и субстандарт.

Словарь, по утверждению Э. Парtridge, предназначен для весьма широкого круга пользователей - «любителей слова», образованных и менее образованных, британцев и американцев, и, вообще, иностранцев. Однако целевым адресатом этого словаря являются, все-таки, ученые-лингвисты.

Полное английское название этого словаря «A dictionary of slang and unconventional English: Colloquialisms and catch-phrases, solecisms and catachreses, nicknames, vulgarisms and such Americanisms as have been naturalized» раскрывает состав зарегистрированного в нем материала. В предисловии автор сам приводит примерное процентное соотношение перечисленных в названии пластов сниженной лексики и фразеологии:

Slang and cant.....	50%
Colloquialisms.....	35%
Solecisms and catachreses.....	6.5%
Catch-phrases.....	6.5%
Nicknames.....	1.5%
Vulgarisms.....	0.5%

За разъяснением полнотного содержания названных терминов Э. Парtridge отсылает читателя к своей монографии «Slang to-day and yesterday», впервые изданной в 1933 г. [Partridge: 1979].

В соответствии с этим авторитетным источником, сленг - The special vocabulary (e.g. cant) of low, illiterate, or disreputable persons; low, illiterate language [Partridge: 1979, 778], т.е. специальный лексикон (вокабуляр) неграмотных людей низших классов и дурной репутации.

Кант - это секретный язык (речь) преступного мира; появление самого термина «кант» относится автором к 1700 г., хотя глагол 'to cant' появился на столетие раньше, как и производные от него. Эти слова долгое время имели презрительную оценочность и являлись коллоквиализмами.

Термин «solecism» не имеет у Э. Парtridge особой, отличной от общепринятой в лингвистике трактовки; т.е. он понимается как неправильный выбор форм для построения синтаксических конструкций, или как синтаксическая неправильность. Термин же «catachresis» определяется автором через термин «solecism» как «solecism образованных (людей)»; при этом solecisms более очевидны, чем catachreses [Partridge: 1979, 800].

Термин «catch-phrases» употребляется Э. Парtridge в том же значении, что и более привычный термин «catchwords» - модное словечко, т.е. как модное выражение [Partridge: 1979, 5, 10, 19, 28, 225, 230, 304, 311, 325].

К прозвищам «nicknames» Э. Парtridge относит «неизбежные» «inevitable» клички людей и прозвища полков, а также «неотделимые» «inseparable» прозвища и клички [Partridge: 1979, 560, 1295].

Арго - отождествляемый с понятием «тайный», язык какой-либо социально замкнутой группы лиц. Характеризующийся специфичностью используемой лексики, своеобразием ее употребления, но не имеющий собственной фонетической и грамматической системы. В отличие от жаргона, арго имеет профессиональную прикреплённость. Часто под арго подразумевается язык деклассированных групп общества, язык воров, бродяг и нищих. Арго не составляет самостоятельной системы и сводится к специфическому словупотреблению в пределах общего языка. Арго взаимодействует с жаргоном и просторечием, образуя сленг.

Вульгаризм - термин традиционной стилистики для обозначения слов или оборотов, применяемых в просторечии, но не допускаемых стилистическим каноном в литературном языке. Под вульгаризмами Э. Парtridge понимает слова и выражения, которые не являются сленгизмами, и которые не употребляются в вежливом общении [Partridge: 1979].

Табуированная лексика - слои лексики в языке, являющиеся табу по религиозным, моральным, политическим и другим соображениям в обществе или в каких-то его слоях. Часто табуированная лексика является также ненормативной.

Обесцененная лексика - неслучайные выражения, брань - сегмент бранной лексики различных языков, включающий грубейшие бранные выражения, часто выражающие спонтанную реакцию на неожиданную (часто неприятную) ситуацию.

Таким образом, на наш взгляд представляется рациональным определить следующие пласты нестандартной лексики, бесспорно, связанные друг с другом и находящиеся в постоянном взаимодействии:

1. разговорная лексика (в противовес литературному языку): в первую очередь, коллоквиализмы;
2. просторечная лексика: просторечия, диалект, сленг, арго;
3. низкая/сниженная лексика: жаргонизмы;
4. ненормативная лексика: обесцененная лексика, вульгаризмы, табуированная лексика.

В ходе проведения социолексикографических исследований в данной области, изучая четкое представление о макроструктуре и микроструктуре основных источников. Наибольший интерес для социолексикографии представляют следующие словари и глоссарии нестандартной лексики: 1) Anglicus, Ducange. The Vulgar Tongue, 1857; 2) B.E. Gent. Dictionary of the Canting Crew, 1690; 3) Barrère A., Leland Ch.G. A dictionary of slang, jargon, and cant, 1889-90; 4) Baumann H. Londonismen, 1887; 5) Bee's (Jon.), Dictionary of the Turf, the Ring, the Chase, the Pit, the Bon Ton, and the Varieties of Life, forming the completest and most authentic Lexicon Balatronicum hitherto offered to the notice of the Sporting World, by John Bee, [i.e. John Baddock], 1823; 6) Bowen F.C. Sea Slang, 1929; 7) Brandon. Glossary of Cant in 'Duncange Anglicus'; 8) Brophy J., Partridge E. Songs and Slang of the British soldier, 1914-1918, 1931; 9) Coles E. An English Dictionary, 1676; 10) Dawson L. Nicknames and Pseudonyms, 1908; 11) Farmer J. S., Henley W.E. Slang and its Analogues. 7 vols., 1890-1904; 12) Fraser E., Gibbons J. Soldier and Sailor Words and Phrases, 1925; 13) Grose F. A Classical Dictionary of the Vulgar Tongue, 1785, 1788, 1796; 14) Grose F. The Lexicon Balatronicum. Edited by H. Clarke, 1811; 16) Hotten J.C. A Dictionary of Modern Slang, Cant and Vulgar Words, 1859, 1860; 17) Irwin G. American tramp and underworld slang, 1891; 18) Morris E.E. Austral English: A dictionary of Australian words, phrases and usages, 1898; 19) Pettman C. Africanderisms, 1913; 20) Thornton R.H. An American Glossary, 1912; 21) Vaux, J. H. Glossary of Cant, 1812, in his Memoirs, 1819; 22) Ware J.R. Passing English of the Victorian Era. A Dictionary of Heterodox English, Slang and Phrase, 1909; 23) Yule H., Burnell A.C., Hobson-Jobson. A Glossary of Colloquial Anglo-Indian Words and Phrases, 1903.

Сюда же можно добавить два значительных исследования, материалы которых были использованы Э. Парtridge при подготовке первого тома своего словаря: 1) Collinson W.E. Contemporary English, 1927; 2) Fowler H.W. Modern English Usage, 1926; 3) Lewis W.J. The

Language of Cricket, 1934; 4) Lyell T. Slang, Phrase and Idiom in Colloquial English, 1931; 5) Manchon, J. Le Slang, 1923; 6) Smart B.C., Crufton. The Dialect of the English Gypsies, 1873.

В словаре также представлены отсылки еще к 13 опубликованным и рукописным лексикографическим трудам – словарям сленга, идио, а также к ряду исследований, глоссариев и частных шпем. Это такие работы, как: 1) Baker S.J. A popular dictionary of Australian slang, 1943; 2) Baker S.J. New Zealand slang, 1941; 3) Egan, Pierce. Boxiana, or, Sketches of Modern Pugilistic, 1818-24; 4) Franklyn J. A Dictionary of Rhyming Slang, 1960; 5) Granville W. A Dictionary of Naval Slang, typescript, 1945; 6) Hunt J., Pringle A. Service Slang, 1943; 7) Marples M. Public School Slang, 1940; 8) Marples M. University Slang, 1950; 9) Partridge E. et al. A Dictionary of Forces' Slang, 1939-1945, 1948; 10) Partridge E. A Dictionary of R.A.F. Slang, 1945; 11) Partridge E. A Dictionary of the Underworld, 1949.

Приведенные выше лексикографические работы, проанализированные Э. Парtridge при подготовке словаря «A dictionary of slang and unconventional English», свидетельствуют о широте и тщательности охвата им всех созданных до него сколько-нибудь значительных источников сведений о том материале, который автор отобрал и описал.

Бесспорно, обозначенные в данной статье вопросы требуют детального изучения и рассмотрения, что возможно в ходе проведения более масштабного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коровушкин В.П. Проблемы лексикографического описания английского и русского просторечия в двуязычных словарях // Материалы научно-методической конференции "Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных языков в вузе". Часть II. Доклады. – СПб: ВИТУ, 1999. – С. 238-258.
2. Коровушкин В.П. Основы контрастной социолектологии: Монография в двух частях. – Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2005.
3. Меркулова В.В. Лексическая многозначность и некоторые вопросы ее лексикографической интерпретации // Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. Волгоградские чтения. IX—X. – М.: Наука, 1981. – С. 153-166.
4. Ожегов С.И. О трех типах толковых словарей современного русского языка // Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. – М.: Высшая школа, 1974. – С. 158-182.
5. Partridge E. A Dictionary of Slang and Unconventional English. In two volumes. Routledge & Kegan Paul. London and Henley, 1979. Vol. I: The Dictionary. XVI, 1-974 p. Vol. II: The Supplement. X, 975-1528 p.
6. Partridge E. Slang to-day and yesterday: With a short historical sketch; and vocabularies of English, American, and Australian slang. – London: Routledge & Kegan Paul, 1979. – IX, 476 p.

ПОНЯТИЕ «КАРТИНЫ МИРА» В ЛИНГВИСТИКЕ

О.Б. Смирнова
Астраханский государственный университет

Понятие «картина мира» является одним из основных позиций когнитивной лингвистики и играет ведущую роль при рассмотрении роли языка в процессе мышления и их взаимосвязи. Впервые наиболее полное освещение данного термина мы встречаем в работах Колшанского Г.В.

Термин «картина мира» используется на разных уровнях человеческой когниции: на бытовом (житейском) и на научном. На бытовом уровне «картина мира» понимается как то или иное представление человека о каких-либо явлениях жизни, сформированное в результате жизненного опыта. Использование данного термина в научном обиходе соотносится с теми знаниями о материю во всех ее конкретных проявлениях, которыми

располагает человек – общество – цивилизация.

Колшанский Г.В. отмечает, что кроме биологических, химических и др. знаний в эту категорию следует отнести знания о всех проявлениях духовной жизни самого человека – этика, эстетика, искусство и т.д.

Мышление является средством познания мира, обеспечивающим проникновение человека в его закономерности. Язык, в свою очередь, выступает как способ закрепления всей отражательной деятельности мышления.

Ученый приходит к выводу о том, что в языковом знаке отражаются, закрепляются и реализуются результаты отражательной мыслительной деятельности человека. По отношению к действительности мышление является способом и формой отражения, т.е. другими словами процесс мышления – это образование вторичного идеального мира в сознании человека, который повторяет объективный мир в способах и формах, присущих человеческому мозгу.

Отражательная способность, по мнению Колшанского Г.В. – это способность мозга, но не языка. Язык выступает в роли вторичной формы мышления (субстанции мышления является мозг, субстанцией абстрактных мыслительных форм является звуковой язык).

Следовательно, язык выражает мышление, мышление отражает действительность. Все вышесказанное означает, что картина мира является атрибутом мыслительной деятельности. Под формой существования картины мира в сознании человека автором понимается абстракция в виде понятий и их отношений.

Колшанский Г.В. отмечает, что сознание является человеческим фактором, который в результате отражательной деятельности формирует концептуальную картину мира, позволяющую человеку эффективно ориентироваться в нем, использовать его в своих жизненных целях.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что язык не имеет непосредственного отношения к объективному миру.

Так как в языке закрепляется общественное сознание, то тексты как результаты мыслительной деятельности содержат в себе понятийное богатство разума. В языке находит свое выражение бесконечное разнообразие условий, в которых добывались человеком знания о мире – природные особенности народа, его общественный уклад, исторические судьбы, жизненная практика. [3; 24].

Субъектность языка скрыта в его человеческой природе. В следствие того, что язык является атрибутом мыслительного существа личности, человека и человечества в целом, выражает в своей системе и структуре все особенности человеческого освоения мира, посредством языка передаются одновременно различные характеристики: ограниченность познания, национальная самобытность, особенности жизни племен, народов, наций и т.д. Язык является субъективной субстанцией, субъективной и объективной одновременно, так как обращен и к миру, и к человеку [3; 35]. Колшанский Г.В. подчеркивает идею о том, что язык выражает человеческий мир как форму отражения объективного мира, следовательно, сам язык не может создавать отдельного от человеческого сознания мира (что является сутью субъективного характера языка).

В своей работе Колшанский Г.В. условно подразделяет сферу деятельности человека на взаимодействие с природой и на взаимодействие с человеком. Первая сфера является универсальной для каждого социума, однако, вторая сфера варьируется в зависимости от условий жизни того или иного народа, или от того или иного действия человека.

Языковая картина мира означает языковое воплощение понимаемого объективного мира, в состав которого входит и человек.

Споры о том создает ли язык третий мир, или же он является частью мира мышления имеют долгую историю. В настоящее время исследователи языка, как системы категоризации мира приходят к выводу о том, что принципиально язык соотносится с одним и тем же объективным миром, а расхождения в его семантической системе, связанные с системой лексики и грамматических категорий, происходят вследствие различного опыта

людей по освоению одного и того же мира, но не из особенностей самой формальной системы языка, преобразующей формальный мир в языковой в соответствии со своими внутренними законами.

Слово, по мнению лингвиста, не является результатом особой сетки значений каждого языка, оно связано с реальной действительностью. В исследовании Василевича А.П. мы находим следующий пример: слово красный в русском языке приобрело значение алая, так как кровь на теле русского дает оттенок алого цвета, а в амхарском языке приобрело значение «слиловый», так как на теле эфиопа кровь дает цвет с некоторой синевой [2, 85].

Колчанский Г.В. в своей работе «Объективная картина мира в познании и языке» несколько раз подчеркивает основную идею о том, что «так называемая языковая картина мира не есть собственно языковая, она – выражение познавательной деятельности различных групп людей – деятельности, обусловленной историческими, географическими, культурными и другими факторами в пределах единого объективного мира (но не языкового)» [3; 31].

В своей работе автор ссылается на исследование Сорокина, Тарасова и Уфимцевой «Культурный знак» Л.С. Выготского и теория Сепира – Уорфа, которые отмечают, что «проблема неадекватности вербальной категоризации реальной действительности в разных языках может быть понята, следовательно, как проблема неадекватности образов социально значимых действительностей, в рамках которых реальная действительность получает различное чтение. Таким образом, автор приходит к выводу о том, что решение одной из центральных проблем этнолингвистики – проблемы культурно-исторической специфики речевого (а также неречевого) мышления – следует искать за пределами языка, ибо эта специфика обусловлена общественной практикой» [3; 7-8].

Не предметный мир создает язык, а язык отображает исторический опыт каждого народа по освоению этого мира. Колчанский Г.В. отмечает, что «само выделение в предметных средствах объективации знаний тех особенностей, которые имеют смыслообразующую функцию, и отнесение их от безразличных к смыслу характеристик не определяются какими-то физическими свойствами этих предметов, непосредственно данными в их телесной форме. Это выделение целиком детерминировано культурой, в рамках которой функционируют данные предметы. Если я не включен в эту культуру, не владею принятыми в ней способами коммуникации, я не в состоянии выявить смысловое содержание, объективированное в предметах-носителях».

Язык не познает мир, а следовательно, и не создает какой-либо картины мира. Однако в языке находит свое отражение все разнообразие творческой познавательной деятельности человека, результаты которой закрепляются в языке.

Колчанский Г.В. делает вывод о том, что вследствие того, что закономерности мира отражаются и познаются только в концептуальной системе человека и так как язык непосредственно связан с мышлением, то более правомерным является отношение «язык-мышление-мир», а не «язык-мышление-мир», следовательно, правильно было бы говорить не о языковой картине мира, а о концептуальной картине мира, т.е. о языкомыслительной картине мира.

Проблема референции это не проблема референции единиц языка, это, прежде всего, глобальная проблема референции идеальной картины мира, зафиксированной в языке в его отношении к реальному миру. Арутюнова Н.Д. пишет по этому поводу: «центральным для теории референции является вопрос о роли значения в установлении связи между именными выражениями и объектами действительности, с одной стороны, и в формировании смысла предложения и его истинности - с другой» [1; 84].

Комлев Н.Г. в своей работе «Слово, денотация и картина мира» утверждает, что «при параллельном сопоставлении языков и понятий в разных языках может раскрываться любопытная картина полноты и возможных пробелов в семантической системе соответствующего языка. Одни лакуны обнаруживаются в строевой части языка, другие выйдут в соответствующую область, сопрягающуюся с тем, что мы назвали действительностью».

Колчанский Г.В., исследуя все эти работы, придерживается точки зрения о том, что

разграничение категорий понятие и значение не имеет смысла (хотя многие лингвисты все-таки настаивают на их разграничении), так как в противном случае приходится признать, что существует два способа отражения мира и два способа сознания человека. Он говорит о том, что скорее всего понятие и значения являются терминами разных наук, понятие относится к логике, а значение к лингвистике, что до сих пор не привело к созданию единого термина, а, наоборот, привело к избыточности терминов: семантика, значение, сигнификат, концепт, семема и др.

Мы, вслед за Колчанским Г.В., принимаем в своем исследовании точку зрения о том, что обобщение «Язык-мышление-мир» является более правомерным, чем оппозиция «Язык-мышление-мир», следовательно, также правомерным является построение концептуальной, а не языковой картины мира.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции, М., 1982.
2. Василевич А. П. К методике исследования гипотезы Сепира – Уорфа, М., 1982.
3. Колчанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке, М, 1996.
4. Комлев Н.Г. Слово, денотация и картина мира, М, 1986.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ УБЕЖДЕНИЯ В МЕХАНИЗМЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Е.В. Хлопкова
Астраханский государственный университет

Убеждение - метод целенаправленного воздействия на поведение людей. В уголовном преследовании оно имеет своей целью влияние субъектом (адвокатом/прокурором) на сознание, волю и чувства соответствующего участника процесса (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетелей) путем доведения до него положительной информации, обеспечивающей налаживание нормального психологического контакта, взаимопонимания и взаимодействия [1, 79], а в конечном счете - достижение его юридически значимого поведения (получение, как предполагается, правдивых показаний по делу).

Убеждение является глубоко нравственным методом обеспечения межличностных отношений, а это значит, что прокурор/адвокат, используя этот метод как способ манипуляции свидетельскими показаниями, должны думать о том пределе, который он может причинить психике допрашиваемых. Поскольку убеждение - нравственно-психологическое понятие, и оно исходит от следователя, прокурора, важно, чтобы они сами, прежде всего, должны быть безупречными в нравственно-психологическом плане [1; 80] и чтобы также безупречно реализовывали эти свои качества, полностью воплощали в жизнь необходимые морально-психологические установки в системе межличностных отношений. Отсюда обязанность правоприменителя - создать морально-психологический климат, атмосферу гуманности и честности, уважительности в отношениях, складывающихся при осуществлении уголовного преследования. Здесь мы говорим о психологической стороне данного метода воздействия. Вопрос о нравственности убеждения и поведения следователей спорный. Сегодня убеждение используется скорее не для создания благоприятного климата и взаимопонимания, а для извлечения пользы. Возлеет вопрос об истинности показаний, поскольку адвокат использует убеждение, чтобы свидетели давали показания в его пользу, прокурор - в его. Где они оказываются истинными - зачастую очень сложно определить.

Убеждение участников уголовного процесса осуществляется с помощью речевого воздействия: адвокат/прокурор в своей речи использует различные словесные приемы, подбирают слова, которые влияют на дачу показаний того или иного допрашиваемого, свидетеля. Это может быть словесная оценка предмета разговора, внушение, разъяснение,

сочувствие, одобрение и др. Приемы осуществления убеждения составляют лингвистическую сторону убеждения. А приемы осуществления убеждения и тот определенный психологический климат, который они создают и то влияние, которое они оказывают на психику свидетелей, допрашиваемых будут являться составными частями психолингвистического аспекта убеждения в механизме уголовного преследования.

Внушение является одним из основных приемов осуществления метода убеждения и заключается в том, что кто-нибудь, желая вызвать со стороны другого лица определенный образ действия, внушает ему мысли и чувства, косвенным путем отражающиеся на его психической деятельности (дача показаний в суде) и желаемом направлении; причем эта деятельность представляется свидетелю, допрашиваемому как безусловное проявление его свободной воли, но на самом деле она составляет очевидный косвенный результат именно внесенных в его сознание извне представлений. Естественно, что внушение может вызывать в сознании ошибочные представления. Содержание вопросов, предлагаемых на суде свидетелям, может в известной степени влиять на их ответы и подавать повод к ложным показаниям, хотя свидетель может быть убежден в том, что он рассказывает лишь то, что сам слышал или видел:

- Я так понял, что накладки на теле у Сокровищука Вы сами не видели, а Вам о них рассказали?

- Да, работник сказал. Тот самый, что жил у меня, из Ростова.

- А сами Вы эти накладки видели?

- Вы меня в заблуждение не вводите. Я сказал, как есть. У меня жил работник из Ростова, вот он сказал, что один парень был с накладками.

- А Вы сами у Сокровищука накладку видели?

- Я - нет.

- Эти накладки Вы видели только на фотографии?

- Да.

- Хорошо, у меня пока вопросов нет. [3]

В данном примере мы видим, как прокурор пытается убедить допрашиваемого в том, чего не было. Он постоянно повторяет один и тот же вопрос, видел ли свидетель накладки на теле Сокровищука. Он пытается внушить, что ввести свидетеля в заблуждение путем внушения.

Внушение может быть применено с целью изменения условий деятельности уголовного суда по исследованию совершенного уже преступления. Особенно велика в этом отношении опасность, угрожающая со стороны действующих под влиянием внушения свидетелей. Свидетели, воспроизводя в показаниях удержанные памятью впечатления, помогают суду в исследовании события преступления; но память является именно тем объектом, на котором с особенною силой проявляет свое влияние внушение.

Известный русский невропатолог, психиатр и психолог В.Н. Бехтерев отмечал, что внушение проникает в психическую сферу без особой борьбы и сопротивления со стороны внушаемого лица. Оно влияет не путем логического убеждения, а "непосредственно воздействует на психическую сферу ... без соответствующей переработки, благодаря чему происходит настоящее прививание идей, чувства, эмоции или иного психофизического состояния". [1; 81]

Существенную роль в выводе положительного ответа на внушение играют доброта, сочувствие, душевные беседы, доверие по отношению к подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему. Чувствование имеет значение регулятора поведения, способно вызвать в них положительные изменения [1; 84]. Доброта - ключ к человеческой душе, обеспечивающий проникновение во внутренний мир участника правоотношения. Этим легко пользуется адвокат/прокурор в суде. Доверие друг к другу - нравственная основа человеческих отношений, без которой немаломо их успешное функционирование. А основой доверия, например, обвиняемого к следователю, является убежденность в его правоте, честности, добросовестности, порядочности. Вызов доверия оказывает на обвиняемого расслабляющее

к себе влияние. Очень часто адвокат/прокурор используют этот прием для создания благоприятного климата, установления контакта с допрашиваемым, что тоже позволяет ему извлекать пользу из дачи показаний.

Пример 1: Адвокат Лент: Вы утверждаете, что вы - честный и ответственный аудитор.

Гристан: Да, сэр.

Адвокат Лент: Вы просто стали жертвой этой компании наряду с остальными ее инвесторами?

Гристан: Вот именно, я был жертвой... Я возмущен так же, как и все остальные. Каждую ночь я просыпаюсь в холодном поту: как только я не замечаю этого проклятого обмана! [2]

Пример 2: Адвокат Лент: Вы проверили разрешение на ведение строительных работ, выданное ZZZZ Best?

Грей: Нет, сэр. В этом не было необходимости.

Адвокат Лент: Вы также не интересовались у владельца здания, подавал ли он заявку в страховую компанию на возмещение убытков?

Грей: Нет. В этом не было необходимости. Я видел соответствующую документацию в отчетности ZZZZ Best, которая содержала все необходимые подробности. Поэтому мне нечего было проверять эти данные на стороне.

Адвокат Лент: Вы помните, что все вам показанное не имело ни малейшего отношения к реальности? Иными словами, вас просто надули?

Грей: Именно так, сэр. [2]

В обоих приведенных примерах видно, как адвокат умело вступает в роль собеседника, устанавливает контакт, вызывает у допрашиваемого сочувствие и жалость к себе, сам "переживает" за него. Аналогичные чувства возникают у всех присутствующих, в том числе у судьи и коллегии присяжных. Цель достигнута - компания ZZZZ Best предстает виновной.

С доверием неотделимо связано одобрение. Когда доверие оправдывается, логически должно последовать одобрение (положительная оценка, похвала) поведения участника уголовного процесса. Это может быть выражено в виде, например, устной благодарности следователя, дознавателя подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, свидетелю.

Очень часто допрашиваемые "опускаются" в разъяснении. Адвокат/прокурор задает вопрос, который может поставить свидетеля в затруднительное положение. И тогда он начинает разъяснять, подсказывать, предлагать свои варианты ответа, среди которых может быть заранее подготовлен нужный адвокат/прокурору вариант:

Гос. обвинитель Ефросини Д.Г. оглашает протокол опознания. Далее: - Здесь вы подписали, что опознали уверенно по росту, по телосложению, форме и цвету глаз, по манере жестиковать.

Потерпевший Абын А.А.:

- Да, по росту.

- В чем выражалась эта особенность жестиковать? Некоторые просто говорят рассудительно, не машут руками. Другие размахивают. Третий делает определенные движения или держат руки на месте. По манере жестиковать - то есть это Вам чем-то запомнилось. В чем заключалась эта особенность? [книжечка с видеозаписью]

ЛИТЕРАТУРА:

1. Еникеев Э.Д. Механизм уголовного преследования: Учебное пособие / Э.Д. Еникеев - Изд-е Башкирск. ун-та: Уфа, 2002. - 116 с.
2. <http://elibr.gntb.ru/?journal=ntb&year=2006&num=7&art=8>
3. <http://www.kuban-justice.ru/info/sud.htm>

СЕКЦИЯ 4. ПРОБЛЕМЫ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Е. С. Смольянинова

Астраханский государственный университет

В настоящее время проявление интереса к значению и функционированию языковых единиц в процессе речевого общения является характерной чертой современной коммуникативной лингвистики. Академическая наука все больше и больше обращается к реальным процессам коммуникации. В поле зрения ученых находится самое главное – те, кто пользуется языком, те, для кого язык и существует.

По мнению Ю.Н. Караулова «языковая личность – вот та сквозная идея», которая «пронизывает все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка». Он также считает, что и сам по себе познать язык нельзя, если не выйти за его пределы и не обратиться к его носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности [3; 3].

Возникновение и существование человека, а также его языка неразрывно связаны друг с другом. Поэтому можно утверждать о том, что роль языка в жизни каждого общества огромна. Необходимо помнить, что язык социален по своей сущности. Язык предназначен для того, чтобы служить орудием общения людей. Его основной функцией является передача и приём мыслей об объектах действительности.

Следовательно, «главное предназначение языка – служить основным средством обмена информацией (т.е. выполнять коммуникативную функцию)» [2; 10].

Общество влияет на язык, но и язык в свою очередь влияет на общество, участвуя в различных областях жизни и деятельности людей.

Современные исследования проявляют интерес к теории коммуникации и направлены на изучение семантики языковых единиц. Проводится изучение не только языка и речи, но и языкового поведения человека в целом. В центре внимания оказывается комплексное изучение языковых средств, используемых в определенных коммуникативных ситуациях, а также учитываются национально-культурные факторы. Скорее всего, все вышесказанное можно объяснить тем, что «существует глубокое и постоянное взаимодействие между языком и действительностью, между «миром языка» и окружающим нас миром» [1; 32].

В этой связи изучение речевого этикета (РЭ) представляет огромный интерес для лингвистических исследований. Он является одним из показателей межличностных отношений в языке.

О.Б. Сиротинина утверждает, что «понятие речевой культуры (РК) шире понятия культуры речи, в которое включается только характер использования языка, отношение к нему, но не сам язык и закрепленная за ним картина мира» [7; 343].

Реализация РК происходит в речи, в процессе общения. За века своего существования у каждого народа выработалась своя РК, и то, что характерно для речевой культуры одного народа, может быть совершенно не характерным для РК другого. Но в любой РК существуют общечеловеческие свойства, такие как правильность речи, передача знаний о ее эталоне. И уж в каждой РК обязательно присутствуют правила вежливости, которые сами по себе могут различаться. Поэтому о РК мы можем говорить как об общечеловеческом феномене, так и о русской, немецкой, английской, французской и др. РК.

Проблематика, связанная с пониманием РЭ, активно разрабатывалась Н.И.Формановской, В.Е.Гольдиным, Е.И.Белковой, М.А.Егоровой, С.В.Неверовым,

И.А.Стерниним, Л.В.Цуриковой и другими учеными-лингвистами. А также необходимо упомянуть, ставшие уже классическими, но мало известные в России работы Э.Гофмана, Дж.Лича, П.Брауна и С.Левинсона.

Собственно научное изучение системы РЭ в языке и речи было начато еще в 60-х годах в СССР (работы Н.И.Формановской, А.А.Акишиной, В.Е.Гольдина). Термин «речевой этикет» впервые введен в русистике В.Г.Костомаровым в 1967 году.

Понятие этикета уже давно является предметом научного и околонучного рассмотрения. К работам околонучным Е.Б.Морозова относит «пособия и популярные энциклопедии по этикету, весьма разнообразные по содержанию, объему и полноте информации. Также она зовет внимание на том, что научное рассмотрение этикета началось совсем недавно, что представляет собой огромные поле деятельности для исследователей [5; эл. источник].

Интерес к РЭ связан с возросшим в последнее время вниманием к проблемам общения, вызванным как достижениями теоретической лингвистики и смежных с ней наук, так и практическими потребностями обучения русскому языку как иностранному.

Вслед за Н.И.Формановской и определенном, данным в ЛЭС, под РЭ будем понимать систему национально специфических устойчивых формул общения, используемых для выражения бесконфликтного взаимоотношения между людьми как в официальной, так и не официальной обстановке, отражающие в определенной мере, как моральные устои, так и нравственное состояние общества.

Устойчивые формулы речевого общения (в таких ситуациях как: обращение, приветствие, прощание, просьба, извинение и др.) в непосредственном речевом взаимодействии призваны оказывать определенное воздействие на собеседника, связанное со стремлением выразить уважение и доброжелательность к собеседнику, и тем самым поддержать межличностное общение. Такие устойчивые формулы речевого общения называют единицами речевого этикета (ЕРЭ). И.Д.Соколова определяет ЕРЭ как «ситуативно-обусловленные, коммуникативно-направленные, тематически сопряженные, взаимосвязанные и взаимозависимые в рамках диалогических единиц устойчивые формулы общения» [6; 80]. Также ЕРЭ «отражают постоянные социальные признаки участников общения: их возраст, степень образованности, воспитанности, место рождения, воспитания и жительства, пол, а также переменные социальные роли (товарищ, пациент, клиент, милиционер и др.)» [7; 355].

В своем исследовании Е.Б.Морозова выявляет три уровня этикетных единиц. Единицами низшего уровня она считает «отдельные жесты и простейшие речевые формулы, обычно употребляемые в этикетной ситуации». Единицами более высокого уровня можно назвать «комплексное вербально-невербальное сочетание, например, манеры, поведение участников ситуации». В единицы высшего уровня входят «сами этикетные ситуации, которые включают в себя единицы низшего уровня в разных соотношениях» [5; эл. источник].

Рассматривая проблематику РЭ необходимо выделить наличие двух его видов – вербальный (непосредственно РЭ) и невербальный. Под невербальным этикетом понимается «множество частных невербальных этикетов – соответственно, жестовый, позыный, визуальный, и т.д. то есть приклад, которые направлены на других людей и которым люди в норме следуют в выделенных этикетных ситуациях» [5; эл. источник].

В основе РЭ как функциональной системы языковых единиц лежит и функция общения (коммуникативная), и функция выражения мысли.

Таким образом, Н.И.Формановская основываясь на коммуникативной функции языка, выделяет специализированные функции РЭ, а именно: контактуализирующая, регулирующая, эмоционально-модальная и функция ориентации на адресата [8; 5-15].

Речевая ситуация, в которой находит отражение РЭ – это «ситуация непосредственного общения коммуникантов, ограничиваемая прагматическими координатами Я – ТЫ – ЗДЕСЬ – СЕЙЧАС, которые организуют ядро поля языковых

единиц РЭ. Грамматическая природа этих единиц определяется лексическими указателями Я – Ты – ЗДЕСЬ – СЕЙЧАС (*Благодарю вас! Поздравляю!* и т.д.). Угнетая высказыванием координат Я – Ты – ЗДЕСЬ – СЕЙЧАС выводит его за пределы РЭ (ср. *Поздравляю вас! и Вчера он поздравлял ее!*) [4; 413].

В основе построения любой речи лежат диалогические отношения предполагающего реакцию адресата в форме вербального или невербального поведения. Даже если человек ведёт немой внутренний разговор, у него есть собеседник – это сам размышляющий, тот образ самого себя, который в данный момент наиболее уместен в данной речевой и деятельности ситуации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Будагов Р.А. Язык и речь в кругозоре человека. – М.: Добросвет - 2000, 2000.
2. Ипполитова Н.А., Князева О.Ю., Саввова М.Р. Русский язык и культура речи: учеб./под ред. Н.А.Ипполитовой. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005.
3. Карулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1990.
5. Морозова Е.Б.К проблеме описания невербального этикета и создания теоретического этикета, 2005(эл.источник): <http://www.dialog21.ru/Archive/2005/Morozova%20E/Morozova%20E.htm>
6. Соколова Н.Л. Английский речевой этикет. Монография. – М., Изд-во УДН, 1991.
7. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта, Наука, 2003.
8. Формановская Н.И. Употребление русского речевого этикета. – М., 1982.

СЕКЦИЯ 5. ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОДИДАКТИКА

СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ В КОММЕРЧЕСКИХ КУЛЬТАХ

Н.В. Зависюла
Астраханский государственный университет

Существование огромного количества различных организаций (религиозных, коммерческих, политических и т.д.) в современном мире выдвигает на первый план проблему деструктивизма, т.е. не наносит ли та или иная организация вреда отдельной личности и обществу в целом. В связи с этим, стало широко использоваться понятие «деструктивный культ». Американский учёный Стивен Хассен даёт следующее определение: «Деструктивный культ - это любая авторитарная иерархическая организация (религиозная, политическая, психотерапевтическая, образовательная или коммерческая), которая практикует: 1) обманную вербовку; 2) прибегает к использованию контроля сознания, чтобы сохранить своих последователей зависимыми и покорными лидеру и доктрине». Описывая контроль сознания, Стивен Хассен отмечает, что «контроль сознания может быть понят в свете четырёх основных сфер:

- 1) контроль поведения,
- 2) контроль информации,
- 3) контроль мышления (мыслей),
- 4) контроль эмоций (чувств)».

Термин «контроль поведения» подразумевает, что человеку предписывается, где и с кем он должен жить, какую принимать пищу, сколько времени он должен спать (крайне короткий сон). Все время должно посвящаться групповым медитациям и семинарам, во время которых идут бесконечные повторы и внушения, изучение литературы, вербовка новых членов. Для принятия важных решений личной жизни необходимо спрашивать

разрешение у лидера. Действует система наград и наказаний. Отбивается охота к индивидуализму: «главное это группа». Действует система жестких правил и предписаний.

Контроль информации – это использование откровенного обмана, умышленное утаивание информации, искажение информации, чтобы сделать ее приемлемой. Запрет на все источники информации вне культа: нельзя смотреть ТВ, читать газеты и журналы. Широко используется внутри культювая литература: книги, журналы, видео- и аудиозаписи. А также публичные и письменные исповеди, где человек должен сознаться во всех своих неблагоприятных поступках, мыслях. Делается это с целью уничтожить границы личности. А в дальнейшем прошлые грехи используются, чтобы манипулировать и шантажировать.

В контроль эмоций входит использование техник, затрудняющих логику: монотонное скандирование, гудение, многократное повторение молитв, медитация. Поощряются только «правильные» мысли с точки зрения группы. Человеку навязывается отрицание языка, крайне нагруженного сложными терминами и понятиями. Идет полное отрицание всех других религий, верований, учений. Истина - только здесь, у нас».

Контроль эмоций: путем специальной аргументации человека заставляют чувствовать, что в любых проблемах есть его вина. Чувство вины постоянно продуцируется и усиливается: живешь плохо, не так как нужно, мысли твои плохие, чувства и привязанности не те и не к тем. Постоянно нагнетается страх: боязнь независимо мыслить, боязнь внешнего мира, врагов, боязнь потерять свое «спасение», которое только здесь и в данной группе. Страдание, беда, погубить ждет вас, если вы покинете нашу организацию. В результате всего вышесказанного наступает физическое и психическое ослабление личности.

В ряде организаций используются психотехники, которые погружают людей в измененные состояния сознания. А это в сочетании с использованием психотропных и наркотических веществ вызывает психический «шок» новообращенного и люди ошибочно начинают верить, что они на истинном Пути. Все они испытывают чувство эйфории, и начинают верить, что в этой группе есть некое чудо и это чудо поможет им решить свои внутренние и внешние проблемы. Зачастую от своих членов подобные организации требуют разрыва с ближайшим окружением: семьей, близкими, друзьями, со всем внешним миром. Эти руководители данных организаций ограничивают возможности общества повлиять на выбор adeptа, пробудить в нем критическое мышление.

Цель «стратегий контроля сознания» заключается в манипулировании мыслями, чувствами и поведением других в данном контексте в какой-то период времени, имевшем своим результатом относительно большую выгоду для манипулирующего, нежели для тех, кто подвергается воздействию.

Роберт Чалдини отмечает, что «хотя существуют тысячи различных тактик, используемых с целью получения согласия, большая часть этих тактик попадает в шесть основных категорий. Каждая из этих категорий соответствует одному из фундаментальных психологических принципов, которые лежат в основе человеческого поведения». [1;24] К этим принципам относятся: принцип последовательности, принцип взаимного обмена, принцип социального доказательства, принцип авторитета, принцип благорасположения, принцип дефицита.

При более подробном рассмотрении нетрудно заметить, что все эти принципы активно и очень умело используются в деструктивных культах с целью контроля сознания adeptов, в особенности принцип социального доказательства (мы все считаем, что наша группа самая успешная и мы счастливы, что мы вместе), принцип авторитета (частые ссылки на опыт людей, добившихся успеха), принцип благорасположения (использование множества приятных слов и выражений в надежде вызвать благорасположение собеседника и усмирить критический настрой).

Здесь необходимо отметить, что принцип благорасположения основан на том факте, что мы склонны чувствовать особое расположение к человеку, если он полог на нас. Зная это, многие вербовщики того или иного культа в процессе общения с потенциальным adeptом перебивают его или её жесты, мимику, интонации, лексикку. Это ещё раз

(*Gedichte, Münchhausen, Ästhetische Schriften*), Forster, Georg (*Ansichten vom Niederrhein, Essays und Reden*), Gellert, Christian Fürchtegott (*Gedichte, Fabeln und Erzählungen, Die zürlichen Schwestern, Leben der schwedischen Gräfin von G***), Goethe, Johann Wolfgang (*Verspen, Gitz von Berlichingen mit der eisernen Hand, Prometheus, Faust, Clavigo, Stella, Egmont, Proserpina, Iphigenie auf Tauris, Torquato Tasso, Die Aufgeregten, Die natürliche Tochter, Die Leiden des jungen Werther, Erstes Buch*). Как и во всех остальных случаях, при наличии произведений одного автора, относящихся к разным векам, отбирались только произведения того века, по которому составляется выборка (в данном случае - 18-го).

18-2. *Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka* - 4500 стр. Goethe, Johann Wolfgang (*Die Leiden des jungen Werther, Zweites Buch, Unterhaltungen deutscher Ausgewanderten, Wilhelm Meisters Lehrjahre*), Heine, Wilhelm (*Ardinghello und die glückseligen Inseln*), Herder, Johann Gottfried (*Der Cid, Theoretische Schriften*), Hölderlin, Friedrich (*Gedichte, Tod des Empedokles, Fragment von Hyperion, Hyperions Jugend, Hyperion oder der Eremit in Griechenland*).

18-3. *Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka* - 4488 стр. Jean Paul (*Leben des vergnügten Schulmeisterlein Maria Wirtz in Aenethal, Hesperus, Leben des Quintus Fixlein, Stebenkäse*), Jung-Stilling, Johann Heinrich (*Henrich Stillings Jugend, Henrich Stillings Junglings-Jahre, Henrich Stillings Wanderschaft*), Klopstock, Friedrich Gottlieb (*Gedichte, Der Messias, Aufsätze und Abhandlungen*), Knigge, Adolph Freiherr von (*Die Reise nach Bronschweig, Über den Umgang mit Menschen*), Lenz, Jakob Michael Reinhold (*Der Hofmeister*).

18-4. *Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka* - 4511 стр. La Roche, Sophie von (*Geschichte des Fräuleins von Sternheim*), Lessing, Gotthold Ephraim (*Epigramme, Fabeln, Der junge Gelehrte, Die Juden, Miß Sara Sampson, Philotas, Minna von Barnhelm, Emilia Galotti, Nathan der Weise, Dramenfragmente, Ästhetische Schriften, Theologiekritische und philosophische Schriften*), Lichtenberg, Georg Christoph (*Aufzeichnungen und Aphorismen*).

18-5. *Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka* - 4497 стр. Nestroy, Johann (*Der böse Geist Lampazivogubunds, Der Talisman, Freiheit in Krähwinkel*), Schiller, Friedrich (*Gedichte, Die Räuber, Fiesco, Kabale und Liebe, Don Carlos, Wallenstein, Maria Stuart, Die Jungfrau von Orléans, Die Braut von Messina, Wilhelm Tell, Erzählungen, Theoretische Schriften*).

19 в. 19-1. *Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka* - 4521 стр. Armin, Achim von (*Armut, Reichtum, Schuld und Buße der Gräfin Dalares, Die Kronenwächter, 1, 2 Band, Erzählungen*), Armin, Bettina von (*Die Gänderode, Clemens Brentanos Frühlingkranz, Dies Buch gehört dem König, Gespräche mit Dämonen, Des Königsbuches zweiter Band*), Brentano, Clemens (*Gedichte, Fonce de Leon, акта 1-4*).

19-2. *Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka* - 4506 стр. Fontane, Theodor (*Vor dem Sturm, Grete Minde, L'Adultera, Schach von Wuthenow, Cécile, Irrungen, Wirrungen, Stine, Umwiederbringlich, Frau Jenny Treibel, Effi Briest, Mathilde Möhring, Der Stechlin*).

19-3. *Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka* - 4496 стр. Fouqué, Friedrich de la Motte (*Erzählungen, Vermischtes*), Gotthelf, Jeremias (*Wie Uli der Knecht glücklich wird, Uli der Pächter, Geld und Geist, Erzählungen*), Grabbe, Christian Dietrich (*Scherz, Satire, Ironie und tiefere Bedeutung, Don Juan und Faust, Napoleon oder die hundert Tage, Hannibal, Über die Shakspeare-Mimie, Erwas über den Briefwechsel zwischen Schiller und Goethe*), Grillparzer, Franz (*Sappho, Das goldene Vieh, König Ottokars Glück und Ende, Des Meeres und der Liebe Wellen, Der Traum ein Leben, Woh dem, der lügt, Lihussa, Ein Bruderweist in Habsburg, Die Jüdin von Toledo*).

19-4. *Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka* - 4491 стр. Hauff, Wilhelm (*Lichtenstein, Mittheilungen aus den Memoiren des Satam, Märchen, Phantasien im Bremer Ratskeller*), Hebbel, Friedrich (*Judit, Genevieve, Maria Magdalena, Herodes und Mariamme, Agnes Bernauer, Gyges und sein Ring, Die Nibelungen, Novellen und Erzählungen, Theoretische Schriften*), Heine, Heinrich (*Gedichte, Atta Troll, Deutschland, Ein Wintermärchen, Der Doktor Faust, Reisebilder und Reisebriefe*).

19-5. *Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka* - 4502 стр. Keller, Gottfried (*Der grüne Heinrich [Erste, Zweite Fassung], Die Leute von Seldwyla, Züricher Novellen*), Meyer, Conrad

Ferdinand (*Gedichte, Das Anulet*).

20 в. 20-1. *Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka* - 4500 стр. Ebner-Eschenbach, Marie von (*Bosena, Das Gemeinckind, Muslans Frau*), Heym, Georg (*Gedichte, Der Dieb, Kalka, Franz von Amerika, Der Prozeß, Das Schloß, Zwei Gespräche, Betrachtung, Das Urteil, Die Verwandlung, Ein Landkari, In der Strafkolonie, Der Käßelreiter, Ein Hungerkünstler, Prosa aus dem Nachlaß*), Morgenstern, Christian (*Gedichte*), Rilke, Rainer Maria (*Gedichte, Dichtungen in Prosa*), Christoph Rilke (*Prosagedichte, Erzählungen und Skizzen, Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge, Wagnerswede, Auguste Rodin*), Trakl, Georg (*Gedichte, Prosa*), Wedekind, Frank (*Gedichte*).

20-2. Karl Mays Werke - 4501 стр. *Im Reiche des silbernen Löwen IV, Ardistan und Dachianistan I, II, Winnetou IV, Himmelsgedanken, Gedichte und Aufsätze (Auswahl), Babel und Bibel, Freuden und Leiden eines Vielgelesenen, Selbstdarstellungen, Mein Leben und Streben*.

20-3. Tucholsky: Werke, Briefe, Materialien - 4505 стр. *Gesammelte Werke: 1907, 1911-1914, 1916-1926, Nachher (1925-1928), 1935, Unveröffentlichte Texte, Gesammelte Werke »Deutsches Tempo: 1911-1913*.

20-4. Tucholsky: Werke, Briefe, Materialien - 4495 стр. *Gesammelte Werke: 1927-1932, Gesammelte Werke »Deutsches Tempo: 1918-1920*.

20-5. Max Weber: Gesammelte Werke - 4507 стр. *Wirtschaft und Gesellschaft, Rüscher und Kries und die logischen Probleme der historischen Nationalökonomie, Die »Objektivität sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis, Kritische Studien auf dem Gebiet der kulturwissenschaftlichen Logik, R. Stammers »Ueberwindung der materialistischen Geschichtsauffassung, Nachtrag zu dem Aufsatz über R. Stammers »Ueberwindung der materialistischen Geschichtsauffassung, Die Grenzzeitlehre und das »psychophysische Grundgesetz», »Energieische Kulturtheorien, Ueber einige Kategorien der vorstehenden Soziologie, Die drei reinen Typen der legitimen Herrschaft, Der Sinn der »Wertfreiheit der soziologischen und ökonomischen Wissenschaften, Soziologische Grundbegriffe, Wissenschaft als Beruf, Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus, Die protestantischen Sekten und der Geist des Kapitalismus, Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen, Konfuzianismus und Taoismus, Soziologische Grundungen: D. Selbstverwaltung, Recht und Kapitalismus*.

Выборки по 45.000 стр.

Поскольку перечисление всех произведений в следующих выборках заняло бы много страниц, при имени каждого автора приведено только общее количество электронных страниц его произведений, вошедших в данную выборку.

18 в. Суммарный объем произведений 18 века из этих трёх антологий составляет 45.003 страницы.

18-1. *Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka* - 29.368 стр. Bürger, Gottfried August - 614, Forster, Georg - 1.501, Gellert, Christian Fürchtegott - 797, Goethe, Johann Wolfgang (частично) - 2926, Heine, Wilhelm - 517, Herder, Johann Gottfried - 1.795, Hölderlin, Friedrich (частично) - 888, Jean Paul (частично) - 2622, Jung-Stilling, Johann Heinrich - 423, Klopstock, Friedrich Gottlieb - 496, Knigge, Adolph Freiherr von - 807, La Roche, Sophie von - 493, Lenz, Jakob Michael Reinhold - 851, Lessing, Gotthold Ephraim - 3.492, Lichtenberg, Georg Christoph - 896, Moritz, Karl Philipp - 782, Nicolai, Friedrich - 654, Novalis - 494, Schiller, Friedrich - 4.147, Schlegel, Friedrich (частично) - 146, Tieck, Ludwig (частично) - 1359, Wieland, Christoph Martin - 2.518, Winckelmann, Johann Joachim - 150.

18-2. *Deutsche Literatur von Frauen* - 13.511 стр. Ehrmann, Marianne - 1.010, Gottsched, Luise Adelgunde Victorie - 395, Huber, Therese (частично) - 619, Karsch, Anna Louisa - 835, Liebeckind, Margareta Sophia - 460, La Roche, Sophie von - 2.531, Mercau, Sophie - 361, Wolzogen, Caroline von (частично) - 402, Naubert, Benedikte - 3.122, Neuber, Friederike Caroline - 437, Unger, Friederike Helene (частично) - 467, Wobeser, Wilhelmine Karoline von - 369, Zimmernann, Sidonia Hedwig - 1.224, Ziegler, Christiana Mariana von - 1.119, Zinzedorf, Erdmuche Dorothea von - 160.

18-3. *Meisterwerke deutscher Dichter und Denker* - 2124 стр. Kant, Immanuel - 1.922, Leibniz, Gottfried Wilhelm (частично) - 202.

- 19 н. *Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka* – 44.972 стр. Amin, Achim von - 2.139, Amin, Bettina von - 2.023, Brentano, Clemens - 2.517, Büchner, Georg - 315, Chamisso, Adolph von - 117, Droste-Hilshoff, Annette von - 513, Eichendorff, Joseph von - 2.870, Fontane, Theodor - 4.547, Fouqué, Friedrich de la Motte - 193, Gotthelf, Jeremias - 2.217, Grabbe, Christian Dietrich - 723, Grillparzer, Franz - 1.863, Hauff, Wilhelm - 1.753, Hebbel, Friedrich - 1.528, Heine, Heinrich - 3.276, Keller, Gottfried - 4.048, Meyer, Conrad Ferdinand - 1.791, Mörike, Eduard - 1.296, Nestroy, Johann - 808, Stifter, Adalbert - 3.832, Storm, Theodor - 2.411, Tieck, Ludwig - 4.192.
- 20 н. Общий объём корпуса 20-го века составляет 44.989 страниц:
- 20-1. *Deutsche Literatur von Frauen* – 13.944 стр. Boy-Ed, Ida - 570, Braun, Lily - 2.158, Büchner, Luise - 1.735, Christ, Lena - 1.273, Dohm, Hedwig, 566, Duncker, Dora - 607, Ebner-Eschenbach, Marie von - 727, Frapan, Ilse - 406, Heyking, Elisabeth von - 798, Janitschek, Maria - 378, Lachmann, Hedwig - 110, Meisel-Hess, Grete - 1.102, Müller-Jahnke, Clara - 664, Reventlow, Franziska Gräfin zu - 128, Suttner, Bertha von - 1531, Weissmann, Maria Luise - 238.
- 20-2. *Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka* – 4568 стр. Ebner-Eschenbach, Marie von (частично) - 770, Heym, Georg - 294, Kafka, Franz - 1.840, Morgenstern, Christian - 117, Rilke, Rainer Maria (частично) - 1.189, Trakl, Georg - 193, Wedekind, Frank (частично) - 155.
- 20-3. *Karl Mays Werke* – 6401 стр. *Und Friede auf Erden!* - 841, *Im Reiche des silbernen Löwen III* - 809, *Im Reiche des silbernen Löwen IV* - 822, *Ardistan und Dschinnistan I* - 772, *Ardistan und Dschinnistan II* - 830, *Wimmetou IV* - 795, *Himmelsgedanken, Gedichte und Aufsätze (Auswahl)* - 395, *Babel und Bibel* - 249, *Freuden und Leiden eines Vielgelesenen, Selbstdarstellungen* - 470, *Mein Leben und Streben* - 416.
- 20-4. *Kurt Tucholsky, Werke - Briefe - Materialien* – 12.391 стр. *Раздел Werke und Briefe* - 12.082, а также *Michael Hepp: Kurt Tucholsky* - 309.
- 20-5. *Max Weber: Gesammelte Werke* – 7685 стр. Раздел *Marianna Weber* - 1315, *Max Weber: Grundriß der Soziologie* - 2785, *Schriften zur Wissenschaftslehre* - 1169, *Schriften zur Religionssoziologie* - 2416, *Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus, Die protestantischen Sekten und der Geist des Kapitalismus, Das antike Judentum* (частично). Как видно по списку работ, из-за недостатка художественных произведений 20-го века в корпус были добавлены некоторые письма и публицистические работы.
- Выборки по 1000 стр.:**
- 18 н. 18-1. *Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka* – 1004 стр. Forster, Georg (*Ansichten vom Niederrhein, Ein Blick in das Ganze der Natur, Noch etwas über die Menschenaffen, Fragment eines Briefes an einen deutschen Schriftsteller, Über Prosefremmacherei, Rede über die Vereinigung des Rheinisch-Deutschen Freistaats mit der Frankennepu*).
- 18-2. *Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka* – 1003 стр. Goethe, Johann Wolfgang (*Wilhelm Meisters Lehrjahre*).
- 18-3. *Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka* – 1002 стр. Lessing, Gotthold Ephraim (*Abhandlungen von dem weimerischen oder rührenden Lustspiele, Briefwechsel über das Trauerspiel, Hamburgische Dramaturgie, Leben und leben lassen*).
- 18-4. *Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka* – 1004 стр. Wieland, Christoph Martin (*Geschichte des Agathon, Geschichte der Abderiten* (частично)).
- 18-5. *Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka* – 1000 стр. Tieck, Ludwig (*William Lovell, Franz Sternbalds Wanderungen* (частично)).
- 19 н. 19-1. *Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka* – 1009 стр. Brentano, Clemens (Märchen).
- 19-2. *Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka* – 1003 стр. Amin, Achim von (*Armut, Reichthum, Schuld und Buße der Gräfin Dolores, Der tolle Invalide auf dem Fort Raconneau, Die Majoratskronen*).
- 19-3. *Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka* – 998 стр. Stifter, Adalbert (*Der Nachsommer* (частично), *Der Condor, Die Narrenburg*).
- 19-4. *Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka* – 1003 стр. Hauff, Wilhelm (*Lichtensteu, Märchen-Almanach auf das Jahr 1826, Das Wirthshaus im Spessart* (частично)).

- 19-5. *Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka* – 1002 стр. Meyer, Conrad Ferdinand (*Das Amulet, Jörg Jenatsch* (частично), *Der Schuß von der Kanzel, Der Heilige, Gustav Adolfs Page, Die Hochzeit des Mönchs, Die Richterin, Die Versuchung des Pescara, Die Majoratskronen*).
- 20 н. 20-1. *Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka* – 998 стр. Ebner-Eschenbach, Marie von (*Bozova, Das Gemeindefind, Marlene Frau*), Heym, Georg (*Gedichte, Der Dieb*).
- 20-2. *Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka* – 1002 стр. Kafka, Franz (*Amerika, Das Schloß, Ein Landarzt*).
- 20-3. *Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka* – 1003 стр. Kafka, Franz (*Der Prozeß, Zwei Gespräche, Betrachtung, Das Urtheil*), Morgenstern, Christian (*Gedichte*), Rilke, Rainer Maria (*Die Weise von Liebe und Tod des Cornelia, Christoph Rilke (Prosagedichte, Die Turmstunde, Frau Blaus Magd, Der Drachenlöter, Der Totengrüber, Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge, Auguste Rodin*).
- 20-4. *Karl Mays Werke* – 996 стр. *Babel und Bibel* (частично), *Freuden und Leiden eines Vielgelesenen, Selbstdarstellungen, Mein Leben und Streben*.
- 20-5. *Karl Mays Werke* – 1003 стр. *Im Reiche des silbernen Löwen IV* (частично), *Ardistan und Dschinnistan I*.
- Подчеркнём, что в задачи данной статьи не входит подробное описание особенностей аналитических языков³ по сравнению с синтетическими. Ниже будут кратко изложены некоторые тезисы немецких учёных о развитии аналитизма в немецком языке за последние три века (обычно авторы сравнивали 19 век с 20-м или первую половину 20-го века со второй), после чего будут изложены результаты нашего количественного анализа немецкой литературы.
- Наиболее часто можно встретить описание следующих признаков аналитизации немецкого языка [7, 41-45/13; 180-181/3; 620, 624-627/5; 99-105/1; 22/12; 79-80/11; 13-15/4; 57-58/2; 77]:
- Именование окончаний существительных, маркирующих генитив, датив и аккузатив: *des Ruder(s), auf dem Land(e), sich einen lebensgroßen Teddybär(en) wünschen, Rückkehr zum Planet(en), Montage von Büromöbel(n)*. Наши данные по генитиву приведены в таблице 4, по дативу - в таблице 6, по аккузативу - в таблице 5. Замена генитива на аналитические компоненты (*Carters Besuch > Carter-Besuch*) как лексема, состоящие из нескольких слов (*Ara Adenauers > Ara Adenauer, eine Tasse starken Kaffees > eine Tasse starker Kaffee*), из-за технических ограничений программы не проверялась.
 - Именование глагольных окончаний: *ich fahr(e)*. В данной работе проверка глагольных окончаний из-за технических ограничений программы не проводилась.
 - Использование вспомогательного глагола *werden* в союзительном наклонении (*würde, würdest* и т.д.) с инфинитивом вместо синтетических форм конъюнктивна описано в табл. 8 (устаревшие глагольные формы) и табл. 7 (частотность глагола *werden*).
 - Неуверенность в употреблении надежды после предлогов *innerhalb, wegen, wider, trotz, während* проверена в табл. 4 д.
 - Построение форм типа *er ist am Lesen, beim Lesen sein, sein Ansehen ist im Wachen*, т.е. аналогичных англ. *ing*-формам, иногда интерпретирующиеся в качестве доказательства возниженности в немецком категорию аспекта, в данной работе не проверялось из-за невозможности автоматического разграничения отглагольных и остальных существительных.
- ³ Аналитиче Sprache - "Sprachtyp, der die Tendenz zeigt, grammat. Beziehungen nicht durch Flexion oder Agglutination, sondern außerhalb des Worts durch Partikeln und Wortstellungsregularitäten auszudrücken, vgl. lat. *canis, fies, solvobis, fr. du chien, engl. of the dog* (Hand (Genitiv). Der Unterschied analyt. vs. synthetisch erweist sich als graduell. Ein Höchstmaß an Analytizität weisen die isolierenden Sprachen auf" [6; 41]. Analytic language - "A term in linguistics for a language in which each basic grammatical unit (morpheme) tends to form a separate word, as in Vietnamese: *ôi là làm cho ông (I future do benefit you, 'I' do a for you)*" [8; 38]. Аналитиче - "характеризуемое синтетизму типологич. свойство, проявляющееся в реальном выражении основного (лексемн.) и доопределяющего (грамматич. словообразоват.) значений слова. А. проявляется в морфологич. независимости слова и наличии аналитич. (словных) конструкций (форм)" [14; 31].

• Более частое употребление предлогов вместо окончаний (*das Auto meines Freundes > das Auto von meinem Freund, der Gefahr achten > auf eine Gefahr achten, eines Verbrechens nicht fähig sein > zu einem Verbrechen nicht fähig sein, eine Gruppe Schlachtenbummler treffen > auf eine Gruppe Schlachtenbummler treffen*) описано в табл. 2. Подсчёты были проведены практически по всем более-менее употребительным предлогам немецкого языка, хотя, на наш взгляд, наиболее чётко тенденция к анализу должна выражаться в нескольких самых высокочастотных предлогах типа *an, bei, in, auf, gegen*, зачастую входящих в устойчивые сочетания с глаголами (в отличие от *längs, entsprechend, davor* и т.п.).

• Интенсификация употребления аналитических сравнительных и превосходных форм прилагательных (*schöner > mehr schön, sie ist die schönste > sie ist am meisten schön, der umstrittenste Mann der evangelischen Kirche > der meistumstrittenste Mann..., das amerikanische Auto > das am meisten amerikanische Auto*), редупликация сравнительных и превосходных степеней (*mehr und mehr, dunkler und dunkler*) описаны в табл. 3.

Есть ещё целый ряд параметров, которые имеет смысл проверить в контексте анализа, хотя в известной нам лингвистической литературе нет указаний на какие-то изменения по ним в немецком языке последних столетий:

• Общеизвестно, например, что в аналитических языках более активно употребляются служебные части речи [14; 472], потому соответствующие подсчёты были проведены и по следующему параметру: артиклям (табл. 9), вспомогательным глаголам (табл. 7), модальным глаголам (табл. 1)⁴ и союзам (табл. 11).

• Поскольку в аналитических языках некоторые высокочастотные глаголы десемантизируются и входят в состав идиоматических выражений [14; 31], была проверена частота глаголов, используемых наиболее интенсивно в таких сочетаниях (табл. 7).

• Из-за жёсткого порядка слов субъекты-местоимения не могут опускаться, потому местоимения должны употребляться в аналитических языках чаще, чем в синтетических. Соответствующие подсчёты приведены в таблице 10.

• Поскольку указательные местоимения употребляются в русском и украинском чаще, чем в английском [13; 45], можно предположить, что частотность данной части речи напрямую зависит от наличия или отсутствия категории артикля в данном языке. Это опять рассматривается в таблице 12.

Ниже приведены результаты исследования.

Табл. 1 а. Модальные глаголы: распределение по векам. Объём каждой выборки: 4500 стр. "18-1" - результаты по первой выборке 18-го века (все включение в 19-й произведений описаны выше также под номером "18-1" в разделе "Выборки по 4500 стр.")

	18-1	18-2	18-3	18-4	18-5	19-1	19-2	19-3	19-4	19-5
Könn	1508	1413	1405	2303	1915	1782	1313	1086	1232	558
Könnst	122	77	97	82	122	279	128	207	233	64
Können	634	704	669	1359	405	535	666	586	431	425
Könnte	308	288	309	600	202	388	171	477	276	159
Könntest	438	720	763	369	184	761	585	607	540	882
Könntest	10	12	5	7	10	11	4	13	22	2
Könnten	115	132	82	63	29	89	90	106	82	111
Muß	751	860	871	1612	1313	1134	966	899	789	350
Mußt	62	72	100	41	100	173	173	165	122	44
Müssen	307	271	324	651	284	359	522	379	212	253
Müßte	97	105	133	236	70	117	58	191	94	95
Müßte	212	333	344	236	124	421	294	472	303	553

⁴ Хотя в *Лингвистическом энциклопедическом словаре* модальные глаголы к вспомогательным не относятся, это делается в *Concise Oxford companion to the English language* [8; 57].

	4	8	1	0	8	4	4	4	7	0
Mußtest	86	84	60	45	38	71	69	76	48	137
Mußten	943	635	588	1082	1037	948	696	830	757	242
Soll	86	41	35	52	80	105	72	109	131	51
Sollst	248	201	217	464	186	193	247	285	152	95
Sollen	464	590	446	736	278	470	364	660	321	401
Solltest	37	17	16	12	15	20	23	37	26	6
Sollten	133	200	113	171	71	113	81	220	75	112
Darf	297	246	219	269	354	143	340	158	247	75
Darfst	20	3	15	4	12	16	61	22	29	15
Dürfen	78	52	77	142	67	62	230	63	69	67
Dürfte	68	21	30	105	46	31	9	36	29	39
Durhte	42	43	67	30	22	43	72	43	50	72
Durhtest	0	2	1	0	0	0	1	0	0	0
Durhten	14	8	9	7	4	6	7	10	11	18
Will	1106	811	1001	1937	1362	1273	1114	1433	1193	460
Willst	150	87	115	130	193	260	156	354	251	91
Wollen	481	419	419	959	403	542	784	650	351	449
Wollte	482	609	685	612	173	844	679	1130	553	662
Wolltest	12	17	8	6	23	54	25	51	36	5
Wollten	101	119	95	113	39	178	96	289	116	145
Mag	369	245	143	291	211	327	243	314	179	88
Magst	24	8	9	10	21	31	13	55	43	15
Mögen	78	126	58	101	58	94	56	125	54	49
Möchte	225	268	130	342	137	393	235	350	167	166
Möchtest	34	57	36	14	17	113	143	119	110	211
Möchten	0	2	0	0	0	2	1	1	0	0
Möchtest	13	21	4	1	3	6	19	19	17	40

Табл. 1 б. Модальные глаголы: распределение по векам. Объём каждой выборки: 4500 стр. "Сред. 18 в." - средняя величина по результатам 18-го века (см. табл. 1 а)

	20-1	20-2	20-3	20-4	20-5	Сред. 18 в.	Сред. 19 в.	Сред. 20 в.
Könn	1158	1079	1521	2150	1691	1708,8	1194,2	1519,8
Könnst	122	171	56	90	2	100	182,2	88,2
Können	668	642	555	649	749	754,2	528,6	652,6
Könnte	362	130	156	222	209	341,4	294,2	215,8
Könntest	966	822	267	228	338	494,8	675	524,2
Könnten	19	7	7	3	0	8,8	10,4	7,2
Muß	108	290	87	77	97	84,2	95,6	131,8
Mußt	587	721	889	1127	429	1081,4	827,6	750,6
Müssen	89	68	53	76	2	75	135,4	57,6
Müßte	368	306	297	291	233	367,4	345	299
Müßte	116	44	89	102	91	128,2	111	88,4
Müssen	579	433	130	104	167	249,8	408,6	282,6
Mußtest	13	3	1	1	0	4,2	3,8	3,6
Mußten	74	147	51	40	54	62,6	80,2	73,2
Soll	346	633	510	671	436	861	694,6	519,2
Sollst	42	104	34	53	6	58,8	93,6	51,8
Sollen	155	164	188	170	138	263,2	194,4	163

Sollte	432	363	252	281	132	502,8	443,2	292
Solltest	15	13	2	2	1	19,4	22,4	6,6
Sollten	92	118	86	112	47	137,6	120,2	91
Darf	165	331	285	378	140	277	192,6	259,8
Darfst	14	44	21	17	0	10,8	28,6	19,2
Darfen	135	199	121	139	57	83,2	98,2	130,2
Dürfte	50	12	27	47	41	54	28,8	35,4
Dürftest	88	99	48	37	17	40,8	56	57,8
Dürftest	1	2	2	1	0	0,6	0,2	1,2
Dürften	15	40	22	11	5	8,4	10,4	18,6
Will	675	851	634	833	209	1243,4	1094,6	640,4
Willst	159	238	37	53	0	139	222,4	97,4
Wollen	421	405	557	634	291	536,2	555,2	461,6
Wollte	864	540	185	203	86	512,2	773,6	375,6
Wolltest	37	29	7	4	0	13,2	34,2	15,4
Wollten	130	147	89	81	19	95,4	164,8	93,2
Mag	124	214	261	187	111	251,8	230,2	179,4
Magst	12	12	3	5	0	14,4	31,4	6,4
Mögen	55	55	69	67	34	84,2	75,6	56
Möchte	109	173	159	248	48	220,4	262,2	147,4
Mochte	53	33	49	20	14	31,6	139,2	33,8
Mochtest	0	0	1	0	0	0,4	0,8	0,2
Mochten	15	13	13	6	4	8,4	20,2	10,2

Результаты:

- 19 > 18 - 23, 18 > 19 - 17; 20 > 19 - 9, 19 > 20 - 31, 20 > 18 - 12, 18 > 20 - 28. Таким образом, в 19 в. модальные глаголы употреблялись чаще, чем в 18 и 20 вв. В 20 в. модальные глаголы употреблялись реже, чем в 18-м.
- Обращают на себя внимание скачки в употреблении модальных глаголов *möchten*, *möchte*, *magst*, *willst*, *mußte*, *mußt*, *kannst* в 19 в.

Таб. 2 а. Предлоги: распределение по векам. Объём каждой выборки: 4500 стр. Только со строчной буквы

	18-1	18-2	18-3	18-4	18-5	19-1	19-2	19-3	19-4	19-5
bis	728	638	768	459	429	794	1260	984	655	1050
durch	1802	1855	2217	1811	1804	1925	1077	943	1227	1940
entlang	7	0	0	0	1	4	52	11	10	26
für	1835	2098	2524	2723	1622	1932	2058	2108	1755	2433
gegen	642	678	1272	714	528	872	686	556	510	617
ohne	831	1102	1251	1177	619	925	715	585	576	1529
um	1765	1774	2899	1458	1400	2363	2713	1902	2146	2985
wider	108	101	63	264	79	30	15	68	36	28
ab	337	265	474	290	555	326	439	900	507	273
aus	1970	2753	3588	2336	2132	3314	2624	2319	2492	2961
außer	121	147	170	145	121	115	85	47	76	87
bei	1332	1856	1424	2023	1155	1591	1765	1378	1261	1481
entgegen	112	107	103	106	113	140	102	93	125	125
gegenüber	23	20	48	3	36	71	191	40	53	124
gemäß	30	27	19	34	17	13	1	5	10	55
nach	2117	2420	2501	1614	1389	2333	2895	2141	1871	2441
samt	7	24	58	18	5	24	95	41	16	52
seit	151	121	113	81	70	207	342	173	196	313

zufolge	6	0	1	3	1	0	2	1	0	8
an	3652	3839	4703	2653	2976	3844	4511	4043	3578	4397
hinter	115	115	341	88	186	234	269	378	214	448
oben	89	94	305	73	64	158	431	128	130	237
über	1161	1728	2332	1299	1060	2128	1935	1266	1320	1960
unter	49	56	136	21	28	58	176	90	100	106
vor	1503	1496	2310	1015	1118	1983	2170	1811	1785	1998
zwischen	304	223	350	179	257	365	527	243	246	367
auf	9	7	0	0	19	8	12	11	3	13
auf	23	8	9	3	4	1	9	5	1	4
aus	0	0	0	0	1	0	3	4	3	4
ab	1	1	0	1	1	0	1	1	0	2
beiderseits	7	0	5	3	3	3	20	7	2	4
diesseits	29	9	5	12	25	4	38	13	9	18
innerhalb	31	1	5	0	2	5	1	11	1	37
lang	3	0	1	0	0	0	1	6	0	1
oberhalb	0	0	0	0	0	0	41	0	0	1
seitens	3	0	2	0	0	0	0	2	0	7
unterhalb	14	0	3	2	2	0	0	2	5	4
unweit	1	0	0	0	0	3	19	3	2	7
angesichts	0	0	0	0	0	2	5	0	0	25
infolge	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
zufolge	6	0	3	3	1	0	2	1	0	8
zugunsten	0	0	0	0	1	6	8	1	1	8
wegen	142	155	233	251	63	232	159	337	176	272
trotz	37	24	37	10	14	40	196	62	58	128
ungeachtet	38	25	27	37	7	45	1	9	3	30
statt	91	96	202	46	28	150	176	150	129	160
anstelle	0	0	0	0	0	1	0	0	0	2
mittels	0	0	0	0	0	0	2	0	0	0
vermittels	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0
zwecks	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Таб. 2 б. Предлоги: распределение по векам. Объём каждой выборки: 4500 стр. Только со строчной буквы

	20-1	20-2	20-3	20-4	20-5	Сред. 18 в.	Сред. 19 в.	Сред. 20 в.
bis	644	1032	579	548	502	604,4	948,6	661
durch	1685	1368	1120	1102	4332	1897,8	1422,4	1921,4
entlang	69	11	27	20	1	4,0	20,6	25,6
für	2292	3098	2212	2534	4406	2160,4	2057,2	2908,4
gegen	569	596	695	620	1025	766,8	648,2	701
ohne	987	988	597	597	610	996	866	755,8
um	2522	3382	1422	1506	1273	1859,2	2421,8	2021
wider	18	4	8	16	2	12,3	35,4	9,6
ab	394	304	431	392	174	384,2	489	339
aus	3283	2799	2496	2751	2300	2555,8	2742	2725,8
außer	89	96	61	71	158	140,8	82	95
bei	1445	1588	1388	1593	2537	1558	1495,2	1710,2
entgegen	97	95	26	29	44	108,2	117	38,2

gegenüber	235	69	81	93	783	26	95,8	252,2
gemäß	10	17	5	5	51	25,4	12,8	17,6
nach	2049	3314	1540	1601	2718	2008,2	2336,2	2244,4
samt	11	12	6	4	1	22,4	45,6	6,8
seit	225	125	146	128	185	107,2	246,2	161,8
zufolge	0	1	1	1	10	2,2	2,2	2,6
an	4559	3975	3252	3471	3994	3564,6	4074,6	3850,2
hinter	467	430	267	247	86	169	308,6	290,4
neben	230	145	134	141	330	125	216,8	196
über	1802	1687	1413	1372	1231	1516	1721,8	1501
unten	203	344	198	152	114	58	106	202,2
vor	2194	1691	1522	1546	1215	1488,4	1949,4	1633,6
zwischen	380	375	237	247	571	262,6	349,6	362
außerhalb	31	16	21	45	129	7	9,4	48,4
innen	3	5	0	1	0	9,4	4	1,8
abseits	14	10	5	1	5	0,2	2,8	7
beiderseits	2	1	0	2	5	0,8	0,8	2
diesseits	0	6	5	2	0	3,6	7,2	2,6
innerhalb	20	7	13	13	551	16	16,4	120,8
längs	4	15	5	5	0	7,8	11	5,8
oberhalb	0	3	3	3	2	0,8	1,6	2,2
seitens	3	1	2	3	69	0	8,4	15,6
unterhalb	3	6	5	7	1	1	1,8	4,4
unweit	0	5	3	1	0	4,2	2,2	1,8
angesichts	3	1	4	4	37	0,2	6,8	9,8
infolge	63	85	4	8	204	0	6,4	72,8
mangels	2	0	2	2	3	0	0,2	1,8
zufolge	0	1	1	1	10	2,6	2,2	2,6
zugunsten	1	0	6	11	139	0,2	4,8	31,4
wegen	200	151	171	167	133	168,8	235,2	164,4
trotz	131	139	37	71	204	24,4	96,8	116,4
ungesichtet	0	0	0	1	4	26,8	17,6	1
statt	131	19	79	78	130	92,6	153	87,4
anstelle	0	0	3	3	5	0	0,6	2,2
mittels	5	1	0	3	16	0	0,4	5
vermittels	0	0	5	5	11	0,2	0,2	4,2
zwecks	0	0	6	7	11	0	0	4,8

Особо высокочастотные предлоги проверялись по выборкам в 1000 стр.

Таб. 2 в. Предлоги: распределение по векам. Объем каждой выборки: 1000 стр. Только со строчной буквы

	18-1	18-2	18-3	18-4	18-5	19-1	19-2	19-3	19-4	19-5
mit	1611	1863	1392	1578	1655	1856	1822	1483	1825	2187
in	3178	2542	2451	3056	2875	2433	2881	4396	2686	2729
auf	1229	1501	1036	1038	1133	1683	1012	1833	1750	1366
zu	2554	3696	3085	5115	2474	2170	2506	2663	2816	2212
von	2454	1350	1723	2481	1417	1301	1302	1775	1906	1476

Таб. 2 д. Предлоги: распределение по векам. Объем каждой выборки: 1000 стр. Только со строчной буквы

	0-1	0-2	0-3	0-4	0-5	Сред. 18 в.	Сред. 19 в.	Сред. 20 в.

								1619,8	1834,6	1461,4
n	i	611	753	480	028	435		2820,4	3035	2379
n	a	612	424	837	003	019		1187,4	1528,8	1338,6
auf	z	631	418	428	28	388		3384,8	2473,4	2864,6
u	v	238	008	594	829	654		1885	1552	1372,8
am		222	188	303	394	757				

Результаты: 19 > 18 - 37, 18 > 19 - 14, 20 > 19 - 29, 19 > 20 - 26, 20 > 18 - 34, 18 > 20 - 17. Таким образом, в 19 в. предлоги употреблялись чаще, чем в 18-м, но реже, чем в 20-м в. В 20 в. предлоги употреблялись значительно чаще, чем в 18-м. Наиболее высокочастотные предлоги, часто сочетающиеся с глаголами (*durch, für, um, aus, gegen, bei, nach, an, über, vor, in, auf, zu*), не обнаруживают сколько-нибудь значимых тенденций в развитии; а предлог *von*, который приходил на замену генитивным формам с окончанием *-s* (*das Auto meines Freundes > das Auto von meinem Freund*), даже стал употребляться реже по сравнению с 18-19 веками. Некоторые предлоги не проверялись из-за их омонимичности с другими частями речи (напр., *entsprechend*), другие не встретились в приведенных выборках ни разу (напр., *andhand*).

Таб. 3 а. Аналитические сравнительные и превосходные степени прилагательных: распределение по векам. Объем каждой выборки: 4500 стр. Только со строчной буквы

	18-1	18-2	18-3	18-4	18-5	19-1	19-2	19-3	19-4	19-5
mehr und mehr		8	6	6	4	0	50	23	12	19
mehr	240	495	640	583	337	518	633	103	198	1484
meist*	61	43	16	50	9	96	02	99	16	120
am meisten	1	7	1	5	7	0	8	5	0	17

Таб. 3 б. Аналитические сравнительные и превосходные степени прилагательных: распределение по векам. Объем каждой выборки: 4500 стр. Только со строчной буквы

	20-1	20-2	20-3	20-4	20-5	Сред. 18 в.	Сред. 19 в.	Сред. 20 в.
mehr und mehr	3	34	2	2	0	5,6	20,8	8,2
mehr	1574	1186	1381	1328	814	1459	1587,2	1256,6
meist*	180	144	392	422	489	207,8	186,6	323,4
am meisten	19	19	21	27	57	50,2	44	8,2

Результаты: Таким образом, в 19 в. аналитическая сравнительная степень употреблялась чаще, чем в 18 и 20 вв.; то же касается сочетания *mehr und mehr*. Употребление аналитической превосходной степени с *am meisten* уменьшалось с 18 по 20 в. Слова с элементом *meist** употреблялись в 19 в. реже, чем в 18-м и 20-м; в 20-м - значительно чаще, чем в 18-м в. Следует отметить, что частота употребления данных форм, несомненно, зависит в значительной мере от контекста (содержания отдельных произведений), а не от языковой типологии.

Таб. 4 а. Генитив: распределение по векам. Объем каждой выборки: 1000 стр. Только со строчной буквы

	18-1	18-2	18-3	18-4	18-5	19-1	19-2	19-3	19-4	19-5
des *s	1174	508	833	733	343	407	482	932	728	873
em *s	103	87	82	169	46	31	51	102	59	115
em *en	165	85	84	223	71	23	72	54	56	120

des *en	575	255	345	465	142	149	328	205	295	325
---------	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----

Таб. 4 б. Генитив: распределение по векам. Объем каждой выборки: 1000 стр. Только со строчной буквы

	20-1	20-2	20-3	20-4	20-5	Сред. 18 в.	Сред. 19 в.	Сред. 20 в.
des *s	575	520	554	360	570	718,2	684,4	515,8
eines *s	98	62	120	52	24	97,4	71,6	71,2
eines *en	88	64	75	59	47	125,6	65	66,6
des *en	204	103	184	164	128	356,4	260,4	156,6

Результаты: Таким образом, употребление генитива (des *s, eines *s) действительно уменьшилось с 18 по 20 в., хотя в 20 в. этот процесс замедлился. Что касается формы генитива с окончанием *en у существительных, то здесь результаты не столь однозначны: если по форме des *en явно наблюдается спад частоты использования с 18 по 20 в., то по форме eines *en частота употребления резко упала в 19 в. и незначительно увеличилась в 20-м. Следует, однако, отметить, что столь обобщенные запросы не могут дать точной картины развития тех или иных языковых явлений в немецком языке. В случае запросов eines *en и des *en, например, результаты неизбежно искажаются аналогичными формами прилагательных (eines schönen Autos, des schönen Autos).

В следующей таблице данные тенденции рассмотрены более подробно. Новая формулировка запросов позволяет отфильтровать прилагательные, поскольку все существительные пишутся в немецком с большой буквы.

Таб. 4 в. Генитив: распределение по векам. Объем выборки по каждому веку: 45.000 стр. Только со строчной буквы. В данном случае приводятся не средние величины по определённому веку, а сумма нескольких неравных по объёму выборок, составляющих вместе примерно 45.000 страниц. Этот метод позволяет получить статистические данные по относительно редким языковым явлениям, практически не встречающимся в выборках по 1000-4500 страниц.

	18-1	18-2	18-3	Σ	19	20-1	20-2	20-3	20-4	20-5	Σ
eines D*es	46	14	9	69	99	33	14	11	29	18	105
eines D*en	20	1	68	89	17	3	5	2	5	6	21
eines L*es	15	5	0	20	30	15	5	4	25	9	58
eines M*es	101	85	4	190	93	40	9	19	39	26	133
eines G*es	78	35	103	216	108	29	10	8	16	51	114
eines P*es	21	6	3	39	26	23	1	5	4	10	43
eines H*es	36	6	4	46	73	12	12	3	18	17	62
eines W*es	54	36	1	91	72	19	11	10	10	6	56
eines F*es	76	38	2	116	61	18	11	8	17	7	61
eines R*es	9	5	4	18	25	13	2	4	13	20	52
eines T*es	34	65	2	101	307	129	51	9	167	15	371
eines Z*es	11	3	5	19	10	16	3	2	5	7	33
eines K*es	46	26	0	72	77	36	29	16	27	30	138
eines S*es	62	15	5	82	111	44	21	14	25	32	136
eines V*es	27	4	15	46	38	26	5	5	31	47	114
des B*es	241	88	12	341	694	175	67	107	186	234	769
des D*es	84	19	24	127	255	35	43	28	29	46	181
des L*es	253	106	4	363	459	134	26	75	114	106	455
des M*es	309	139	14	462	664	302	70	84	128	117	701
des G*es	899	350	173	1422	1291	232	101	159	140	384	1016
des P*es	147	25	1	173	312	79	45	81	46	62	313
des H*es	300	155	3	458	1257	228	95	79	82	128	612

des W*es	313	149	18	480	780	332	66	85	128	160	771
des F*es	187	82	4	273	359	110	28	90	38	51	317
des R*es	130	31	51	212	289	93	25	53	84	110	365
des Z*es	44	12	11	67	143	37	13	39	14	39	142
des T*es	600	236	1	837	905	198	112	154	82	88	634
des K*es	261	95	3	359	499	332	66	86	166	125	775
des S*es	568	168	25	761	1391	248	112	270	198	243	1071
des V*es	311	82	186	579	435	196	25	53	147	165	586
eines D*en	12	10	0	22	26	12	5	6	6	16	43
eines D*en	21	5	0	26	10	6	4	1	7	8	26
eines L*en	11	5	2	18	9	4	5	2	5	5	21
eines M*en	128	27	13	168	90	40	15	25	27	36	143
eines G*en	38	42	16	96	47	12	5	3	12	11	43
eines P*en	35	8	5	48	15	8	0	0	7	17	32
eines H*en	21	14	0	35	26	2	4	2	9	6	23
eines Z*en	13	7	2	22	11	5	3	1	3	3	15
eines K*en	49	29	1	79	23	7	3	1	7	10	28
eines S*en	19	8	0	27	7	5	4	2	7	4	22
eines V*en	0	1	1	2	2	4	0	0	0	3	7
eines B*en	22	1	1	24	17	8	4	0	3	3	18
eines F*en	13	4	1	18	36	16	4	1	4	9	34
eines R*en	33	19	1	53	32	13	5	4	17	8	47
eines T*en	14	11	1	26	22	10	1	9	5	5	30
des B*en	107	40	30	177	92	38	31	9	24	110	212
des D*en	54	11	2	67	85	26	4	6	29	37	102
des L*en	83	25	2	110	68	16	8	13	17	17	71
des M*en	543	59	151	753	309	75	17	47	59	118	316
des G*en	512	215	69	796	732	167	57	27	70	135	436
des P*en	267	67	9	343	208	72	9	32	46	88	247
des H*en	124	59	4	187	243	28	16	12	18	81	155
des W*en	117	31	13	161	44	18	3	3	9	32	65
des F*en	202	118	3	323	154	60	11	7	33	83	194
des R*en	63	20	4	87	66	17	7	9	34	53	120
des Z*en	26	2	17	45	14	23	2	0	34	24	83
des T*en	69	22	3	94	90	33	9	2	11	24	79
des K*en	84	36	3	123	238	59	31	20	40	51	201
des S*en	147	49	47	243	211	63	24	13	58	62	220
des V*en	75	36	8	119	105	36	14	10	36	43	139

Результаты:
 * eines V*es и т.д.: 18 > 19 - 8, 19 > 18 - 7, 19 > 20 - 2, 20 > 19 - 12, 18 > 20 - 5, 20 > 18 - 11. В 19-м веке формы данного типа употреблялись реже, чем в 18-м и 20-м, что противоречит приведенным выше данным по eines *s. В 20-м веке такие формы употреблялись значительно чаще, чем в 18-м.
 * des B*es и т.д.: 18 > 19 - 2, 19 > 18 - 13, 19 > 20 - 9, 20 > 19 - 6, 18 > 20 - 2, 20 > 18 - 13. Формы данного типа употреблялись в 19 в. значительно чаще, чем в 18-м и несколько чаще, чем в 20-м в. - значительно чаще, чем в 18-м. Это также противоречит данным по приведенной выше таблице с формой des *s. Судя по материалам данной выборки, можно говорить скорее о росте употребления генитива в немецком за последние три века.
 * eines V*es и т.д.: 18 > 19 - 12, 19 > 18 - 2, 19 > 20 - 3, 20 > 19 - 12, 18 > 20 - 9, 20 > 18 - 5. Данная форма употреблялась в 19-м веке данного реже, чем в 18-м и 20-м в.; в 20-м в. - реже, чем в 18-м. Таким образом, употребление данной формы действительно уменьшается.

по неравномерным темпам. В результатах наблюдается некоторая неточность из-за формального совпадения с номинативными прилагательными и партиципиями (это касается и следующего пункта).

Belehr mich eines Besseren, wenn ich irre, aber ist es nicht wahrscheinlich, daß Reim und Versmaß auf den ursprünglichen Gedanken so einwirkte, daß er ihn verfälscht?
[Arnim, Achim von: Die Götterode. Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka, S. 2570]
In Deinen Gedächtnen weht mich die stille Säulenordnung an, mir deucht eine weite Ebene; an dem fernen Horizont mündend heben sich leise wie Wellen auf beruhigtem Meer die Berglinien; senken und heben sich wie der Atem durch die Brust fliegt eines Beschauenden...

[Arnim, Achim von: Die Götterode. Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka, S. 2647]
• des В*en и т.д.: 18 > 19 - 12, 19 > 18 - 3, 19 > 20 - 4, 20 > 19 - 11, 18 > 20 - 9, 20 > 18 - 6.
Данная форма употреблялась в 19-м веке реже, чем в 18-м и 20-м вв.; в 20-м - реже, чем в 18-м.

Таб. 4 д. Генитив: распределение по векам. Объём выборки по каждому веку 45.000 стр. Только со строчной буквы

	18-1	18-2	18-3	Σ	19	20-1	20-2	20-3	20-4	20-5	Σ
wegen des	104	64	6	174	164	46	30	15	37	27	153
wegen dem	5	2	0	7	68	6	0	4	2	1	78
wegen eines	23	16	3	42	36	9	10	0	7	3	59
wegen einem	1	5	0	6	10	0	0	0	0	0	10
innerhalb des	13	1	0	14	15	17	6	1	6	138	168
innerhalb dem	0	0	4	4	1	0	0	0	0	0	5
innerhalb eines	1	0	0	1	3	1	0	0	3	52	56
innerhalb einem	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
trotz des	6	6	1	13	78	29	11	19	9	44	117
trotz dem	16	4	2	22	26	4	6	0	1	1	38
trotz eines	0	0	0	0	9	2	0	0	1	0	12
trotz einem	3	0	0	3	10	1	0	0	0	0	14
während des	36	8	1	45	202	62	50	63	57	25	357
während dem	25	27	2	54	71	4	0	2	0	0	78
während eines	2	1	0	3	16	7	3	4	8	2	24
während einem	0	0	0	0	5	0	0	0	0	0	5
wider des	2	0	0	2	0	1	0	0	0	0	3
wider dem	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
wider eines	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
wider einem	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

- Результаты:**
- В 18-20 вв. наблюдалось явное снижение частотности форм *wegen des*, *wegen eines*, *innerhalb dem*.
 - В 18-20 вв. наблюдалось явное увеличение частотности форм *innerhalb des*, *innerhalb eines*, *trotz des*, *während des*, *während eines*.
 - Не наблюдалось чётких тенденций по употреблению форм *wegen dem*, *trotz dem*, *trotz eines*, *trotz einem*, *während dem*, *während einem*, *wider des*, *wegen einem*.

- Формы *innerhalb einem*, *wider dem*, *wider eines*, *wider einem*, хотя и встречаются в Нюрнберге, в наших корпусах не использовались.
- Точное соотношение форм с дативом и генитивом подсчитано в следующей таблице:

Таб. 4 в. Генитив: распределение по векам. Анализ результатов по табл. 4 д.

	18 век	19 век	20 век
wegen des > wegen dem	в 24,9 раз	в 2,4 раз	в 11,9 раз
wegen eines > wegen einem	в 7 раз	в 3,6 раз	29 vs. 0
innerhalb des > innerhalb dem	в 3,5 раз	в 15 раз	168 vs. 0
innerhalb eines > innerhalb einem	1 vs. 0	3 vs. 0	56 vs. 0
trotz des > trotz dem	-	в 3 раз	в 9,3 раз
trotz eines > trotz dem	в 1,7 раз	-	-
trotz eines > trotz einem	-	-	в 3 раз
trotz eines < trotz einem	0 vs. 3	в 1,1 раз	-
während des > während dem	-	в 2,9 раз	в 42,8 раз
während eines > während dem	в 1,2 раз	-	-
während eines > während einem	3 vs. 0	в 3,2 раз	24 vs. 0
wider des > wider dem	2 vs. 0	-	1 vs. 0

Генитив явно преобладает над дативом в случае предлогов *wegen* и *innerhalb*, менее явно - в случае *während* и *wider*; в случае *trotz* чётких тенденций не просматривается. Если анализировать немецкий язык действительно выражается в росте колебаний в употреблении датива и генитива после предлогов, соотношение между употреблением этих падежей должно уменьшаться в 20 веке по сравнению с предыдущими. Однако, как видно по таблице, такая тенденция не наблюдается ни в одном из случаев. Напротив, можно заметить явную дифференциацию употребления датива и генитива, причём употребление генитива однозначно увеличивается в случае *wegen eines*, *innerhalb des*, *innerhalb eines*, *trotz des*, *trotz eines*, *während des*, *während eines*; менее чётко - в случае *wegen des*.

Как и в некоторых предыдущих случаях, точность результатов, возможно, снизилась из-за омонимности отдельных форм. Например, в случае *während dem* иногда попадались формы типа следующей:

Mit jener glücklichen Borniertheit, welche man dem typischen Paritaner zuschreiben pflegt, vollbrecht die innerweltliche Askese die in ihrem letzten Sinne ihr verborgenen positiven göttlichen Ratschlüsse, wie sie in den von Gott verfügten rationalen Ordnungen des Kreatürlichen vorliegen, während dem Mystiker gerade nur die Exgreifung jenes letzten, gänzlich irrationalen, Sinnes im mystischen Erlebnis allein heilsbedeutsam ist.
[Max Weber: Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen. Max Weber: Gesammelte Werke, S. 6385]

Артикль *dem* здесь относится не к предложу *während*, а к следующему существительному *Mystiker*.

Таб. 5. Аккузатив: распределение по векам. Объём выборки по каждому веку 45.000 стр. Только со строчной буквы

	18-1	18-2	18-3	Σ	19	20-1	20-2	20-3	20-4	20-5	Σ
einen В*en	88	29	1	118	199	49	22	44	47	11	173
einen D*en	39	3	1	43	45	5	0	5	23	2	35
einen L*en	26	8	4	38	57	17	6	4	20	7	54
einen M*en	160	40	3	203	145	66	16	42	55	15	194
einen G*en	146	74	2	222	228	66	18	31	45	16	176
einen Z*en	14	1	0	15	12	0	3	2	10	1	16
einen P*en	63	11	3	77	62	12	10	6	30	11	69
einen H*en	67	19	0	86	145	33	2	8	29	8	80
einen W*en	42	21	4	67	91	24	11	2	20	4	61
einen F*en	91	34	1	126	122	36	13	9	32	7	97

einen R*en	45	16	0	61	66	11	1	2	5	2	21
einen T*en	42	18	1	61	64	16	5	8	14	3	46
einen K*en	53	23	0	76	91	27	6	9	46	0	97
einen S*en	89	36	0	125	191	49	13	20	45	12	139
einen V*en	19	12	0	31	30	5	3	4	12	6	30
den B*en	917	396	73	1386	2323	597	284	214	504	391	1990
den D*en	288	103	35	426	544	151	58	32	216	65	522
den L*en	407	198	11	616	998	268	108	75	294	130	873
den M*en	1017	287	53	1357	1202	351	99	126	265	262	1103
den G*en	1478	587	126	2191	2440	586	222	225	357	345	1733
den Z*en	246	99	14	359	564	204	54	59	175	96	588
den P*en	513	149	26	688	607	226	73	167	258	209	933
den H*en	730	309	8	1047	1466	395	187	217	274	252	1323
den W*en	765	320	75	1160	1591	487	166	157	246	123	1179
den F*en	870	331	16	1217	1623	631	163	191	416	208	1609
den R*en	438	164	5	607	1043	281	111	135	271	124	922
den T*en	450	164	24	638	845	287	106	60	171	90	714
den K*en	582	208	30	820	1286	428	169	81	444	237	1359
den S*en	1362	488	78	1928	2327	654	249	256	555	366	2080
den V*en	321	133	37	491	402	222	65	68	137	193	683

Результаты:

- einen B*en и т.д.: 18 > 19 - 5, 19 > 18 - 10, 19 > 20 - 10, 20 > 19 - 4, 18 > 20 - 10, 20 > 18 - 5. Данная форма употреблялась в 19 в. чаще, чем в 18-м и 20-м; в 20-м - реже, чем в 18-м. В результатах наблюдается некоторая источникность из-за формального сопоставления с номинализированными прилагательными и participium.
- den B*en и т.д.: 18 > 19 - 2, 19 > 18 - 13, 19 > 20 - 11, 20 > 19 - 4, 18 > 20 - 2, 20 > 18 - 13. Данная форма употреблялась в 19 в. чаще, чем в 18-м и 20-м; в 20-м - значительно чаще, чем в 18-м. Результаты по аккулативу в данном случае нельзя считать абсолютно надежными из-за совпадения форм с дативом во множественном числе (mit den Weibern).

Таб. 6 а. Датив: распределение по векам. Объем каждой выборки: 4500 стр.

	18-1	18-2	18-3	18-4	18-5	19-1	19-2	19-3	19-4	19-5
Auf dem *dc	21	34	28	25	8	30	26	43	8	62
Auf dem *d	3	5	15	2	7	22	11	10	18	6
Auf dem *ne	9	6	5	8	2	6	10	6	5	6
Auf dem *n	110	116	180	59	100	139	190	140	131	276
Auf dem *le	10	5	3	6	3	13	4	2	2	18
Auf dem *i	18	21	23	10	6	28	21	13	30	14
Auf dem *he	2	3	14	0	4	3	4	2	2	5
Auf dem *b	0	0	2	0	4	1	2	0	1	0
Auf dem *ge	30	51	46	17	23	30	48	35	18	81
Auf dem *g	8	3	8	4	21	33	9	24	21	11
Auf dem *fe	8	6	12	4	1	13	24	25	7	41
Auf dem *f	3	5	11	0	7	19	28	6	29	12
Auf dem *he	4	11	8	6	6	6	24	30	12	43
Auf dem *h	8	7	19	1	5	17	39	9	24	16
Auf dem *se	9	10	5	6	6	18	7	9	3	17
Auf dem *s	5	4	7	1	5	14	13	5	7	6
Auf dem *me	0	2	2	2	0	8	4	2	5	10
Auf dem *m	4	3	14	0	2	15	20	5	7	5
Auf dem *re	8	3	13	1	3	5	1	1	3	7
Auf dem *r	25	47	75	42	28	52	77	41	31	45

Auf dem *ie	21	23	39	31	4	25	24	23	17	32
Auf dem *ie	8	8	32	5	26	41	40	27	39	15
Auf dem *ke	6	1	1	1	0	7	2	1	2	1
Auf dem *je	10	2	7	1	2	5	10	1	14	4
Auf dem *je	144	176	194	116	71	190	214	191	91	366

Таб. 6 б. Датив: распределение по векам. Объем каждой выборки: 4500 стр.

	20-1	20-2	20-3	20-4	20-5	Сред. 18 в.	Сред. 19 в.	Сред. 20 в.
Auf dem *de	25	24	24	20	8	23,2	33,8	20,2
Auf dem *ac	3	11	3	0	0	6	6,6	3,4
Auf dem *le	0	2	1	0	1	5,4	7,8	0,8
Auf dem *be	2	0	1	1	0	4,6	3,2	0,8
Auf dem *ge	27	30	13	25	34	33,4	42,4	25,8
Auf dem *ic	8	9	3	2	0	6,2	2,2	4,4
Auf dem *he	17	9	6	4	1	7	23	7,4
Auf dem *se	3	5	3	3	0	7,2	10,8	2,8
Auf dem *mc	4	3	0	0	0	1,2	3,8	1,4
Auf dem *re	2	3	5	1	0	5,6	3,4	2,2
Auf dem *ic	6	12	3	4	21	23,6	24,2	11,2
Auf dem *ke	2	0	1	0	0	1,8	2,6	0,6
Auf dem *d	22	4	23	23	5	6,4	13,4	15,4
Auf dem *n	217	102	162	127	217	113	175,2	165
Auf dem *l	23	13	24	22	10	15,6	21,2	18,4
Auf dem *b	1	1	2	0	1	1,2	0,8	1
Auf dem *g	7	4	12	14	4	8,8	19,6	16,2
Auf dem *f	25	2	52	43	2	5,2	18,8	24,8
Auf dem *h	44	13	51	70	4	8	21	36,4
Auf dem *s	9	6	11	13	4	4,4	9	8,6
Auf dem *t	16	3	24	18	4	4,6	10,4	13
Auf dem *r	39	38	58	46	27	43,4	49,2	45,25
Auf dem *i	31	9	40	42	226	15,8	32,4	69,6
Auf dem *k	15	4	8	5	0	4,4	6,8	6,4
Auf dem *e	152	127	72	73	70	140,2	210,4	98,8

Результаты:

- Auf dem *se и т.д.: 18 > 19 - 2, 19 > 18 - 10, 19 > 20 - 12, 20 > 19 - 0, 18 > 20 - 10, 20 > 18 - 2. Данная форма употреблялась в 19 в. чаще, чем в 18-м и 20-м; в 20-м - значительно реже, чем в 18-м.
- Auf dem *s и т.д.: 18 > 19 - 1, 19 > 18 - 11, 19 > 20 - 6, 20 > 19 - 6, 18 > 20 - 1, 20 > 18 - 11. Таким образом, употребление данной формы стабильно увеличивалось с 18 по 20 в.
- Форма auf dem *e употреблялась в 20-м веке значительно реже, чем в 18-19 вв.; шк употребление был достигнут в 19-м.

Таб. 6 в. Датив: распределение по векам. Объем выборки по каждому веку: 45.000 стр.

	18-1	18-2	18-3	Σ	19	20-1	20-2	20-3	20-4	20-5	Σ
zum B*en	155	62	14	231	218	67	12	8	35	20	52
zum D*en	3	6	1	0	2	6	5	5	5	0	1
zum L*en	10	1	8	79	92	3	4	0	4	0	191
zum M*en	7	5	5	07	35	8	0	1	3	2	14
zum G*en	43	6	9	28	24	6	1	5	1	1	74

zum Z*en	3	2	0	5	24	1	7	1	1	5	5
zum P*en	49	8	4	61	55	16	3	2	9	8	8
zum H*en	71	13	0	84	128	59	15	12	23	7	8
zum W*en	54	31	13	8	87	35	12	18	10	18	216
zum F*en	67	30	2	99	101	28	3	15	18	21	85
zum R*en	55	21	2	78	70	22	14	21	14	10	67
zum T*en	31	20	0	51	94	24	10	5	22	2	63
zum K*en	39	22	0	61	69	33	10	10	38	9	700
zum S*en	200	101	8	309	411	116	34	67	64	37	318
zum V*en	99	67	7	172	96	30	8	7	16	16	77

Результаты: 18 > 19 - 7, 19 > 18 - 8, 19 > 20 - 11, 20 > 19 - 4, 18 > 20 - 8, 20 > 18 - 7. Данная форма употреблялась в 19 в. чаще, чем в 18-м и 20-м; в 20-м - несколько реже, чем в 18-м. Следует отметить, что результаты в данном случае могут быть несколько искажены из-за наложения некоторых омонимичных форм, особенно существительных, оканчивающихся на -en, номинализированных прилагательных и, главное, номинализированных глаголов, число которых в процессе анализации должно увеличиваться.

Dolores, wenn sie morgens spät aufgestanden war und zum Stöckrahmen ihrer Schwester trat, hatte immer einen wunderbaren Traum im Kopfe...

[Arim, Achim von: Armut, Reichthum, Schuld und Buße der Gräfin Dolores. Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka, S. 31]

Mir ist zu licht zum Schließen.
Der Tag bricht in die Nacht...

[Arim, Achim von: Armut, Reichthum, Schuld und Buße der Gräfin Dolores. Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka, S. 67]

Jedes Chors, fuhr sie fort, das sich selbst überlassen kleibt, läßt unmerklich den Ton sinken; der bloße Antrieb, die physische Neigung im Menschen wirkt eben so zum Schlechteren...

[Arim, Achim von: Armut, Reichthum, Schuld und Buße der Gräfin Dolores. Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka, S. 209]

Автоматическая сортировка результатов в данном случае невозможна; можно, однако, исходить из того, что соотношение номинализированных прилагательных и глаголов, существительных, оканчивающихся на -en (Geters), и существительных в датине с тем же окончанием в разных выборках примерно одинаково.

Таб. 6 д. Датин: распределение по векам. Объем каждой выборки: 1000 стр. Только со строчной буквы

	18-1	18-2	18-3	18-4	18-5	19-1	19-2	19-3	19-4	19-5
zum *en	89	76	56	85	90	86	154	95	98	78

Таб. 6 в. Датин: распределение по векам. Объем каждой выборки: 1000 стр. Только со строчной буквы

	20-1	20-2	20-3	20-4	20-5	Сред. 18 в.	Сред. 19 в.	Сред. 20 в.
zum *en	78	110	85	120	109	79,2	102,2	100,4

Результаты: Данная форма употреблялась в 19 в. чаще, чем в 18-м и 20-м; в 20-м - чаще, чем в 18-м. Это подтверждает данные по таблице 7 а.

Таб. 7 а. Высокочастотные и вспомогательные глаголы: распределение по векам. Объем каждой выборки: 4500 стр. Только со строчной буквы (чтобы избежать совпадения форм с некоторыми существительными, особ. номинализированными инфинитивами)

	18-1	18-2	18-3	18-4	18-5	19-1	19-2	19-3	19-4	19-5
mache	27	46	91	109	34	70	59	289	47	46
machte	143	284	368	228	114	342	258	368	236	650
geche	67	57	79	56	30	102	56	246	83	37

bitte	281	482	466	154	117	500	847	642	513	52
ausser	70	70	89	94	49	137	93	293	101	48
kann	341	430	565	223	171	496	953	865	587	1
kann	13	22	36	40	21	18	35	71	37	32
brauche	23	24	33	29	22	30	19	49	17	5
brauche	35	27	43	42	30	47	51	116	26	12
nachru	149	274	328	108	59	293	752	249	261	11
nachru	48	67	73	77	44	70	22	177	51	34
gebe	232	339	304	156	141	302	438	336	334	531
geb	10	6	6	7	2	16	4	7	11	1
erhalte	46	63	29	34	13	53	27	43	22	77
erhalte	3	3	4	6	4	9	1	21	7	9
laufe	62	44	122	21	15	109	96	76	46	98
lauf	742	504	449	853	766	961	939	614	745	356
hin	323	245	244	161	366	504	361	471	472	189
bid	185	100	53	60	190	209	27	181	237	75
scid	1753	1930	1444	2173	1391	1646	1777	1299	1142	791
sind	847	1014	864	1699	453	1397	1593	1390	1111	39
habe	284	209	195	163	331	483	444	505	494	204
hat	1888	1867	1441	2845	1896	2156	2360	1930	1895	839
haben	1240	1523	1544	2893	1218	1323	2395	1453	1158	848
isbr	151	67	72	53	218	174	35	177	251	102
ist	21	29	35	34	12	49	25	149	15	33
ist	11	9	11	5	7	19	22	36	34	21
tut	101	117	128	173	121	160	152	234	153	70
tun	250	396	283	576	294	326	317	505	355	429
wärde	439	425	584	1085	317	592	461	416	309	524
werde	215	363	397	516	240	513	332	690	361	388
wird	1540	1478	1449	1891	2207	1623	1232	140	1255	606
wird	142	113	102	98	161	200	175	167	179	72
würden	1232	1638	1496	1848	1164	1400	1106	924	782	893
würden	146	152	174	309	83	185	91	216	80	119
würdet	22	15	20	13	11	56	19	28	31	21

Таб. 7 б. Высокочастотные и вспомогательные глаголы: распределение по векам. Объем каждой выборки: 4500 стр. Только со строчной буквы

	20-1	20-2	20-3	20-4	20-5	Сред. 18	Сред. 19	Сред. 20 в.
mache	47	39	20	36	11	61,4	102,2	30,6
machte	374	364	147	120	54	227,4	370,8	211,8
gehe	90	107	47	67	9	57,8	104,8	64
ging	679	669	249	221	50	300	690,8	373,6
kann	72	119	30	48	10	74,4	134,4	53,8
kann	753	904	243	196	64	346	706,4	432
brauche	42	76	19	22	6	26,4	38,6	33
brauche	62	102	38	22	3	26,2	36	45,4
nachru	32	67	20	24	15	35,4	50,4	31,6
nachru	338	343	102	69	34	183,6	413,2	172,2
gebe	34	119	28	35	23	61,8	70,8	47,8
geb	425	950	211	158	115	234,4	388,2	371,8

erhalte	2	12	4	5	1	6,2	7,8	4,8
erhielt	43	25	13	4	20	37	44,4	21
laufe	4	5	4	6	0	4	9,4	3,8
lief	154	26	27	30	2	52,8	85	47,8
bin	762	1047	435	529	14	662,8	723	557,4
bist	407	567	179	246	3	267,8	399,4	280,4
seid	67	204	53	64	1	117,6	145,8	77,8
sind	1611	1628	2849	3280	2168	1738,2	1331	2307,2
habe	1250	1765	847	1142	149	975,4	1286	1030,6
hast	407	596	181	309	4	236,4	426	299,4
hat	1890	1875	4096	4803	1704	1987,4	1836	2873,6
haben	1318	1290	2384	2679	1076	1683,6	1435,4	1749,4
habi	59	167	82	86	2	112,2	147,8	79,2
tue ³	49	73	15	24	9	26,2	54,2	34
tust	18	21	5	10	0	8,6	26,4	10,8
tut	120	131	207	259	55	128	153,8	154,4
tun	380	400	419	576	156	359,8	386,4	386,2
werde	561	796	164	174	131	346,2	456,8	365,2
wird	1250	1420	2202	2394	1844	1713	1224,6	1827
wirst	145	237	51	71	1	123,2	158,6	101
werden	1126	1620	1583	1594	2215	1475,6	1021	1627,6
würde	594	346	202	157	405	370	460,4	340,8
würden	144	160	78	42	127	172,8	138,2	110,2
würdest	13	27	5	7	0	16,2	31	10,4

Результаты:

- Высокочастотные глаголы от *tu* до *lief*: 18 > 19 - 0, 19 > 18 - 16, 19 > 20 - 15, 20 > 19 - 1, 18 > 20 - 10, 20 > 18 - 6. Данные глаголы употреблялись в 19 веке чаще, чем в 18-м и 20-м; в 20-м - реже, чем в 18-м.
- Вспомогательные глаголы от *bin* до *würdest*: 18 > 19 - 7, 19 > 18 - 13, 19 > 20 - 14, 20 > 19 - 6, 18 > 20 - 7, 20 > 18 - 13. Вспомогательные глаголы употреблялись в 19 в. чаще, чем в 18 и 20 в.; в 20 в. - чаще, чем в 18-м.
- Особое внимание следует обратить на то, что наблюдается некоторая тенденция к уменьшению частотности глагола *werden* в сослагательном наклонении (*würde*, *würdest*) в 20 в. по сравнению с 18-м.

Поскольку форма 3 л. ед. ч. глагола 'быть' употребляется значительно чаще остальных, она была проверена по выборкам объемом 1000 стр.:

Таб. 7 д. Высокочастотные и вспомогательные глаголы: распределение по векам. Объем каждой выборки: 1000 стр. Только со строчной буквы

	18-1	18-2	18-3	18-4	18-5	19-1	19-2	19-3	19-4	19-5
ist	800	49	125	113	740	97	86	100	113	934

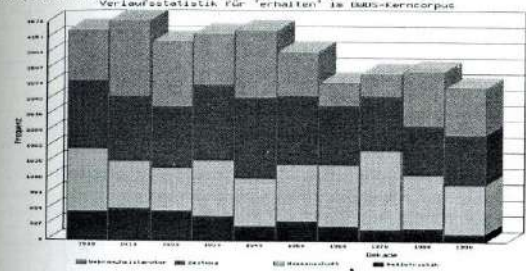
Таб. 7 е. Высокочастотные и вспомогательные глаголы: распределение по векам. Объем каждой выборки: 1000 стр. Только со строчной буквы

	20-1	20-2	20-3	20-4	20-5	Сред. 18 в.	Сред. 19 в.	Сред. 20 в.
ist	758	1525	1455	1115	1385	1545,4	946	1247,6

Результаты: В 19-м веке форма *ist* употреблялась реже, чем в 18-м и 20-м; в 20-м - реже, чем в 18 в.

³ Глагол *tue*, в грамматиках обычно не относящийся к вспомогательным, используется в качестве такового в предложениях типа *Wir tun arbeiten!* 'Да работаем мы!', *Tust du arbeiten?* 'Ты что, работаешь?' (т.е. усиление значения, экспрессивность).

Следующий пример должен проиллюстрировать ещё одну возможность проводить количественные исследования на материале немецкого языка, а именно корпус *Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jh.*, т.е. *Цифровой словарь немецкого языка 20-го века* (<http://www.dwds.de/>). Разработкой словаря занимается Берлин-Бранденбургская Академия наук (Берлин-Бранденбургская Академия Наук). Программа автоматически генерирует визуализацию статистических данных по употреблению того или иного слова или выражения в 20-м веке. Общий объем корпуса на лето 2006 года составляет 100.600.993 словоупотребления, приходится на 2.224.542 слова, 20% корпуса составляет художественная литература, 27% - публицистика (тексты из СМИ), 22% - научные тексты по различным специальностям, 20% - различные тексты из повседневной жизни (типа инструкций, рекламы), 5% - транскрипции разговорной речи. Программа находит все формы вводимого в поиск слова. Следующая иллюстрация демонстрирует употребление глагола *erhalten* (включая *erhielt*, *erhalte*, *erhaltet* и все остальные формы).

Как видно по иллюстрации, употребление данного глагола в конце 20 в. сократилось по сравнению с 1910-м годами.

Данные по другим глаголам приводятся здесь без иллюстраций. Менее активно по сравнению с первой половиной 20-го века в 1950-2000 гг. употреблялись глаголы *machen*, *gehen*, *kommen*, *brauchen*, *nehmen* и *geben*; более активно - ни одного глагола; явных тенденций не наблюдается в случае *laufen*. Таким образом, в 20-м веке наблюдалось не увеличение частотности данных глаголов, а, скорее, явное снижение, что противоречит тезису о связи ангажизации с ростом числа устойчивых выражений (или же тезису об увеличении частотности данных глаголов). По вспомогательным глаголам статистика выглядела следующим образом: глаголы *sein*, *tun* и *haben* стали употребляться реже, в случае *werden* явных тенденций не наблюдается. Это также противоречит тезису об ангажизации немецкого языка. В случае глагола *sein* программа не всегда могла отличить его инфинитив от формально аналогичного ему местоимения *sein*. Модальный глагол *sollen* стал во второй половине 20-го века употребляться чаще, глаголы *müssen*, *dürfen*, *wollen*, *mögen* - реже, *können* - без явных изменений. Это также не выписывается в рамки современной теории ангажизации. Следует, однако, отметить, что на 2006 год сбалансированность отдельных частей корпуса оставляет желать лучшего, поскольку явно наблюдается большая представленность материалов первой половины 20-го века, пусть и незначительная. Возможно, дальнейшая доработка корпуса приведет к изменению данных по некоторым параметрам.

Таб. 8. Глагольные формы сослагательного наклонения прошедшего времени: распределение по векам. Объем выборки по каждому веку: 45.000 стр. Только со

строчной буквы (во избежание совпадения формы с существительными во множественном числе типа <i>Griffe, Fische, Bände</i>)	числа типа <i>Griffe, Fische, Bände</i>										
	18-1	18-2	18-3	Σ	19	20-1	20-2	20-3	20-4	20-5	Σ
befühle	0	3	0	3	4	0	0	0	0	0	0
begänne	2	0	0	2	2	2	2	0	2	3	9
begänne	2	2	0	4	4	0	0	0	0	0	0
börste	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0
böge	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1
böte	2	1	1	4	17	3	1	1	2	4	11
bände	6	3	0	9	2	0	0	0	0	0	0
bäte	9	25	0	34	14	6	2	0	3	0	11
bliese	1	0	0	1	2	0	1	0	3	0	4
bliehe	112	56	9	177	111	48	17	9	21	16	111
briete	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1
bräche	8	5	0	13	17	5	2	0	3	0	10
bräuche	52	25	0	77	58	18	7	8	11	5	49
drähte	130	48	0	178	88	14	2	0	15	1	32
dränge	9	2	0	11	15	3	2	1	1	0	7
empfühle	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0
erköre	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
erwöge	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
äße	6	1	0	7	8	3	2	1	0	0	6
fiele	20	10	1	31	35	12	7	0	18	1	38
finge	6	0	0	6	8	2	2	0	2	0	6
fichte	1	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0
fände	102	49	5	156	99	40	12	2	24	5	83
fische	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1
fische	2	3	0	5	5	0	0	0	0	0	0
fisse	4	2	0	6	6	0	0	0	0	0	0
fräße	3	0	0	3	2	1	0	0	0	0	1
fröre	0	0	0	0	3	2	2	0	0	0	4
gäbe	141	72	21	234	226	84	23	20	114	11	252
godiehe	2	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0
ginge	101	29	6	136	282	72	21	4	90	9	196
gefänge	15	5	1	21	25	5	7	7	4	5	28
gäfte	8	2	1	11	18	5	4	1	0	3	13
geschäfte	25	18	7	50	31	7	5	4	11	2	29
gewänne	2	1	0	3	8	3	0	0	0	1	4
gliche	2	0	1	3	7	3	3	0	1	0	7
griffe	2	0	0	2	8	1	2	1	1	1	6
hielte	66	42	3	111	72	19	5	1	16	2	43
hinge	10	3	1	14	26	5	1	0	2	1	9
hielte	44	7	3	54	46	25	12	1	23	8	69
kennte	17	15	1	33	26	3	4	0	5	1	13
klänge	2	1	0	3	8	3	0	0	2	0	5
känne	185	94	5	284	461	147	55	28	113	19	362
ließe	197	45	11	253	228	59	22	3	60	19	163
ließe	6	7	1	14	15	6	5	0	4	1	16
läße	16	4	0	20	13	8	1	0	11	0	20
läge	62	14	12	88	118	46	14	5	11	11	87

mäße	36	41	4	81	62	21	7	4	15	5	32
griffe	1	1	0	2	3	0	0	0	2	0	2
tiefe	6	6	0	12	28	4	3	0	3	0	10
schiefe	13	28	2	43	29	3	1	0	1	1	6
schiefe	9	10	0	19	26	6	5	0	5	1	17
schiefe	6	2	0	8	3	2	0	0	0	0	2
schiefe	25	8	0	33	19	4	3	2	20	1	30
schiefe	122	76	2	200	222	65	12	10	45	5	137
säße	10	2	0	12	16	0	1	1	3	0	5
sänge	40	12	1	53	62	20	3	6	20	1	50
sprache	85	42	0	127	88	25	10	3	10	2	50
münde	31	16	1	48	59	13	10	0	3	3	29
träge	10	16	0	26	15	1	0	1	0	2	4
triebe	16	5	0	21	26	5	3	0	2	2	12
träte	68	6	1	75	172	33	8	7	76	8	132
tüte	26	6	3	35	20	3	1	1	2	0	7
verlöre	3	4	0	7	4	0	0	0	0	0	0
verlöre	27	10	1	38	41	10	3	2	3	2	20

Результаты: 18 > 19 - 26, 19 > 18 - 31, 19 > 20 - 46, 20 > 19 - 13, 18 > 20 - 41, 20 > 18 - 20. Данные формы глаголов употреблялись в 19 в. чаще, чем в 18-м и 20-м, в 20-м - значительно реже, чем в 18-м. Некоторые глаголы не приведены в списке, поскольку не встретились в выборках ни разу (*befühle, berge, büste, bewäge, bliehe, dänge, dänge, dräuche, dräuche, empfähle, erschülle* и т.д.).

Таб. 9. Артикли: распределение по векам. Объём каждой выборки: 1000 стр. С учётом регистра. Некоторые артикли проверялись только в написании с большой буквы, т.е. формы, начинающиеся со строчной буквы, встречались слишком часто даже в самых малых выборках по 1000 страниц.

	18-1	18-2	18-3	18-4	18-5	19-1	19-2	19-3	19-4	19-5
Der	333	334	336	237	242	491	715	324	604	634
des	1844	799	1528	1314	513	609	862	1181	1080	1322
dem	1435	1428	1654	1366	878	1843	1545	2229	1653	1790
den	2593	1848	2187	2554	1636	2740	1989	2490	2676	3049
Die	801	379	517	432	326	401	618	562	365	365
Ein	144	92	80	94	77	53	88	56	106	163
eines	316	196	237	477	125	72	146	188	145	287
einem	564	526	403	677	502	385	491	514	430	640
einer	521	635	511	795	511	707	480	567	733	733
eine	977	1002	983	1390	807	876	790	1081	718	966
einer	627	488	441	920	444	271	410	425	316	495

Таб. 9 б. Артикли и местоимения: распределение по векам. Объём каждой выборки: 1000 стр. С учётом регистра.

	20-1	20-2	20-3	20-4	20-5	Сред. 18 в.	Сред. 19 в.	Сред. 20 в.
Der	798	290	395	387	530	296,4	553,6	480
des	815	684	807	627	829	1199,6	1010,8	752,4
dem	1609	1367	1270	888	1332	1332,2	1812	1293,2
den	2308	2156	2205	1392	2118	2163,6	2588,8	2035,8
Die	869	296	426	493	508	491	462,2	518,4
Ein	308	114	139	99	138	97,4	93,2	139,6
eines	208	156	236	139	94	270,2	167,6	166,6

einem	489	484	524	252	239	534,4	492	397,6
einen	554	519	545	432	525	594,6	644	515
eine	809	900	976	661	750	1031,8	886,2	819,2
einer	397	369	459	222	273	584	383,4	344

Результаты:

18 > 19 - 7, 19 > 18 - 4, 19 > 20 - 9, 20 > 19 - 2, 18 > 20 - 8, 20 > 18 - 3. Таким образом, артикли употреблялись в 18 в. чаще, чем в 19-м и 20-м, в 19-м - чаще, чем в 20-м. По данным корпуса *Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jh.*, определённые артикли употреблялись во второй половине 20-го века несколько реже, чем в первой, хотя разница практически незаметна. По неопределённому артиклу никакой разницы не наблюдается.

Таб. 10 а. Местоимения: распределение по векам. Объём каждой выборки: 1000 стр. С учётом регистра

	18-1	18-2	18-3	18-4	18-5	19-1	19-2	19-3	19-4	19-5
du	27	243	103	305	121	841	482	213	757	897
er	799	2851	2068	2365	1611	2567	3061	1673	3483	2587
es	1187	1297	1901	1259	1661	1195	1348	1809	1725	1268
sie	1282	2424	2070	2129	1668	3022	3175	2297	2228	1508
Sie	202	1249	690	278	1064	364	669	359	318	328
ihr	268	654	416	426	361	904	1134	424	520	457
wir	646	596	656	622	604	409	297	810	487	281
ich	554	2391	1326	1116	5455	2558	2034	3454	2031	2157

Таб. 10 б. Местоимения: распределение по векам. Объём каждой выборки: 1000 стр. С учётом регистра

	20-1	20-2	20-3	20-4	20-5	Сред. 18 в.	Сред. 19 в.	Сред. 20 в.
du	480	851	382	126	1461	159,8	638	660
er	2817	3302	2813	1151	2096	1938,8	2674,2	2435,8
es	1104	2479	2500	1333	2182	1461	1469	1919,6
sie	2658	2279	2279	1311	1948	1914,6	2446	2095
Sie	1203	1325	1170	1074	574	696,6	407,6	1069,2
ihr	823	450	390	247	478	425	687,8	477,6
wir	142	423	261	348	1118	624,8	456,8	458,4
ich	944	2093	2070	2717	3462	2168,4	2446,8	2257,2

Результаты:

18 > 19 - 2, 19 > 18 - 6, 19 > 20 - 4, 20 > 19 - 4, 18 > 20 - 1, 20 > 18 - 7. В 19-м веке местоимения употреблялись чаще, чем в 18-м и столь же часто, как в 20-м. По данным корпуса *Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jh.*, местоимения (все) стали употребляться во второй половине 20-го века реже, чем в первой; частотность местоимений *wir, er, es, sie, Sie, ihr, ich* упала, *du* - значительно не изменилась.

Таб. 11 а. Союзы: распределение по векам. Объём каждой выборки: 1000 стр. Только со строчной буквы

	18-1	18-2	18-3	18-4	18-5	19-1	19-2	19-3	19-4	19-5
als	925	1212	1537	1582	1079	931	834	1097	1273	860
oder	556	272	580	678	310	96	130	766	278	364
dem	171	344	281	124	528	432	239	299	658	400
weder	39	46	88	79	10	4	20	25	31	31
entweder	21	13	62	48	13	2	12	31	8	6

Таб. 11 б. Союзы: распределение по векам. Объём каждой выборки: 1000 стр. Только со строчной буквы

	18-1	18-2	18-3	18-4	18-5	19-1	19-2	19-3	19-4	19-5
als	925	1212	1537	1582	1079	931	834	1097	1273	860
oder	556	272	580	678	310	96	130	766	278	364
dem	171	344	281	124	528	432	239	299	658	400
weder	39	46	88	79	10	4	20	25	31	31
entweder	21	13	62	48	13	2	12	31	8	6

	20-1	20-2	20-3	20-4	20-5	Сред. 18 в.	Сред. 19 в.	Сред. 20 в.
als	699	1065	969	915	1118	1267	999	953,2
oder	154	353	332	317	375	479,2	326,8	306,2
dem	198	637	375	223	312	289,6	405,6	349
weder	9	40	20	45	61	52,4	22,2	35
entweder	6	15	6	11	18	31,4	11,8	11,2

Результаты: 18 > 19 - 4, 19 > 18 - 1, 19 > 20 - 4, 20 > 18 - 1, 18 > 20 - 4, 20 > 19 - 1. Таким образом, союзы употреблялись в 19 в. реже, чем в 18-м, и чаще, чем в 20-м, а в 20-м - реже, чем в 18-м. Поскольку интенсивность употребления союзов падает, можно предположить, что либо никакой связи между союзами и аналитизацией не существует, либо темпе о развитии способов аналитического выражения грамматического значения в немецком неверен. От сравнения употребления союза *und* по разным векам пришлось отказаться из-за слишком частого его употребления даже для выборки по 1000 страниц. По данным корпуса *Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jh.*, частотность союзов *und* и *dem* во второй половине 20-го века по сравнению с 1900-1950 гг. упала, союза *oder* - увеличилась, союзов *als, entweder* и *weder* - не изменилась.

Чтобы проверить связь аналитизации с употреблением указательных местоимений, нами были проведены сравнительные подсчёты по корпусам русского и немецкого языков. Поскольку немецкий более аналитичен, в русском должно употребляться больше указательных местоимений в качестве компенсации недостающей грамматической категории артикля. Для подсчётов были использованы все формы указательных местоимений, кроме *это* (= нем. *dieses, das, es*), *то* (программа поиска не может отфильтровать формы с дефисом типа *убею-то, зачем-то*) и соответствующих им немецких местоимений *dieses, jenes*. Поскольку точные соответствия немецких и русских форм указательных местоимений почти не встречаются (ср. *dieser* - *этот, этой, этого*), сравнивались только общая сумма употреблений всех указательных местоимений в обоих языках. В данном случае были использованы следующие корпусы русского и немецкого примерно по 10.500 страниц:

Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka - 10.512 стр. Амин, Achim von - 2.139, Амин, Bettina von - 2.023, Brentano, Clemens - 2.517, Büchner, Georg - 315, Ebnert-Eschenbach, Marie von - 1.027, Forster, Georg - 1.501, Fouqué, Friedrich de la Moÿe - 193, Gellert, Christian Fächtegut - 797.

Digitale Bibliothek Sonderband: Russische Literatur von Nestor bis Mjajkowski (Русская литература от Нестора до Маяковского) - 10.548 стр. Аверченко А. Т. - 546, Андреев Л. И. (частично) - 1067, Анненский И. Ф. - 607, Арцыбашев М. П. - 1.527, Блок А. А. - 217, Брюсов В. Я. - 596, Волошин М. А. - 17, Гарин-Михайловский Н. Г. (частично) - 485, Грин А. С. - 1.430, Гумилев Н. С. - 310, Есенин С. А. - 92, Зинovieva-Антонил Л. Д. - 320, Маяковский В. В. - 292, Розанов В. В. - 839, Сологуб Ф. К. - 1.204, Фурманов Д. А. - 508, Хлебников В. В. - 17, Черный Саша - 474.

Этот - 1412, *этоко* - 1620, *этому* - 295, *этой* - 1412, *этой* - 872, *эта* - 788, *эту* - 715, *эти* - 1094, *этим* - 499, *этими* - 96, *этих* - 574, *эти* - 942, *того* - 1255, *тому* - 437, *тои* - 961, *та* - 361, *ту* - 279, *те* - 451, *тем* - 1136, *теми* - 45, *тех* - 455. *Dieser* - 2507, *diesem* - 1247, *diesen* - 1385, *diese* - 3072, *jener* - 449, *jenem* - 153, *jenen* - 199, *jene* - 436. Общая сумма всех употреблений указательных местоимений в русском - 16.894, в немецком - 9448.

Таким образом, в русском языке указательные местоимения действительно употребляются значительно более активно, чем в немецком, что, очевидно, компенсирует недостающую категорию артикля. Соответственно, можно предположить, что с уменьшением частотности артиклей в немецком количество указательных местоимений в текстах увеличилось. Это предположение было проверено нами на корпусах 18-20 вв.

Таб. 12 а. Указательные местоимения: распределение по векам.

	18-1	18-2	18-3	18-4	18-5	19-1	19-2	19-3	19-4	19-5
als	925	1212	1537	1582	1079	931	834	1097	1273	860
oder	556	272	580	678	310	96	130	766	278	364
dem	171	344	281	124	528	432	239	299	658	400
weder	39	46	88	79	10	4	20	25	31	31
entweder	21	13	62	48	13	2	12	31	8	6

Dieser	1231	1284	1362	1575	1268	966	1425	577	1091	1123
Diesem	603	625	605	685	748	518	838	338	536	640
Dieses	671	697	668	840	748	607	607	340	554	659
Dieses	803	443	810	1602	759	388	284	471	465	553
Diese	1340	1461	1586	2109	1470	1317	1358	692	1107	1462
Jener	216	214	198	206	175	234	96	131	443	347
Jenem	73	88	72	73	65	68	59	83	92	129
Jenes	112	110	82	98	76	91	28	69	127	125
Jenes	110	97	73	135	68	98	24	96	131	155
Jene	253	302	198	226	208	185	39	113	292	257

Таб. 12 б. Указательные местоимения: распределение по векам.
Объем каждой выборки: 4500 стр.

	20-1	20-2	20-3	20-4	20-5	Сред. 18 в.	Сред. 19 в.	Сред. 20 в.
Dieser	1128	1835	1141	1158	1610	1344	1036,4	1374,4
Diesem	518	729	539	562	649	653,2	574	599,4
Dieses	488	839	547	572	638	724,8	553,4	616,8
Dieses	718	1000	675	670	461	883,4	432,2	704,8
Diese	1259	2104	1564	1771	1920	1593,2	1187,2	1723,6
Jener	211	113	217	258	457	201,8	250,2	251,2
Jenem	188	158	155	159	167	74,2	86,2	165,4
Jenes	88	67	61	89	185	95,6	88	98
Jenes	84	58	94	98	205	96,6	100,8	107,8
Jene	148	94	175	267	555	237,4	177,2	247,8

Результаты: 18 > 19 - 7, 19 > 18 - 3, 19 > 20 - 0, 20 > 18 - 10, 18 > 20 - 3, 20 > 19 - 7.

В 19 в. указательные местоимения употреблялись реже, чем в 18 и 20 вв. В 20 в. - чаще, чем в 18 в. Таким образом, чётких тенденций в употреблении указательных местоимений в последние три века не наблюдается, но в 20 в. всё-таки их объём в текстах художественной литературы несколько увеличился, что позитивно коррелирует с уменьшением числа артиклей в художественных текстах. По данным корпуса *Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jh.*, во второй половине 20-го века начался довольно резкий спад в употреблении обиходных указательных местоимений (такой выборки по материалам *Электронной библиотеки* ограничивались только первой половиной 20-го века, потому никакого противоречия в данном случае не наблюдается).

Выводы.

- За анализацию немецкого языка в 18-20 вв. говорят следующие факты:
1. В 20 в. предлоги употреблялись значительно чаще, чем в 18-м в. Тенденция чёткая (в 19 в. предлоги употреблялись чаще, чем в 18-м, но реже, чем в 20-м в.).
 2. Слова с элементом *meist* употреблялись в 20-м в. значительно чаще, чем в 18-м в. Тенденция нечёткая (в 19 в. такие формы употреблялись реже, чем в 18-м и 20-м).
 3. Судя по формам *der* %, *eines* % и *des* *en, употребление генитива действительно уменьшилось с 18 по 20 в. Тенденция чёткая (постепенное снижение показателей с 18 по 20 в.).
 4. Формы типа *eines* B*en и *des* B*en (т.е. с окончанием генитива) употреблялись в 20-м в. реже, чем в 18-м. Тенденция нечёткая (в 19-м веке реже, чем в 18-м и 20-м вв.).
 5. Формы типа *einen* B*en (т.е. с аккузативным окончанием) употреблялись в 20-м в. реже, чем в 18-м. Тенденция нечёткая (в 19 в. чаще, чем в 18-м и 20-м).

6. Формы типа *auf dem* *ze (т.е. с дативным окончанием) употреблялись в 20-м в. значительно реже, чем в 18-м. Тенденция нечёткая (в 19 в. чаще, чем в 18-м и 20-м вв.).
7. Употребление формы типа *auf dem* % (т.е. без дативного окончания) стабильно увеличивалось с 18 по 20 в.
8. Формы типа *auf dem* *e (т.е. с дативным окончанием) употреблялись в 20-м веке значительно реже, чем в 18-19 вв. Тенденция нечёткая (пик употребления был достигнут в 19-м в.).
9. Формы типа *zum* B*en (т.е. с дативным окончанием) употреблялись в 20-м веке несколько реже, чем в 18-м. Тенденция нечёткая (в 19 в. - чаще, чем в 18-м и 20-м).
10. Вспомогательные глаголы употреблялись в 20 в. чаще, чем в 18-м. Тенденция нечёткая (в 19 в. чаще, чем в 18 и 20 в.).

11. Формы глаголов сослагательного наклонения (прошедшего времени) употреблялись в 20-м в. значительно реже, чем в 18-м. Тенденция нечёткая (в 19 в. чаще, чем в 18-м и 20-м).
12. В 19-м веке местоимения употреблялись чаще, чем в 18-м и столь же часто, как в 20-м.

Против анализацию немецкого языка в 18-20 вв. говорят следующие факты:

1. Модальные глаголы употреблялись в 20 в. реже, чем в 18-м. Тенденция нечёткая (в 19 в. модальные глаголы употреблялись чаще, чем в 18 и 20 в.).
2. В 19 в. аналитическая сравнительная степень прилагательных употреблялась чаще, чем в 18 и 20 в.; то же касается сочетания *mehr und mehr*.
3. Употребление аналитической превосходной степени прилагательных с *am meisten* уменьшалось с 18 по 20 в.
4. Частота употребления формы *eines* *en (т.е. с окончанием генитива) резко упала в 19 в. и незначительно увеличилась в 20-м.
5. В 20-м веке формы типа *des* B*es, *eines* B*es (т.е. с окончанием генитива) употреблялись значительно чаще, чем в 18-м.
6. Формы типа *den* B*en (т.е. с аккузативным окончанием) употреблялись в 20-м в. значительно чаще, чем в 18-м. Тенденция нечёткая (в 19 в. чаще, чем в 18-м и 20-м).
7. Формы типа *zum* *en (т.е. с дативным окончанием) употреблялись в 19 в. чаще, чем в 18-м и 20-м.
8. Высококачественные глаголы от *nache* до *lief* употреблялись в 20-м в. реже, чем в 18-м. Тенденция нечёткая (в 19 веке чаще, чем в 18-м и 20-м).
9. В 20-м в. форма *ist* употреблялась реже, чем в 18 в. Тенденция нечёткая (в 19-м веке - реже, чем в 18-м и 20-м).

10. Подсчёт по корпусу *Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jh.* показал, что во второй половине 20-го века большинство высококачественных глаголов, включая модальные, стало употребляться реже, чем в первой.

11. Артикли употреблялись в 18 в. чаще, чем в 19-м и 20-м, в 19-м в. - чаще, чем в 20-м. Одновременно с уменьшением числа артиклей в текстах растёт частота указательных местоимений.

12. После предлогов *wegen*, *innerhalb*, *trotz* и *während* наблюдается не рост неуверенности в употреблении падежей, а всё более активное употребление генитива.

13. Глагол *werden* употреблялся в сослагательном наклонении в 20 в. несколько реже по сравнению с 18-м, что противоречит тезису о повышении частотности форм типа *"würde + инфинитив"* для компенсации вымирающих глагольных форм из таблицы 8.

14. Союзы употреблялись в 19 в. реже, чем в 18-м, и чаще, чем в 20-м; а в 20-м в. - реже, чем в 18-м.

Таким образом, количество тенденций, подтверждающих анализацию немецкого языка, почти полностью соответствует количеству тенденций, противоречащих тезису о распаде синтетических форм.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Влас Петер. "Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache. Sprachvarietäten" // Gabriele Köpcke, Enke Spänckh (pea). Neueste Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache. Überblick.

старто, суаро, сурфо, табло, табу, такси, тандо, тартарари, тильбюри, тире, ткемали, тореро, тора, торнадо, трагедия, тремоло, трико, трио, трюмо, турне, тунни, урду, фабано, факсимиле, фанданго, фейзо, фиско, фите, фламанго, фойе, фозно, форте, фортепиано, фортепиано, фортепиано, фото, фототеле, фура, фрейгейт, фрикокс, фруго, фузе, фузе, хаджи, хаки, ханты, харакари, харно, хитди, хобби, цете, ширро, пунати, шие, шитотие, шатото, шассе, шассе, шваро, шимми, шипотазе, шюссе, жорте, эскизте, эоп, эибарко, зид, экино, эстудю, эсперито, жесе, жфенди.

Получен произведений не по каждому отдельному слову, а по их совокупности, что стало возможным благодаря логическому оператору ИЛИ. В общей сложности в корпусе российских СМИ данные лексемы встретились 33,964 раза, в корпусе украинских СМИ – 38,888 раз, т.е. в 1,15 раз чаще.

Ниже приводятся данные по частотности употребления конструкций *у меня есть* и *у меня нет* для выражения принадлежности. Поскольку русский язык в этом отношении остался практически в полной изоляции (в окружающем его языках индоевропейского происхождения, включая славянские, используется преимущественно или исключительно глагол *иметь*), вполне закономерным можно считать постепенный переход русского на сторону других западных и восточноевропейских языков. Как видно по следующей таблице, соотношение в пользу новой конструкции более явно выражено в украинских СМИ.

Выражение принадлежности глаголами <i>быть</i> и <i>иметь</i> в СМИ.				
	у * есть CONTEXT WORD меня/тебя/ его/ее/них/ нас/нас	у * был/а? CONTEXT WORD меня/тебя/ его/ее/ них/нас/нас	у * был/а? CONTEXT WORD меня/ тебя/его/ее/ них/нас/нас	Сумма: глагол <i>быть</i>
Рус. СМИ	1280	699	187	2166 (63,6%)
Укр. СМИ	1255	518	201	1974 (57,2%)
	я имею/ты имеешь/он имеет/они имеют/она имеют/мы имеем/вы имеете	имеет? CONTEXT WORD я/ты/он/она/ они/они/ мы/мы	буду* иметь CONTEXT WORD я/они + буду* иметь CONTEXT WORD ты/он/она/ они/мы/мы	Сумма: глагол <i>иметь</i>
Рус. СМИ	1024	178	37	1239 (36,4%)
Укр. СМИ	1167	217	91	1475 (42,8%)

Целью следующего исследования было установление частотности так называемого "переклещивания кодов", т.е. использования английских фраз в русских текстах. Для нахождения этих фраз мы вводили в поиск комбинации слов, которые с наибольшей вероятностью могут встретиться в английских предложениях, а именно сочетания местоимений и вспомогательных глаголов *быть* и *иметь*. Формула "ай эм/а а/ди из/и изит из/ви а/дей а?" (транслитерация) находит 2 английские фразы в корпусе российских СМИ и ноль – в украинских; формула "I am/you are/he is/she is/it is/we are/they are" находит 3 английские фразы в корпусе российских СМИ и 3 – в украинских; формула "ай хэви/хэви хэви/они хэви/они хэви/они хэви/они хэви" не нашла ничего; формула "I have/you have/they have/she has/it has/they have" находит ноль английских фраз в корпусе российских СМИ и 2 – в украинских. Таким образом, в обоих корпусах английские фразы встречаются по пять раз. Названия песен, фильмов и т.д. не учитывались.

Как известно, в западноевропейских языках отчества давно уже не употребляются. После 1991 года отчества стали всё чаще опускаться и на постсоветском пространстве.

Следующие статистические данные демонстрируют, что российские журналисты в этом отношении более подвержены западному влиянию, чем украинские. Формула "****евич" находит 3667 отчества в русских и 3842 в украинских СМИ, "****ович" – 4557 в русских и 4761 в украинских СМИ, "****овна" – 888 в русских и 1142 в украинских СМИ, "****ичева" – 853 в русских и 506 в украинских СМИ (проверялись только формы в именительном падеже). Всего в корпусе русских СМИ встретилось 9965 отчества, в украинских – 10,251. С другой стороны, этот разрыв в результатах может быть объяснен и большей частотностью личных имен в украинских СМИ: так, по нашим подсчётам имена Анна, Валентина, Варвара, Виктория, Галина, Дарья, Элиана, Ирина, Катерина, Клавдия, Ксения, Елена, Лидия, Людмила, Ульяна, Анастасия, Наталья, Ольга, Светлана, Татьяна, Юлия, Алексей, Афанасий, Валерий, Иван, Василий, Виталий, Владислав, Владимир, Григорий, Дмитрий, Николай, Константин, Леонид, Михаил, Павел, Петр, Сергей, Фёдор, Юрий, Евгений, Александр встретились в российских СМИ 34,586 раз, в украинских – 38,396. Примечательно также, что в обоих корпусах авторы значительно более склонны и употребляют мужские отчества: в русских СМИ мужские отчества встречаются 8224 раза, в украинских – 8603; в русских СМИ женские отчества встречаются в общей сложности 1741 раз (в 4,7 раз реже, чем мужские), в украинских – 1648 (в 5,2 раза реже, чем мужские). Таким образом, в российских СМИ несклонные лексемы (заимствованные из других языков) встречаются реже, чем в украинских; разницы по частотности переклещивания кодов не наблюдается; к употреблению конструкции *я имею* за счёт *у меня есть* больше склонны украинские журналисты (возможно, влияние украинского, ср. *я маю* 'у меня есть, я имею'); отчества опускаются чаще в российских СМИ, чем в украинских (требует дополнительного подтверждения).

ДЕФИНИЦИЯ КАК ОСНОВНОЕ СРЕДСТВО СЕМАТИЗАЦИИ ВОКАБУЛ

Г.В. Рабчинка
Астраханский государственный университет

Лингвистическая наука XXI века стремится воплотить в словарной форме все аспекты научных знаний. Теоретическая лексикография – наука, имеющая длительную историю и сложившиеся традиции, охватывает комплекс проблем, связанных с разработкой микроструктуры (отбор лексики, объем и характер словарика, принципы расположения материала) и макроструктуры (структура словарной статьи, типы словарных определений, соотношение разных видов информации о слове, типы языковых иллюстраций и т.д.) словаря, с созданием типологии словарей, с историей лексикографии [www.wikipedia].

С возникновением особой отрасли лексикографии – социальной лексикографии – вопросы интерпретации многозначных слов, в особенности имеющих социальную окраску, классификации определенных смыслов и их нюансов, словарное оформление содержания многозначного слова стали особенно актуальными [Морковки, 1981]. Решение такого комплекса вопросов применительно к социолексикографии осложняется необходимостью учета особенностей субстандартной лексики и фразеологии при ее лексикографировании в просторечных словарях, и эта потребность в отечественной теории общей лексикографии и социолексикографии остается неудовлетворенной.

Особый интерес в связи с этим представляет изучение самого фундаментального толкового «Словаря слэнга и нестандартного английского языка» Э. Парриджа, благодаря которому представляется возможным изучить основную социолексикографическую инструментарию, используемый автором для семантизации зарегистрированных им нестандартных слов и словосочетаний. Именно лексикографическая семантизация, в самом широком смысле этой категории, представляет собой процесс и результат раскрытия всей совокупности значений и их оттенков, охватываемых семантической структурой слова или

словосочетания, включаемого в корпус словаря в качестве заголовочной единицы конкретной словарной статьи [Дубинский, 1998:35; Морозович, 1986:109].

Таким образом, объектом нашего исследования является корпус словаря (в нашем случае, «A dictionary of slang and unconventional English» Э. Парtridge) – совокупность всех словарных статей – проанализированный нами на предмет определенных способов семантизации вокабулы.

Анализ теоретических исследований по данной проблеме позволяет выделить три основных аспекта раскрытия значений заголовочных слов или словосочетаний: 1) фидуциально – значение вокабулы или дискретные значения; 2) дефиниции – определение этих значений; 3) дополнительная семантизация (уточнение установленных значений в планах их употребления с помощью определенных указателей, маркеров и иллюстративных примеров; индикация способов образования в аспектах структуры, семантики и источников заимствования с помощью дериватологической справки).

В ходе настоящего исследования мне в большей степени заинтересовала дефиниция, как средство семантизации вокабулы в связи с наибольшей частотой ее использования. Для объяснения значений зарегистрированных вокабул Э. Парtridge в исследуемом нами словаре «A dictionary of slang and unconventional English» использует следующие основные типы дефиниций:

- литературный синоним;
- ряд литературных синонимов;
- нелитературный синоним;
- развернутое лингвистическое толкование;
- филолого-этимологическое определение;
- введение интертекста;
- комбинированное определение;
- отсылка к другой словарной статье.

Литературный синоним предусматривает дополнительную дефиницию для вокабулы – разных частей речи и вокабулы – словосочетаний. Например:

- вокабула-существительное: **blinks**, *Eyes*; Cockneys': from ca. 1870;
- вокабула-прилагательное: **blithered**, *Trous*; Australian: since ca. 1910;
- вокабула-глагол: **boob**, *To blunder*; Army and Air Force: since ca. 1930;
- вокабула-наречие: **buss**, *adv.*; *Only*; Regular Army: C. 20;
- вокабула-словосочетание: **butcher's canary**, *A Mowflie*; Australian: since ca. 1925.

Особенно интересной, на наш взгляд, я виду специфики лексики, кажется дефиниция посредством определения ряда литературных синонимов. Этот вид дефиниции также предусматривает определение вокабулы – разных частей речи. Например:

- вокабула-существительное: **bouncer**, *A bully, swaggerer, blusterer*; late C. 17–19;

coll.;

- вокабула-прилагательное: **boss**, *adj.*; *Chief, principal*; orig. (1840) U.S.; anglicized ca.

1875;

- вокабула-глагол: **hubble**, *v.*; *To cheat, swindle, delude, humbug, overreach*; coll., but S.E.

after ca. 1800;

- вокабула-наречие: **bung**, *adv.*; *Heavily; 'smack*'; coll.: late C. 19–20.

Подбор с целью дефиниции нелитературного синонима – редко используемый Э.

Парtridge прием, благодаря которому возможен подбор изолированного нелитературного синонима для раскрытия значения вокабулы. Например: **black Maria**, *A prison van, for the conveyance of prisoners*; from ca. 1870; orig. s.; by 1902, s.; by 1930, coll.

Дефиниция, предусматривающая развернутое лингвистическое толкование, также различает вокабулы – разные части речи и вокабулы – словосочетания. Например:

- вокабула-существительное: **bit**, *A sexually very attractive girl; teenagers'*; since late

1950's;

- вокабула-прилагательное: **bum-numb**, *adj.*; *With posteriors partially paralyzed from*

sitting on a hard seat or too long in one position: Public Schoolboys': C. 20;

- вокабула-глагол: **belt**, *v.*; *To deflect the result from the straight by deliberately losing a*

match; Association footballers': since ca. 1950;

- вокабула-наречие: **flat**, *adv.*; *At top speed*; motor-racers': from ca. 1928;

- вокабула-словосочетание: **bandy chair**, *A Banbury chair, i.e. a seat formed by two*

persons' crossing of hands; Cockneys': from ca. 1890.

- вокабула-существительное: **bandy**, *adj.*; *From a philologist-encyclopedic definition, Дефиниция, предусматривающая филолого-этимологическое определение, предусматривает разделение вокабулы по частям речи и вокабулы – словосочетаний. Например:*

balltacker, *A radar testing-device that resembled an*

- вокабула-существительное: **balltacker**, *A radar testing-device that resembled an*

ordinary light-bulb at the end of a long stick; R.A.F.: ca. 1941–5;

- вокабула-прилагательное: **Rock-happy**, *Suffering from acute melancholia occasioned*

by too long service at Gibraltar; Naval: since ca. 1939;

- вокабула-глагол: **camp**, *v.*; *(Of a shearer) to go slow, in order to leave a difficult sheep for*

another shearer; Australian shearers': since ca. 1910;

- вокабула-словосочетание: **bet on the coat**, *To lodge a dummy bet with a bookmaker as*

an inducement for others to bet; Australian sporting: since ca. 1925.

Сомнолексикографическая интерпретация понятия «интертекст» шатательно

рассмотрена В.П. Коровушкиным [Коровушкин, 2003]. Этот вид дефиниции подразумевает

введение интертекста в виде цитируемого лексикографического определения из другого

словаря, научного исследования, журнала, либо в виде цитируемого иллюстративного

примера из литературного (художественного, публицистического) источника или личного

письма.

Как и большинство вариантов раскрытия значения слова или словосочетания

посредством дефиниции, дефиниция – интертекст охватывает определение вокабулы –

разных частей речи и вокабулы – словосочетаний. Так, дефиниция – интертекст в виде

цитируемого лексикографического определения из другого словаря, научного исследования

или журнала определяет:

- вокабула-существительное:

• **bandstand**, *'The circular gun platform in small escort vessels'* (Granville); Naval: 1939–;

Здесь цитируемое лексикографическое определение из другого словаря [Granville W. A

Dictionary of Naval Slang, 1945] представлено в форме развернутого лингвистического

толкования с элементами филолого-этимологического определения.

- **bambora**, *'The spot of light reflected by a mirror held in the hand'* (Dr H. W. Dalton);

Anglo-Irish: C. 20. Здесь цитируемое лексикографическое определение из научного

исследования представлено в форме развернутого лингвистического толкования.

- **Botany-beer party**, *'A meeting where no intoxicants are drunk'*; Society: ca. 1882–1910.

Ware. Здесь цитируемое лексикографическое определение из научного исследования [Ware J.

R. Passing English, 1909] представлено в форме развернутого лингвистического толкования.

- вокабула-глагол: **panic**, *v.*; *'To pick up cigarette butts and small debris in an army*

camp' (B., 1943); Australian soldiers': 1939–45;

- вокабула-словосочетание: **banana van**, *A 'boggy carriage on wooden frame sagging in*

the middle' (Railway, 3rd); railwaymen's: since ca. 1950.

Дефиниция – интертекст в виде цитируемого иллюстративного примера из

литературного (художественного, публицистического) источника или личного письма

применительно для:

- вокабула-существительное: **blatter**, *n.*; *'The private motorist ... knows that the squeaks in*

his bodywork are caused by "canaries" and that the tremendous speed he attains is due to "blatter"

in his speedometer. When he "runs out of road", he gets severely "bent"' (Nigel Dennis, review

'Fancy Lingo', in The Sunday Telegraph, July 9, 1961); motorists' terms: resp. since ca. 1950, ca.

1950, ca. 1945, ca. 1930;

- вокабула-прилагательное: **Jane**, *adj.*; Glasgow s.; from ca. 1925, as in MacArthur &

Long, *'Isobel was clearly a real "Jane bit o' stuff" — a girl of quality who wore a hat, without*

affectation, because she was accustomed to it." Ex Jane, a girl;
- *вокабула-эпитет*: bat, v. Military, mostly officers', from late 1914, as in Blaker, "That fellow Jackman that Reynolds has produced from his section to 'bat' for you is rather an object, isn't he?"

- *вокабула-словосочетание*: back garden. 'The end pages of a magazine, devoted to advertisements inserted between columns of "spill over" from articles and stories in the front of the "book" (Leachman). Canadian publishers' and journalists: since ca. 1910.

Очень интересно использование с целью определения значений слов и словосочетаний дефиниции – комбинированного определения. Данный вид дефиниции неразрывно связан с представленными выше видами дефиниций, комбинируясь в разных словарных статьях, дополняя определение значений и расширяя их. Например:

вокабула-существительное: bacon-hole. Mouth; mostly R.A.F.; since ca. 1940. Cf. cake-hole; здесь сочетается дефиниция в виде литературного синонима и отсылка к другой словарной статье;

hang-seat. 'A crew member's seat in a jet aircraft (but recently developed for helicopters) — which, for emergency escape, is blown from the aircraft by an explosive charge (which, incidentally, the seat occupant does not hear)' — as a flight lieutenant informs me, late in 1961. Since the mid-1950's; orig., Fleet Air Arm, hence gen. aeronautical. Здесь комбинированное определение сочетается в себе *интертекст* в форме цитаты из устного сообщения информанта, которая сама представлена в виде *филаолого-этимологического определения*.

вокабула-прилагательное: binding. adj. Given to 'moaning'; R.A.F.; since 1925; здесь в состав литературной дефиниции включен нестандартный синоним meaning; где *moan*, v. To complain, grumble; to do so habitually. naval; from not later than 1915.

вокабула-глагол: belay. To cancel, as in 'Belay that last order!'; Naval; C. 20; здесь сочетается дефиниция в виде литературного синонима и иллюстративный пример в виде авторского решения;

вокабула-словосочетание: bending drill. 'Defecation in the open'; Army in North Africa: 1940—43. (Peter Sanders in The Sunday Times magazine, Sept. 10, 1967.) 'Also "going for a walk with a spade"'; здесь сочетается дефиниция в виде развернутого лингвистического толкования и нестандартного синонимического словосочетания, заимствованных из публицистического источника, со ссылкой на автора интертекстуальных цитаций.

Способ дефиниции посредством отсылки к другой словарной статье предполагает два способа презентации:

1) отсылочная словарная статья *следует непосредственно за отсылкой* и подается через помету *see*: booty. Playing booty; C. 17—18; *see*: booty, play. To play falsely; covertly to help one's apparent opponent; C. 16—19. Until ca. 1660, *see*; then s. merging into coll.; from ca. 1790, S.E. Здесь *вокабула booty* сначала семантизируется через синонимическое элементарное определение, которое в следующей статье получает развернутое лингвистическое толкование; социолитингвистические особенности функционирования приводятся отдельно для каждой *вокабулы*;

2) отсылочная словарная статья *не следует непосредственно за отсылкой* и указывается через помету *see*: bo'sun. *See* hose. Здесь *вокабула bo'sun* семантизируется опосредованно через *вокабулу hose* в соответствующей словарной статье: hose. Abbr. bo'sun, itself an eligible slurting of *boozysuit*. Both are nautical, the former dating from (?) the late C. 19, the latter from (?) the late C. 18. The former is often used in addressing that link between officers and deck-hands. При этом раскрываются особенности деривации и социолитингвистического функционирования обеих *вокабул*.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дубининский В.В. Теоретическая и прикладная лексикография. — Вена — Харьков: Gesellschaft für Förderung slawistischer Studien, 1998. — 160 с.
2. Корюкович В.П. Интертекстуальное отношение «художественный дискурс → словарный

дискурс» в лексикографическом и переводческом аспектах (на материале военного суб-стандарта) // Интернет и художественном и публицистическом дискурсе: Сборник докладов международной научной конференции (Магнитогорск, 12-14 ноября 2003 года) / Ред.-сост. С.Г. Шулежкова. — Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. — С. 639-647.

3. Морковкин В.В. Лексическая многозначность и некоторые вопросы ее лексикографической интерпретации // Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. Виноградские чтения. IX—X. — М.: Наука, 1981. — С. 153-166.

4. Морковкин В.В. О базовом лексикографическом знании // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному — М., 1986. — С. 102-117.

5. Partridge E. A Dictionary of Slang and Unconventional English. In two volumes. Routledge & Kegan Paul. London and Henley, 1979b. Vol. I: The Dictionary. XVI, 1-974 p. Vol. II: The Supplement. X, 975-1528 p.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИИ (СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ)

О.Б. Сырнова

Астраханский государственный университет

На современном этапе развития лингвистической науки огромное внимание уделяется взаимосвязи языка и культуры. Язык — это национальное культурное зеркало, являющееся одним из самых самобытных этнических компонентов культуры. Изучение любого иностранного языка происходит через призму локальной действительности носителя другого языка, чем и определяется непонимание специфических фактов и явлений иноязычной культуры (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров). В настоящее время сравнительно-сопоставительные исследования в данной области способствуют знакомству с историей, бытом и культурой другого народа, с богатством, выразительностью, образностью речи, ведут к более углубленному пониманию структур родного и изучаемого языков.

По мнению многих ученых-лингвистов (Х.Г. Корольев, Н.Н. Лопатникова, И.А. Мовшович, З.И. Хованская, В.Г. Гак, Д.Н. Шмелев, В.Г. Кошланский и многие другие), именно фразеология является одной из наиболее сложных областей любого языка. Среди ученых бытует мнение, что без знания фразеологии овладение языком является неполным. Несомненным является и тот факт, что наиболее ценными культурными посланиями являются именно фразеологизмы (Д.Н. Шмелев), и что именно в них сосредоточена богатая страноведческая информация, овладение которой крайне необходимо для адекватного понимания и использования языковых единиц в процессе коммуникации. Одним из основных и важных свойств языка является накопление, хранение, отражение и транслирование фактов и явлений культуры народа-носителя языка. По отношению к данной дисциплине было не всегда настолько однозначным, как в наше время. Несмотря на то, что фразеология прошла огромный путь в своем развитии, спорные вопросы существуют и по сей день. Теоретические основы фразеологии были разработаны благодаря трудам академика В.В. Виноградова еще в 40-х годах 20 века, где ФЕ рассматриваются как семантические явления, в связи с чем прослеживается их возникновение, живое развитие и преобразование. Вследствие того, что фразеологизмы рассматриваются как эквиваленты слова, возникает концепция Ш. Балли, в рамках которой ученый утверждает, что «самым общим признаком фразеологического оборота, ... является возможность или невозможность подставить вместо оборота простое слово, которое называется идентификатором [1, с. 92].

В свою очередь В.В. Виноградов отмечает, что слово как языковая единица может выступать во всем своем разнообразии только во фразовом окружении. Резкие очертания смысловых контуров часто стираются в структуре ФЕ [3, с. 118]. Виноградов не выделял

фразеологию в самостоятельную дисциплину, так как были еще недостаточно разработаны методы изучения ФЕ, их устойчивость, системность, но все же именно благодаря Виноградову проблематика фразеологии была выведена из описательного плана в план практического исследования законов сочетаемости слов и их значений в рамках особых лексико-семантических комплексов. За выделение фразеологии в отдельную лингвистическую дисциплину высказывался еще в 20 годы 20 века Е.Д. Поливанов, говоривший, что «фразеология займет обновленную и устойчивую позицию в лингвистическом материале будущего, она должна занимать такое положение по отношению к лексике, какое синтаксис занимает по отношению к морфологии» [7, 169-170]. В настоящее время тот факт, что значение отдельного слова во ФЕ часто теряется, уже ни у кого не вызывает сомнений. Данный процесс происходит в силу того, что слово при слиянии с другими в рамках ФЕ, образует неразделимое сочетание.

Но все же, несмотря на единство мнений, на данном этапе развития фразеологии до сих пор не существует единого определения понятия «фразеологизм». Самой распространенной является концепция Н.М. Шанского, согласно которой ФЕ делятся на: 1) фразеологические сравнения, включающие в свой состав только компоненты, известные в их составе; 2) фразеологические единства (устойчивые словосочетания метафорического характера); 3) фразеологические обороты; 4) фразеологические выражения (воспроизводимые устойчивые словосочетания, не имеющие фразеологического значения); 5) двусловные фразеологические сочетания с аналитическим значением, состоящие из слова, имеющего свободное значение, и слова с фразеологически связанным значением [10, с.13-14]. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров считают, что «фразеологизм – это самостоятельная (не сводимая к словам или языковым афоризмам) номинативная (непосредственно соотносящаяся с внеязыковой действительностью) языковая (массово воспроизводимая) единица, обладающая членной формой (словосочетание) и исполняющая во фразе целевую синтаксическую функцию (член предложения). Номинативность ФЕ имеет лексический характер» [2, с. 65]. Однако, В.И. Ярцева противопоставляет сказанному выше тот факт, что «словосочетание нельзя рассматривать как соединение двух членов предложения, так как если словосочетание подвергать разбору синтаксических связей, то участие о словосочетании утратило бы всякий смысл. В.И. Ярцева приводит в доказательство тот факт, что члены предложения не могут существовать вне предложения, а словосочетания «существуют и вне предложения, выделяясь на базе предложения и уподобляясь в этом отношении словам» [цит. по 6, с. 11]. Зачастую сочетаемость слов обуславливает те или иные значения слов, что, по мнению В.В. Виноградова, возникает только в сочетаниях [4, с. 59]. Слова, входящие в состав фразеологизма создают своеобразный, колоритный, национально-культурный общий смысл всего высказывания, что называется идиоматичностью, следовательно, можно рассматривать фразеологизм как идиоматическое сочетание. В.И. Телия не выделяет фразеологию как особую лингвистическую дисциплину, придерживаясь того мнения, что, несмотря на тот факт, что «лингвистическая наука шла к выделению фразеологического состава языка из общей системы его выразительных средств», но «мнению лексикографической практики во многом способствовала развитию фразеологии как особой лингвистической дисциплины» [9, с.22]. Исследователи фразеологического состава языка до сих пор не могут прийти к единому мнению о том, что понимать под объемом фразеологии. На данный момент по этому вопросу не существует единого мнения. Некоторые включают в состав фразеологии все устойчивые словосочетания вместе с пословицами, поговорками, крылатыми выражениями и афоризмы, другие исследователи ограничивают область фразеологии каким-либо одним классом устойчивых словосочетаний. В узком смысле фразеология рассматривается в работах Б.А. Ларина, Н.И. Амосовой, А.М. Бабкина, А.И. Молоткова, В.П. Жукова и др. В широком смысле фразеология встречается в работах В.А. Архангельского, Н.М. Шанского. Точки зрения, которой придерживаются такие А.В. Кунин, А.Д. Райкингейн находятся в промежуточной позиции между широким и узким пониманием значения фразеологии, говоря о том, что в объем фразеологии должны быть

включены словосочетания и предложения (пословицы и т.ч.) с полным и частичным пересмыслением компонентов и устойчивостью фразеологического характера. Из состава фразеологии исключаются только устойчивые словосочетания с буквальным значением [5, с.184].

В.И. Телия пишет, что «широкий объем фразеологии можно определить как все то, что воспроизводится в готовом виде, не являясь словом. Этот критерий не структурно-семантический, а чисто узуальный: все сочетания слов (непредикативные и предикативные), которые воспроизводятся в речи в соответствии с узусом употребления – фразеологизмы. Иными словами, все устойчивые сочетания слов, независимо от их характерологических признаков, – предмет фразеологии» [8, с.58-59].

Из вышесказанного следует, что пока еще в лингвистике не существует единого мнения по многим пунктам фразеологической науки, многое остается спорным, поэтому выбор того или иного положения зависит полностью от целей проводимого исследования. Но, все же, если говорить о национально-культурной специфике фразеологической науки, то здесь мы полностью согласны с мнением Мирейлы Ахмади (Исламская Республика Иран) в том, что фразеологизмы нужно рассматривать в их широком понимании. Данный подход позволяет охватить разные виды устойчивых словосочетаний и предложений и может обеспечить полное и объективное отражение разнообразного материала в толковых и переводных словарях общего типа [6, с. 16]. Именно при широком понимании фразеологии, «во фразеологизмах ярче отражается история, культура, быт, традиции и другие национальные особенности той или иной социокультурной общности» [6, с.19].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Балди Ш. Французская стилистика, М., 1961, в 2-х томах.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного, М., 1990
3. Виноградов В.В. Лексикология. Лексикография. Основные понятия фразеологии как лингвистической дисциплины, М., 1977.
4. Виноградов В.В. Русский язык, М., 1947
5. Кунина В. Изучение фразеологии в советском языкознании // ИЯШ, 1967 № 5.
6. Мирейла Ахмади Национально-культурная специфика русской фразеологии (с позиции носителя персидского языка), М., 1999.
7. Поливанов Е.Д. Введение в языкознание для востоковедческих вузов, Л., 1928.
8. Телия В.И. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты, М., 1996.
9. Телия В.И. Тысяч языковых значений. Связанное значение слова в языке, М., 1981.
10. Шанский Н.М. Фразеологизмы как языковые единицы и предмет фразеологии // Проблемы устойчивости и вариативности ФЕ, Тула, 1968

К РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Е.А. Сорокина

Волгоградский государственный педагогический университет

Анализ англосаксонских, готских, древнескандинавских письменных памятников позволил выявить ряд терминов, обозначающих социальные объединения людей. Ср.: гот. *Winda* «народ»; др. - нсл. *þjóð* «народ»; др. - англ. *deod* «народ»; др. - англ. *dryht* «топа, армия, множество слуг, народ»; др. - нсл. *drott* «домочадец, народ».

Присутствие в данных языках исследуемых терминов дает возможность предположить их существование в период праргерманской языковой общности, что позволяет

реконструировать общегерманские термины **þendi-*, **druxtiz*.

Формы социальной организации древних германцев долгое время привлекают внимание исследователей. К большому сожалению, в современной науке нет единого мнения по поводу структуры социального строя древних германцев, так как дошедшие до наших дней сведения и артефакты немногочисленны. В связи с этим, попытка реконструировать первичные значения данных терминов смогут, позволят в некоторой степени пролить свет на решение данной проблемы.

Несмотря на многочисленность дошедших до наших дней готских письменных памятников, в основном религиозного характера, установление значения *þiuda* не вызывает затруднений, так как во всех контекстах четко прослеживается тема «язычишко». Ср.: *ih þiudus þessi ni kunnun eigi* – «народ, который не знал Бога (Thes. I, 4 : 5). То же значение отмечено нами и в англосаксонском материале. Ср.: *þæt was fremde þeod ecean dryhtne* – «Это был народ, чуждый Богу» (Boock. 1693).

Можно утверждать, что древнегерманским термином **þendi-* назывался народ или группа людей, объединенных отличиями от последователей Христа верованиями.

Действительно, не только лингвистические, но и исторические, а также археологические данные подтверждают принадлежность германцев язычеству. Так, археологами найдены древние святилища и места культа, многочисленные деревянные идолы и наскальные изображения, носившие языческий характер, а находки о странных кровавых языческих обрядах подтверждаются информацией из произведений Страбона, Тацита, Проклпия Кесарийского и Иордана [2; 159 – 182].

Более многочисленный англосаксонский материал позволяет выявить ряд дополнительных значений. Во-первых, значение принадлежности к какому-либо этносу. Например, в Англосаксонской хронике отмечено: *Her Gregorius papa sende to Brytene Augustinum, mid wel monegum tmeccum, þe Godes word Engla þeoda godspelledan* – «Папа Григорий послал в Британию Августина с множеством монахов, чтобы проповедовать Евангелие народу англо» (596).

Во-вторых, каждый *þeod* имел свою определенную территорию проживания, возможно, заселяемую из поколения в поколение. Ср.: *Godenad ðæs þæt on ðissum lyltan pearce þe wē ar unþ spræcon biðigad swiðe manega þeoda and swiðe micsca and swiðe unþelca, arþer ge on spræce ge on þeowum ge on eallum sidum ealra þeora þeoda þe gē nā wilnād swiðe unþemellice þæt gē scylen fowerne nomun ofer iðhrædan* – «Думаю также, что на этой небольшой **огороженной земле**, о чем мы говорили раньше, обитал многочисленный народ, очень разнообразный (разношерстный) и непохожий. Каждый из них ни язык, ни традиции, ни землю больше своего народа не желает. Очень необузданный, что должен себе захватывать земли за пределами своей территории» (Boeth. 24).

В-третьих, данное сообщество людей объединяли общие традиции. Ср.: *Off we ofersegon bi sæm tveotum þeoda þeawas* – «Насто мы сели между морями по **традиции** нашего народа» (Guth. 267).

В-четвертых, один и тот же термин *þeod* употреблялся как для обозначения народа, так и языка, на котором он говорил. Ср.: *þeoh ðe soofan men sittan on middaneards, and heo nihton spræcan on ærþwylcere þeode ðe betwux heofonum and eorðan wære* – «Между тем семь человек сидят на земле (во вселенной), и они могли **говорить** на каждом языке между небом и землей» (Wulfst. 214).

Итак, англосаксонский материал позволяет определить *þeod* как социальное объединение людей, проживающих на постоянных территориях, принадлежащих к одному народу, имеющих общие традиции, религию и язык.

Согласно археологическим данным у англосаксов выделялась особая социальная группа, состоящая приблизительно из 15 – 36 индивидуумов, проживающих в нескольких отдельно стоящих домах или поселениях, но объединенных общим местом захоронения соплеменников [1; 125]. Можно предположить, что именно *þeod* и являлся такой группой людей.

Интересный материал представлен в древнеисландских письменных памятниках. Анализ контекстов показал частое употребление *þjóð* в сочетании с названиями племен и народов. Например, в Песне о Хледе (Hlöðskviða) отмечаем: *Ar kvæðu Hunta / Hinnum ráða, / ... Alþek / þa frakni / enskri þjóðu* – «Как говорят, Хуми / гунами прожина... Алрек Храбрый / **англов народом**» (1). Подтверждается и общность территории проживания. Ср.: *En norðan / at Svartuhafi gengr Svþjóð hin mikla eða hin kald, ... fettr á um Svþjóð* – «На север от Черного моря можно дойти до **Швеции** (земли свефов) Великой, или Холодной ... течет река по Швеции (YnglS: 1).

Интересные сведения о количестве человек в *þjóð* обнаружены в «Младшей Эда» Снорри Стурлусона, которые совпадают с археологическими выводами, полученными для англосаксонского периода. Ср.: *drótt eru tuttugu menn / þjóð eru þeir tigr* – «Дружину составляют двадцать человек. / **Народ** – это тридцать человек» (Sn.Edd. 82).

Таким образом, семантическая реконструкция первичных значений терминов *þeod*, *þjóð*, *þjóð* позволяет определить древнегерманское **þiudo-* как социальную группу людей от 15 до 35 человек, принадлежащую к одному народу, язычишко по верованиям, проживающую на территориях, объединенных единым местом захоронения, имеющую собственные традиции и язык, т.е. образующую этническую общность, единый этнос.

Социальный статус **druxtiz*-у древних германцев на настоящий момент не известен.

В готских текстах отмечено слово *go-druxtiz* «солдат, воин, страж», где доживается префиксом существительных со значением «совместность» [3; 207]. Ср.: *þu nu arþaldis ðæz godz gadruxhtis Xristian lættis* – «Ты, поэтому, будь тверд как хороший солдат Христа» (Пис II. 2, 3).

Более обширный материал представлен в древнеисландских письменных памятниках. В обоих языках отмечены слова, восходящие к **druxtiz* со значением «воин». Ср.: др. - англ. *Hleðed wifodun; árhta gedrynst* – «1 гером восторгались, **народа (армии)** ликования» (Ex. 79); *Drón þótti ná dagfring vora, kvæðu með ymum góð ár komin; sjálf gekk vísi ör vígþrúna umgum fetra úrlaak gram* – «Дружина судила — взглядом станет, доброе время настало для воинов; вождь приехал, битву поклянув, аук бачи ординар герою вручил он» (Hei.N., 7).

Казалось бы, все данные позволяют реконструировать **druxtiz* как «воин». Однако обращение к другим и.-е. языкам выявляет дополнительные смыслы. Так, **druxtiz* выходит к и.-е. **druhgh-* < **dher-*: **dher-* «поддерживать», «поддерживать», «держат» (4; 252 – 255). Принцип прочности и надежности четко прослеживается в семантике следующих слов: слав. *друже* «друг, товарищ»; лит. *draugas* «друг, товарищ»; латыш. *drūz* «друг»; скр. *drūti* «упорство, твердость», *drūti-varta* *drūti* «серный обет», «преданный». Принцип единства и совместности отмечен в русск. *дружина* – «оказывать военную помощь», «согласиться в походе»; др.-ирл. *drong* «чужаки, отряд» [6; 270, 5; 308, 723].

Можно предположить, что для древнегерманской языковой общности **druxtiz* характеризовалась принадлежностью к определенной социальной группе, члены которой осуществляли совместную деятельность, для которой требовалась взаимномощь, надежность, верность. Возникает закономерный вопрос: а какую функцию выполняли члены этой группы?

Как отмечалось выше, социальная функция **druxtiz* заключалась в охране соплеменников. Отсюда тема «вооруженный человек». Однако вряд ли на ранней стадии развития первобытного общества эта роль была основной. Можно предположить, что изначальной функцией **druxtiz* было добывание пищи для соплеменников. Сема «оформления, добычи» выявляется в производном слове **druxtan*, главная и основная социальная функция которого, вероятно, заключалась не только в добывании этих благ, но и в их **распределении**. Отсюда значение «охотник», т.е. тот, кто ищет и распределяет. Ср.: др. - исл. *Harðr reis á kúe hafra dróttinn, ferðisk allra í ásmegin* – «Встал, колени согнув, хозяин козлов, всю силу аса собрал и направил он» (Нум., 31); др. - англ. *Her apeltan cyming, eorla*

	ящик	
Теле - (греч. - tele)	- далеко	Телевидение
Уни - (лат. - unius)	- один	Университет

Отметим еще один способ работы с заимствованными словами – сопоставления трудного в орфографическом отношении слова с однокоренным словом того иностранного языка, который ученик изучает. Особый эффект работы с такими словами наблюдается в тех случаях, когда ударение в русском слове не совпадает с ударением в сравниваемых языках и помогает запомнить трудную орфограмму.

В данном случае эти методические разработки не противоречат мысли о том, что нужно не учить детей, а сохранять мотивацию ребенку к освоению окружающего мира, поддерживать его стремление быть самостоятельным и ответственным учеником.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арбатский Д.И. Использование этимологии для раскрытия значений слов // РЯШ. 1972. № 3. с. 33.
2. Разумовская М.М. Русский язык: Учеб. для 5 кл. общеобразоват. учреждений. М.: 2000. с. 185.
3. Чередищенко А.П., Глашвина Л.А. Историко-лингвистический комментарий фактов современного русского языка: сборник таблиц, упражнений, материалов для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов. М.: 2005. с. 131.

СЕКЦИЯ 6. ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

АВТОРСКИЙ ПЕРЕВОД КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОЕ СРЕДСТВО

(на материале стихотворного произведения Сэмюэля Дантэла «Сонет»)

И.И. Кривых

Астраханский государственный университет

Широкий диапазон языковых средств позволяет передавать определенную информацию и сопряженные с ней эмоциональные аттитудные оттенки в различных условиях коммуникации.

В случае с текстом на иностранном языке необходимо принимать во внимание, что позиция и отношение автора оригинального текста к предмету коммуникации в той или иной степени искажено авторским видением переводчика. Речь, в любом случае, идет не о позитивной или негативной смысловой трансмиссии, а о том, как авторский перевод, не дословный, а литературный, позволяет передать общее содержание текста с одновременной саморепрезентацией.

Ниже приведено произведение Сэмюэля Дантэла (1562-1619) и авторский стихотворный перевод.

Care-charmer Sleep, son of the sable Night,
 Brother to Death, in silent darkness born,
 Relieve my languish, and restore the light,
 With dark forgetting of my care return.
 And let the day be time enough to mourn

126

The shipwreck of my ill adventured youth;
 Let waking eyes suffice to wait their scorn,
 Without the torment of the night's untruth.
 Cease, dreams, the images of day-desires,
 To model forth the passions of the morrow;
 Never let rising Sun approve my lars
 To add more grief to aggravate my sorrow:
 Still let me sleep, embracing clouds in vain,
 And never wake to feel the day's disdain.

Благословенный Сон, ребенок мудрой Ночи,
 Рожденный в тишине могильной темноты,
 Меня он более утешит и не прочит,
 Томленье снять до светлой поры.
 Пусть день безжалостно дает понять
 Что серо, скучно молодость прошла,
 Растертым глазам презрению не внять,
 Ночным обаям сила не дана.
 Остановись, мгновенье, и желанный лик
 Позволь залечить как сказку бытия
 С рассветом сладкой лжи исчезнет миг,
 Тоскливо-горестно вздохнет печаль моя.
 Уж лучше Сон, иллюзий лучше счастье,
 Чем будничной трясины быть во власти.

В авторском переводе передано общее содержание стихотворения. Сохранены некоторые стилистические экспрессивные средства. Так, например, персонификация в оригинальном тексте через нарицательные существительные, написанные с заглавной буквы (Sleep, Night) сокращена в переводе (Сон, Ночь); аллитерация в оригинальном тексте (death, darkness) переведена в перевод (тишина темноты).

Одновременно с этим на лексическом уровне наблюдается выраженная выборочная акцентуация и достаточно свободная интерпретация фонетической составляющей.

В первом предложении оригинального текста дословный перевод – «сын черной Ночи»: в авторском переводе это звучит как «ребенок мудрой Ночи». Негативная коннотация оригинала дает соответствующий эмоциональный настрой читателю на английском языке, в то время как позитивная коннотация слова «мудрая» в переводе задает совершенно иную тональность.

Но далее в оригинальном тексте явно ощущается призыв: «Облегчи томление и верни свет», в то время как в авторском переводе выражено сомнение: «Меня он более утешит и не прочит».

Последующая фраза английского текста: «пусть хватит дня, чтобы погоревать о крушении молодости с нехорошими приключениями» в авторском переводе приобретает большую экспрессивную насыщенность, «пусть день безжалостно дает понять, что серо, скучно молодость прошла» (звучит «безжалостно», аллитерация «серо, скучно»).

Авторский литературный перевод несколько искажает смысл строк английского текста «Прекратите, сны, образы дневных желаний, продолжайте создавать страсти завтрашнего дня», поскольку звучит как: «Остановись, мгновенье и желанный лик позволь залечить как сказку бытия». Очевидно, что импликация оригинальных строк – негативное восприятие обманывающих снов, в то время как импликация в авторском переводе – восприятие сна, как блага и желание его продлить.

В завершающем четверостишии импликация однозначна – неприятие реальности и предпочтение сна.

127

Но если автор оригинального текста посредством стилистических приемов причиной «усиления печали» выдвигает Солнце, определяя кульминационным моментом «шестую попытку обнять облака», а развязкой «желание никогда не проспать, чтобы не почувствовать пренебрежение дня», по иному акценты расставлены в авторском переводе.

Не прослеживается явной зависимости псалма от света нового дня, но подчеркивается глубина состояния через фразу «только горестно вздохнет печаль моя». «Серым будням» противопоставляется «часть иллюзий сна».

В целом, перевод «мягче» оригинала, поскольку стилистика последнего, от первого до последнего предложения, последовательно передает оригинальную авторскую импликацию: Сон – Брат Смерти и это предпочтительнее разочарований жизни. В авторском же переводе Сон выступает как убежище, выход от жизненных разочарований, а Ночь (ночь но не смерть!) – сладким, временным, иллюзорным спасением.

На основании вышеприведенного анализа некоторых особенностей перевода текста поэтического жанра представляется, что при всей адекватности смысловой трансмиссии присутствует субъективный фактор. Как бы не был точен авторский литературный перевод, он делается через призму собственного «Я» и потому сам по себе является стилистическим репрезентативным средством.

ИНТЕРАКТИВНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ МЕТАКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ВУЗА

С.А. Алферова
Астраханский государственный университет

Активное развитие мировой цивилизации на современном этапе в полном разгаре, данная тенденция характеризуется процессами глобализации во многих сферах деятельности человека. Идея формирования и развития специалиста, профессионала нового типа актуальна: сейчас, и в будущем, увеличивается спрос на дипломированных и квалифицированных специалистов в разных областях жизни и деятельности, которые будут способны самостоятельно, без помощи переводчиков, ориентироваться в процессе межкультурной коммуникации, компетентно и быстро решать проблемы общения на английском языке-посреднике с представителями различных стран и культур.

Без сомнений, от профессионального специалиста заказчики ожидают многого, в том числе, возможности получать необходимую информацию вовремя и уметь быстро и качественно синтезировать и анализировать ее, а также инициативности в продуцировании решений проблемных и прагматических задач в межкультурной коммуникации, которая характеризуется высокой степенью интерактивности.

По нашему мнению, такие условия реальной жизни приводят к изменению целей, стоящих перед преподавателями английского языка, и заставляют нас использовать метод сотрудничества в обучении-подготовке к межкультурной коммуникации, усиливать интерактивную сторону овладения английским языком.

Сотрудничество – это совместная деятельность, в процессе которой «сотрудники» находятся вместе в одном времени и месте, имеют общую цель, организуют деятельность и управляют ею, делят между собой действия и функции, относятся друг к другу толерантно. В процессе сотрудничества на уроках английского языка трудные мыслительные задачи решаются более успешно, новый материал понимается и активизируется в речи лучше и быстрее, общий уровень коммуникативных умений повышается.

В активном взаимодействии друг с другом студенты не только обмениваются знаниями, но и учатся общаться. Процесс обучения межкультурной коммуникации на английском языке-посреднике – процесс двусторонний, в котором приобретают многого как студенты, так и преподаватель.

Учебное сотрудничество максимально полно может быть реализовано в рамках коммуниктивно-деятельностного подхода к обучению, специфической особенностью которого является попытка приблизить процесс обучения по его характеру к процессу реальной коммуникации. Тем не менее, при обучении студентов I курса (общеобразовательный уровень) неязыковых специальностей вуза, соблюдение таких основных принципов коммуниктивного метода, как речевая направленность, индивидуализация при ведущей роли личностного аспекта студента, функциональность, ситуативность, новизна, не всегда дают оптимальные результаты.

В последние годы в методике преподавания иностранных языков мы можем наблюдать тенденцию к переходу от коммуниктивного подхода к его вариации – интерактивному подходу, который был предложен западными методистами. Однако, адекватное понимание самого термина «интерактивный подход» отсутствует в методической литературе.

У.Ривере отожествляет его с коммуниктивным подходом и определяет интерактивный метод как модифицированный прямой метод, включающий ряд других методов[4, с.74]. То есть, интерактивная модель овладения языком предполагает, что обучение происходит во время и в процессе участия в речевых актах.

В противоположность этому взгляду, Н.В.Багрова приходит к мнению, что основное внимание при коммуниктивно-интерактивном подходе уделяется самому процессу коммуникации и учебной ситуации в аудитории[1, с.104], а во время как коммуниктивное обучение ставит в центр внимания коммуникативные функции языка.

Данная точка зрения согласуется с выводом А.А.Леонтьева о том, что взаимодействие (интеракция) определяется общением, благодаря общению (в нашем случае, межкультурной коммуникации) люди могут вступать во взаимодействие, а не наоборот. «Взаимодействие, интеракция – это коллективная деятельность, которая рассматривается нами не со стороны содержания или продукта, а в плане социальной ее организации»[2, с.29].

Б.Д.Парыгин рассматривает общение как двустороннее явление: по содержанию – это «коммуникативный процесс взаимного выравнивания психического состояния и обмена информацией», по форме – это поведенческий аспект, реализуемый в процессе интеракции, то есть взаимодействия людей, их поведения по отношению друг к другу»[3, с.50].

Далее Б.Д.Парыгин полагает, что на свою очередь, как коммуникация, так и интеракция могут одновременно каждая в отдельности рассматриваться как со стороны формы, так и со стороны содержания». Содержание коммуникации – это «восприятие, понимание, взаимопонимание, содержание коммуникации – это «воображение, форма – вербальные и невербальные средства коммуникации; содержание интеракции – это «особенные отношения – экономические, правовые, политические и другие», форма интеракции – действие, противодействие, конфликт, кооперация, дифференциация, интеракция и т.д.»[там же].

Следует принять во внимание тот факт, что и во время занятий по английскому языку, и в реальных ситуациях межкультурной коммуникации, студенты и специалисты вступают в определенные социальные отношения, а по форме их совместная деятельность может выражаться в любом виде из вышеперечисленных (конфликт, кооперация и т.д.). Таким образом, интерактивный подход наиболее приемлем в обучении межкультурной коммуникации студентов неязыковых специальностей, в рамках которого интерактивное общение – это выработка тактики и стратегии взаимодействия, организация совместной деятельности.

Мы понимаем интерактивный подход к обучению межкультурной коммуникации как активное взаимодействие всех участников учебного процесса (включая и самого преподавателя), при котором происходит взаимообогащающий обмен информацией на английском языке (в реальных ситуациях межкультурной коммуникации – на английском языке-посреднике) и приобретение умений межкультурного общения.

Целесообразно выделить основные методические принципы интерактивного подхода:

1. В учебном процессе главное место занимает взаимное общение на английском языке, при этом внимание сосредоточено на принятии и продуцировании различной типичной информации, одинаково интересной для всех участников, в ситуации, важной для всех.

2. Метакультурная коммуникация является совместной деятельностью, которая характеризуется взаимодействием трех составляющих: производителя информации, инициатора общения; получателя информации, реагирующего на инициацию; проблемного или прагматического ситуативного контекста. Метакультурная коммуникация – симметричная, осуществляемая в речевой ситуации с равноправными коммуникантами (ни один из которых не является носителем английского языка, напротив, партнеры по коммуникации на английском языке – посредники – из разных стран, у каждого – свой родной язык).

3. Изменение традиционной роли преподавателя в учебном процессе, переход от авторитарного стиля общения к демократическому стилю. Доминанта преподавателя сокращается и это позволяет приблизиться к свободной симметричной метакультурной коммуникации, в которой проблематизируются мнения, цели, нормы, ценности, решаются прагматические задачи коммуникации. Отсутствует принуждение к деятельности, в качестве единственного мотива остается кооперирующая готовность к пониманию.

4. Рефлексивность обучения, которая охватывает и преподавателя, и студентов, становится важной характеристикой процесса обучения. Рефлексивное обучение – это сознательное и критическое осмысление действия, в том числе и речевого поведения, его мотивов, качества, результатов. Студенты выражают собственное отношение к содержанию учебной деятельности, что предполагает его критический анализ и изменение в нем. Из коммуникативного опыта в ситуациях деятельности возникает новый опыт, подкрепляющий навыки метакультурной коммуникации.

Следовательно, как справедливо замечает Н.В.Баграмова, в процессе обучения метакультурной коммуникации невозможно ограничиться обучением информационному общению, необходимо включить другие виды общения и, главным образом, интерактивное общение [1, с.107].

Интерактивное общение требует развития многих умений, в том числе следующих: умение общаться в мультилингвистическом и поликультурном мире; быть максимально открытым и свободным в гражданском общении; участвовать в деятельности, организовывать ее и адекватно реагировать; справляться с возникающими проблемами и задачами коммуникации; не утратить достоинства россиянина; активно участвовать во всех сторонах процесса обучения метакультурной коммуникации.

Итак, при организации учебного общения на занятиях по английскому языку со студентами неязыковых специальностей следует придерживаться принципов интерактивного подхода к обучению метакультурной коммуникации, которая наиболее возможна в повседневной и профессиональной деятельности специалистов различного профиля, особенно в области международной журналистики, мировой экономики, международного права.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баграмова, Н.В. Лингво-методические основы обучения лексической стороне устной речи на английском языке как вторым иностранным в педагогическом вузе: Дис...док.пед.наук / Н.В. Баграмова – СПб., 1993. – 504 с.
2. Леонтьев, А.А. Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности / А.А. Леонтьев – М.: УРСС, 2003. – 243 с.
3. Парыгин, Б.Д. Основы социально-психологической теории / Б.Д. Парыгин – М., 1971. – 328 с.
4. Rivers, W. Teaching Foreign Language Skills / W. Rivers – Chicago, 1970. – 289 p.

КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ РЕАЛИЙ В ПЕРЕВОДЕ

М.Л. Алексеева

Уральское отделение Российской Академии Наук

Статья посвящена проблематике языковых реалий, выявлению основных характеризующих признаков данного слоя лексики с целью дальнейшего изучения особенностей их передачи на иностранный язык и оценки качества вариантов перевода.

Реалии являются объектом изучения нескольких филологических наук: переводоведения, лингвострановедения, лингвокультурологии, этнолингвистики и теории метакультурной коммуникации, причем в каждой из них они понимаются по-разному. В переводоведении данный термин появился в 40-х годах XX века для обозначения национально-специфического объекта или явления, а для названия соответствующего уникального объекта и явления термин «реалия-слово» [9; 26]. В настоящее время в работах по теории и практике перевода термином «реалия» называют и сам денотат (предмет), и его культурный эквивалент (концепт), и слово, его обозначающее. Однако, изучая слова-реалии, лексикологи расходятся в определении объема данного понятия, включая в их круг ономастическую лексику, фразеологизмы и преседентные феномены.

Неследуя реалии как категорию переводоведения, рассмотрим один из характеризующих признаков: безэквивалентность.

В российском переводоведении реалия традиционно соотносится с понятием лексической безэквивалентности: Г.В. Шатков, 1952; Г.В. Чернов, 1958; Л.Н. Суболя, 1952; А.В. Федоров, 1983; А.Д. Швейцер, 1973; Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, 1973, 1990; Я.И. Ревкер, 1974; Л.С. Баркударов, 1975; С. Вайхов, С. Флорин, 1980, 1986; Р.Х. Мильяр-Белоручев, 1996; Н.Ю. Зотова, 1986; В.Н. Комиссаров, 1990; Н.Н. Миронова, 1997; А.С. Мамонтов, 2000; И.А. Иванова, 2004, а в немецкой — нулевой эквивалентности: O. Kade, 1968, 1978, W. Kutz, 1978; W. Koller, 1992; R. Stolze, 1994. Причину этого лежит по-видимому в различном подходе к выявлению типов лексических соответствий при сопоставлении единиц языка источника и языка перевода на системном уровне. В отечественной переводческой традиции выделяют три типа соотношений:

- 1) в тексте перевода нет словарного соответствия тому или иному слову исходного текста вообще или в данном его значении — отсутствие соответствия;
- 2) соответствие является неполным, то есть лишь частично покрывает значение иноязычного слова — частичное соответствие;
- 3) различным значением многозначного слова подлинника соответствуют различные слова в языке перевода, в той или иной степени точно передающие их, — полное соответствие [1; 74, 10; 133].

В первом случае говорят о лексической безэквивалентности. Немецкие лингвисты различают 4 типа лексической эквивалентности:

- 1) соответствие 1: 0 (die Eins-zu-Null-Entsprechung)
- 2) соответствие 1: 1 (die Eins-zu-eins-Entsprechung)
- 3) соответствие множество: 1 (die Viele-zu-eins-Entsprechung)
- 4) соответствие 1: часть (die Eins-zu-Teil-Entsprechung) [12; 81, 13; 228, 14; 88].

В первом случае речь идет о нулевой эквивалентности. Мы придерживаемся точки зрения отечественных ученых, называя безэквивалентными — слова, которые не имеют ни полных, ни частичных соответствий среди лексических единиц другого языка, так как план содержания этих слов невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями [10; 184, 3; 42, 5; 147, 6; 2]. Природа лексической безэквивалентности помогает переводчику преодолевать связанные с ней трудности.

Л. К. Латышев выделяет четыре класса безэквивалентной лексики, исходя из ее природы: 1) реалии: результат отсутствия в опыте носителей языка перевода предмета или

явления, обозначаемого лексической единицей языка источника; 2) временные безэквивалентности: результат неравномерного распределения достижений науки и техники, социальных новшеств; 3) случайные безэквивалентности: в каждом отдельном случае причина не ясна, общее объяснение: несомнение членения реальности разными языками; 4) структурные экзотизмы: невозможность структурировать средствами языка перевода аналогичное компактное наименование для предмета или явления [5: 160]. Эта классификация легла в основу ряда работ, посвященных проблемам перевода безэквивалентной лексики. Из-за отсутствия обозначаемого предмета в опыте носителей языка перевода (денотата) принято говорить о денотативной безэквивалентности реалий.

В связи с этим некоторые лингвисты считают понятие «перевод реалий» условным, поскольку реалии, с одной стороны, как правило, непередаваемы, с другой стороны, они передаются (в контексте) не путем перевода [4: 79]. В современном переводоведении используется и термин «передача», и термин «перевод» реалий [Солнцева, Фененко]. Однако перевод этого разряда лексики не сводится к поиску прямых соответствий в языке, а представляет собой более сложный процесс, состоящий в осмыслении культурного эквивалента и передаче содержания, формы, национального и исторического колорита средствами языка перевода.

Со временем некоторые реалии могут заимствоваться и осваиваться языком перевода, пополняя его словарный состав. Зафиксированные в словарях реалии перестают быть безэквивалентными. Таким образом, лексическая безэквивалентность имеет не абсолютный, а относительный характер и данный признак не является обязательным.

Вопрос о соотносительности реалий с определенной категорией языковых средств не нашел однозначного ответа. Некоторые ученые трактуют реалии довольно широко и считают, что они могут быть выражены отдельными словами (например, *царь*), словосочетаниями (*дом отцов*), сокращениями (*сорок, ШКАО*) [2: 98].

Изучая этот вопрос мы обратились к пяти романам Ф. М. Достоевского: «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание». Исходя из принятого определения к реалиям относятся только слова и/или номинативные словосочетания, семантически равными слову. Методом сплошной выборки такого рода лексика была отобрана в произведенных писателем. Из 214 выявленных в художественных текстах реалий только 26 словосочетаний: *монастырский мёд, монастырский квас, явар с мёдом, белая ива, лещинка ива, разварная рыба, котлеты из красной рыбы, поросенок с кашей, белая ива, дворовая ива, подседь ива, постылый двор, избушка на курьих ножках, предурный змей, генерал-губернаторство, коллежский ассессор, надворный советник, статский советник, предводитель дворянства, квартальный надзиратель*. Возможны и сокращения, однако в нашем материале такая форма реалий не встречается.

В плане содержания отличительной чертой реалий является тесная связь денотата с определенным народом, его культурой и историческим отрезком времени. Благодаря этой принадлежности денотата слово приобретает специфическую окраску, которая получила название «национальный и исторический колорит». Понятие «колорит» пришло из лингвистическую науку из искусствоведения и имеет значение «совокупность особенностей [эпохи, местности], своеобразие чего-либо» [8: 21]. Национальный и исторический колорит является частью коннотативного значения реалий, а следовательно, подлежит переводу наравне с денотативным. Его стирание лишает лексическую единицу статуса реалии.

Реалия теряет свой статус также при употреблении в переносном значении, в качестве тропов (*жить как в лохани*), в устойчивых сочетаниях, фразеологизмах (*Я умею на хлебе с квасом целый месяц просидеть, потому что у меня есть характер: тоский как блин; ни копеечки*); при образовании производных слов: *богатырь* – богатырское здоровье, *сажень* – сажеными шагами (*Ну, известно, приторщик кровь-китюк, а хозяйство копейное*). Прямое значение почти перестает чувствоваться, национальное и историческое своеобразие стирается и переводчики используют свои аналоги. Как, например, при переводе романа «Бесы» ни один немецкий переводчик не сохранил реалию *лохань*, употребленную в

переносном значении:

- ... а между тем принужден жить в лохани, ...
- ... während ich gezwungen bin, im Schmutzkübel zu leben, ... (пер. Э.Радзи)
- ... während ich genötigt bin, in einem Spülleimer zu leben, ... (пер. X.Рель)
- ... indessen bin ich gezwungen, in einem Dreckeimer zu hausen, ... (пер. М.Котель)
- ... indessen bin ich genötigt, in einem Dreckeimer zu hausen, ... (пер. С.Гайер)

Таким образом, обязательными признаками реалий являются уникальность обозначаемых ими денотатов, их принадлежность только одной стране, ее культуре в определенный период времени, а также соотносительность со словом (имена нарицательные) или с доминативными словосочетания, семантически равными слову.

Знание природы лексической безэквивалентности реалий, их особенностей, места среди других категорий языковых средств поможет выделить их из всего слоя безэквивалентной лексики и изучить закономерности передачи на иностранный язык.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов. — М.: Межд. отн., 1975.
2. Вайсбург, М. Л. Реалии как элемент страшеведения / М. Л. Вайсбург // Русский язык за рубежом. — 1972. — № 3.
3. Верещанин, Е. М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного слова / Е. М. Верещанин, В. Г. Костомаров. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Русский язык, 1990.
4. Влахос, С. И. Непередаваемое в переводе / С. И. Влахос, С. П. Фларин. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Высш. шк., 1986.
5. Латышев, Л. К. Технология перевода: учеб. пособие. — М.: НИИ — Тезаурус, 2001.
6. Нейлович, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нейлович. — М.: Флинта, 2003.
7. Солнцева, Е. М. Анализ требований к переводу названий реалий и моделирование процесса перевода / Е. М. Солнцева // Общественные науки: вопросы теории и практики. — М., 1999.
8. Томахин, Г. Д. Реалии через американизмы. — М.: Высш. шк., 1988.
9. Федоров, А. В. О художественном переводе / А. В. Федоров. — Л.: Изд-во ОГИЗ, 1941.
10. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода. Лингвистические проблемы / А. В. Федоров. — СПб.: Филология, 2002.
11. Фененко, Н. А. Французские реалии в контексте теории языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Фененко; ВГУ. — Воронеж, 2006.
12. Kade, O. Zufall und Gesetzmäßigkeit in der Übersetzung / O. Kade // Beihefte zur Zeitschrift Fremdsprachen. — 1968. — № 1.
13. Koller, W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft / W. Koller. — Heidelberg; Wiesbaden: Quelle & Meyer, 1992.
14. Stolze, R. Übersetzungstheorien: eine Einführung / R. Stolze. — Tübingen: Narr, 1994.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ СЛОВ-ЗАМЕСТИТЕЛЕЙ

Л.Д. Кривых
Астраханский государственный университет

Развитие науки и техники в наше время немалозначимо без широкого обмена специальной информацией между людьми, говорящими на разных языках. Умение переводить научную и техническую литературу приобретает особое значение.

Многолетний опыт преподавателя английского языка показывает, что для успешного

обучения чтению, пониманию и адекватному переводу научно-технической литературы необходимо обращать особое внимание на специфику английского и русского языков, стиль, различия в структурном отношении.

Несовпадения в строе двух языков неизменно вызывают необходимость в лексических и грамматических трансформациях. Эти несовпадения бывают либо полными, либо частичными.

Таким образом, отсутствие соответствующей формы, частичное совпадение, различие в характере и употреблении формы вызывают при переводе необходимость грамматических трансформаций, которые могут быть сведены к четырём видам: перестановки, замены, добавления и опущения.

Остановимся на таком виде грамматической трансформации как опущение. В английском языке наблюдается очень интересное явление – наличие большого количества разнообразных слов-заместителей (prop-words). Они бывают, в основном, местоимения и глаголы. Местоимения: one, ones, this, that, these, those, mine, ours, his, hers, theirs, yours и глаголы: to be, to do, to have, shall, should, will, would, can, could, may, might, must, ought, need, dare.

Широкое употребление слов-заместителей вызвано структурными особенностями английского языка, а именно его аналитическим характером, который требует с структурной завершенности предложения и строгого порядка слов. Опущение значимого компонента невозможно без подстановки заместителя. Это опущение являе всего диктуется стилистическими соображениями, а именно стремлением избежать повторения одного и того же слова, или желанием сделать высказывание более эфигатичным. Поэтому эфигатическое употребление слов-заместителей особенно характерно для устной речи, например, в так называемых disjunctive questions.

Например: David's computer is an old one, isn't it? Вель компьютер Дэвида старый? Местоимения one и it заменяют существительное computer.

Совершенно очевидно, что все слова-заместители не имеют предметно-логического значения, а только контекстуальное. Их необходимо соотносить с соответствующими глагольными формами или существительными, которые они замещают, и только тогда они получают лексическую осмысленность. Например: Strategic planning of the multinational company is far more complete than that for domestic business. Стратегическое планирование многонациональной компании гораздо более сложное, чем планирование хозяйственной деятельности внутри страны. Местоимение that в данном примере соотносится с существительным planning, которое при переводе приходится повторить.

Служебные слова that и those могут выступать в двух функциях: указательных местоимений и слов-заместителей. Поэтому при переводе предложений, в состав которых входят эти слова, необходимо помнить, что если после that и those стоит предлог, причастие или прилагательное, значит, они играют роль слов-заместителей упомянутых выше существительных и при переводе эти существительные необходимо повторить.

Например: Among the key problems those of the allotment of land and financing were listed. Среди основных проблем были названы проблемы выделения земельных участков и финансирования.

Интересно отметить, что слова-заместители this и these сохраняют свое значение указательных местоимений: этот (эта, это) и эти соответственно.

Например: This follows immediately from Theorem 1. Это непосредственно логически вытекает из теоремы 1.

Слово-заместитель one (если заменяется существительное по множественному числу, тогда используется форма ones) заменяет существительное, которое имеет определённое стоящее перед этим существительным. Например: This substance reacts 100 times as fast as the other one. Это вещество взаимодействует в 100 раз быстрее, чем другое вещество. Форма one заменяет существительное substance.

Among the disadvantages the following ones can be mentioned. Среди недостатков

можно упомянуть следующие (недостатки). Форма ones заменяет существительное disadvantages.

Слова-заместители представляют трудность при переводе еще и потому, что не всегда можно разобраться в структуре предложения и правильно соотнести их с соответствующими словами. В частности, глаголы-заместители можно разделить на полные и частичные заместители. Полным заместителем является глагол to do в Present Simple и Past Simple, который выступает как заместитель целого, т.е. он может замещать глаголы любого значения. К частичным заместителям относятся все остальные глаголы-заместители. Они выступают только как часть вместо целого, являясь как бы репрезентантом сложной глагольной формы.

"When I came here", she explained to Mary. "Nobody took any notice of me? So I thought. 'Well, I'll jolly well make them notice me; I'll be mad'. So I was, and they did." (M. Dickens, Mariata).

«Когда я приехала сюда, - объяснила она Мэри, - никто не обращал на меня внимания, и я подумала: ну, я уж их заставлю обратить на меня внимание; я прикинусь сумасшедшей! Я так и поступила и добилась своего.»

Данный пример является подтверждением вышесказанного. Кроме того, перевод, как всегда, зависит от контекста.

Итак, глагол do в роли глагола-заместителя обычно переводится тем глаголом, который он замещает, но можно сохранить его значение как смыслового глагола – делать, подразумеваемое действие, которое выражается заменённым глаголом, например: It is a mistake to believe, as does the author, that the latter activity was peculiar to the government.

Неправильно считать, как это делает (считает) автор, что последнее из упомянутых действий было характерно для правительства.

Необходимо помнить, что словами-заместителями глаголов-сказуемых могут быть первый вспомогательный глагол и служебное слово so. Например:

However, in practice certain attributes are defined when other attributes are not. Однако на практике некоторые характерные признаки выделяются, в то время как другие не выделяются.

Сказуемое are defined является множественным и для его замены используется первый вспомогательный глагол to be (форма are), выражающий временную характеристику. При переводе повторен смысловой глагол в том времени, на которое указывает вспомогательный глагол-заместитель.

Если смысловая часть смыслового сказуемого выражена прилагательным или наречием, то можно использовать служебное слово so для повтора. Например: Thus, connections that pass data are a necessary minimum. Not so the communications of control. Таким образом, каналы связи, по которым передаются данные, являются необходимым минимумом.

При переводе повторяется смысловая часть сказуемого.

В заключение необходимо отметить, что повтор очень распространён в английском языке, но он должен быть логически и стилистически оправдан. Иначе повтор воспринимается как стилистическое нарушение. Не смотря на широкое употребление слов-заместителей, они не имеют предметно-логического значения, а только контекстуальное. Перевод, как всегда, зависит от контекста.

ЯЗЫКОВАЯ И РЕЧЕВАЯ СПЕЦИФИКА НАУЧНОГО ТЕКСТА

Н.Д. Кручинкина
Мордовский государственный университет

Концептуальная стратегия научного текста является аргументативной по своему типу [4; 156]. Однако научный текст не является однородным в концептуальном плане. Научное

изложение проблемы в научном тексте может быть представлено в разных композиционных структурах. Когерентность любого текста, в том числе и научного, т.е. его целостность, обеспечивается связностью его конститuentов: их когезией [1; 78-80, 2; 260-261, 5; 271-273, 6; 603-605, 8, 9; 229-248].

Научные тексты относятся к стилю научного изложения, или научному стилю. В научном стиле представляются результаты научных исследований, научные рецензии, доклады, сообщения, описания процесса работы над решением научной проблемы, рефераты и авторефераты, диссертации, отчеты о научно-исследовательской работе, научные статьи, монографии, научные сообщения. Одни разновидности научных текстов (учебники и учебные пособия) предназначены для обучающейся категории речиспелентов и потому по коммуникативной стратегии должны в максимальной степени эксплицировать логику развития авторами представляемой проблемы. Научно-исследовательские тексты (диссертации, монографии, авторефераты, научные статьи, научные доклады) имеют своей целью убедить речиспелентов в правоте представляемой научной интерпретации исследуемых явлений, в адекватности выводов. Большая часть таких текстов имеет экспликативную и аргументативную составляющую.

В научных работах представляется теоретическое осмысление имеющихся объективных знаний об отражаемой в концептуальной интерпретации действительности (*Il reste à comprendre comment se forment les prototypes eux-mêmes* (Nyckoes)), анализ и синтез теоретических положений той или иной научной интерпретации, того или иного научного направления, той или иной системы взглядов на отдельную научную проблему, научное явление или на презентацию того или иного явления в новой интерпретации. Поэтому начало текста (главы, параграфа) часто представляет собой дефиницию исследуемого явления, понятия или их характеристику: *La métaphore est un trope par ressemblance, qui consiste à donner à un mot un autre sens en fonction d'une comparaison implicite* (Lehmann, Martin-Berthet).

Для научных текстов характерно наличие классифицирующих признаков, закономерностей, законов и категорий, научных принципов категоризации фактического материала, теоретических идей. Композиционно параграф или глава могут начинаться с дефиниции той проблемы, которая обозначена в титре: **MÉTONYMIE ET SYNECDOQUE**. *La métonymie et la synecdoque sont — à la différence de la métaphore — des changements référentiels* (Tuttescu). Эта дефиниция может быть представлена как ссылка на мнение авторитетных ученых: *Classème Bernard Pottier et Algirdas Greimas par exemple ont appelé classème le sème générique en vertu duquel la signification d'un lexème ne se combine qu'avec des lexèmes appartenant à telle ou telle classe sémantique de lexèmes* (Touratière).

Научная дефиниция понятия, явления сопровождается детальным пояснением и перечислением релевантных признаков: *Le paradigme est défini comme un ensemble d'unités virtuellement substituables dans un contexte donné* (Niklas-Salminen).

Дефиниция часто демонстрируется на примерах, которые анализируются по обозначенным признакам. Часто для более четкого определения дифференциальных признаков описываемое явление, понятие отграничивают от смежных, в чем-то сходных явлений и понятий, сравнивая их структурно, функционально, содержательное сходство и различия: *Métonymie. Ce procédé doit être soigneusement distingué d'autres procédés au terme desquels un mot propre ne réfère pas à l'individu qui le porte: jouer du Mozart réalise une métonymie fréquente entre l'auteur et son œuvre; c'est un type d'emploi régulier qui ne crée pas de mot nouveau* (Mortureux).

Предлагаемые для анализа идеи могут разворачиваться в научных текстах не только в сравнении разных интерпретаций, но и в сравнении их презентации разными учеными. Ссылка на известных научных специалистов в исследуемой или описываемой области знания повышает научный вес научной работы, однако избыточное цитирование мыслей других ученых и минимизация по этому поводу собственных научных выводов свидетельствует о недостаточной системной научной компетенции самого автора научной

работы. Целью научно-исследовательской работы может быть доказательство или опровержение истинности выдвигаемой или уже существующей научной гипотезы. Поэтому в научном тексте на первый план выходят информативная (коммуникативная) функция и функция воздействия.

Эта цель достигается через посредство представляемых аргументов, которые эксплицируются путем логической организации мыслей, оформляемых в связную и последовательную научную информацию и аргументацию адекватности научной информации.

В научном тексте сила информационного воздействия зависит от ряда факторов. Изложение фактов с их научным обоснованием должно отличаться логичностью, ясностью, четкостью изложения. Без этих качеств научное произведение не может существовать.

Описание проблемы может быть организовано автором научного текста по разным принципам стратегии воздействия: с позиций развития проблематики и теориях разных ученых, аргументативно, т.е. базирясь на определении самой проблемы, которое принимается за основу. Во втором случае автор обычно представляет научное обоснование такого выбора. В такой же логике автор представляет и свои научные определения и выводы. Эта логика изложения мыслей может находить разное языковое выражение.

Логичность изложения мыслей тесно связана с их последовательным представлением: от общего к частному и от частного к общему. При логичном и последовательном изложении мыслей выводы не противоречат конкретному предыдущему изложению. Последовательностью характеризуется текст, в котором выводы вытекают из содержания. Последовательность изложения поддерживается в научном тексте эксплицированным способом когезии составных частей.

В разных функциональных стилях отношения между высказываниями эксплицируются в большей или меньшей мере. В научном стиле связующая линия развития мысли наиболее эксплицирована, что связано с концептуальной стратегией научного текста (дискурса). Связь между фразами текста, которые позволяют объединить его в целостное смысловое и речевое единство, обеспечивается коннекторами, анафорическими и дейктическими элементами [3; 26-30, 7; 7-11]: указательными местоимениями, и наречиями (*ici, là, celle, ceux, celles, ceux-ci, ceux-là, ce, cette, ces, mêmes, etc.*) и наречиями (*ici, là*), притяжательными местоимениями и прилагательными (*mon, ton, son, ma, ta, sa, mes, tes, ses, le mien, les nôtres, etc.*), неопределенными местоимениями, прилагательными (*certain, nul, aucun*) притяжательными местоимениями — подлежащими (*il, elle, ils, elles, on*) и дополнениями (*le, la, les, lui*), ударными личными местоимениями-подлежащими и дополнениями (*elle, eux, elles, eux, eux*); адвербиальными местоимениями *en* и *y*, сравнительной степенью прилагательных и наречий (*aussi, plus, meilleur, pire, mieux, pis*), определенным артиклем, при помощи глагольных времен, означающих предшествование: *aussi faut-il commencer par soulever la question de sa ou ses fonctions* (Baylou, Mignot). *...le même mot en vient à désigner un autre objet, non moins concret, qui tend à perdre tout lien avec le premier* (Picoche). Этому может способствовать и лексика: *On pourrait en effet y ajouter d'autres lexèmes* (Touratière). *Dans chacune des deux catégories, on peut apposer connotation libre et connotation obligée* (Le Guern).

Коннекторы, анафоры и дейктические средства участвуют в процессе когезии текста на разных уровнях [2; 261-263]: на уровне макроструктуры научного текста, а также при объединении частей текста, конститuentов внутри высказываний и при композиционном объединении высказываний в абзацы, параграфы текста, т.е. на уровне микроструктур текста.

Коннекторы в научном тексте выполняют двойную функцию: они эксплицируют логическую артикуляцию мысли в целом и особый акцент делают на выражении смысловых отношений между частями текста: например, причинно-следственных связей, связей по принципу противопоставления, условия и его результата, временных отношений. В разн

коннекторов могут выступать как грамматические средства языка (союзы, союзные выражения в микротексте, согласование времен, общие для сочиненных элементов синтаксиса, вспомогательные глаголы в микротексте), так и лексические средства языка, синонимы, антонимы, лексемы одной лексико-семантической парадигмы, одного ассоциативного поля.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кручинкина Н.Д. Связность и целостность синтагматических образований // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические прикладные аспекты. – Саранск, 2004. – С. 77-82.
2. Кронгауз М.А. Семантика. – М., 2001.
3. Москальская О.И. Грамматика текста. – М., 1981.
4. Синтаксика русск языка/ В.Д. Болдалетов, С.С.Варпанетова, Э.Н. Кушлина и др. Под ред. Н.М. Шанского. – Л., 1989.
5. Brousseau A.-M., Roberge Y. Syntaxe et sémantique du français. – Québec, Saint-Laurent, 2000.
6. Ducrot O., Schaeffer J.-M. Nouveau dictionnaire encyclopedique des sciences du langage. – P., 1995.
7. Kleiber G. Anaphores et pronoms. – Louvain-la-Neuve, 1994.
8. Lemire G. Texte et texture: coherence et cohesion // Langue française, vision systémique. Application à la langue française de la théorie de M.A.K. Halliday et de R. Hasan par Gilles Lemire. – Электронная версия главы: <http://www.fse.ulaval.ca/fac/Grammaire/VERP/doc/vs/lfx/fiseb2/vschap7.html>
9. Spooren W. La structuration des textes. La linguistique textuelle // Linguistique cognitive. Comprendre comment fonctionne le langage. – Bruxelles, 2002. P. 22-248.
10. Baylon C., Mignot X. Initiation à la Sémantique du langage. – P., 2000.
11. Le Guern M. Sémantique de la métaphore et de la métonymie. – P., 1973. Lehmann A., 12. Marin-Berthet F. Introduction à la lexicologie, Sémantique et morphologie. – P., 1998.
13. Mortureux M.-F. La lexicologie entre langue et discours. – P., 1997.
14. Nyckees V. La sémantique. – P., 1998.
15. Niklas-Salminen A. La lexicologie. – P., 1997.
16. Picoche J. Didactique du vocabulaire français. – P., 1993.
17. Touratier C. La sémantique. – P., 2000.
18. Tutescu M. Précis de sémantique française. Bucarest-Paris, 1975.

ДИСКУРС И ТЕКСТ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕВОДСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Л.П. Тарнаева

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Интенсивное исследование дискурса ведется в рамках многих областей научных знаний, в результате чего данная проблема приобрела междисциплинарный статус. В работах по проблемам перевода исследование дискурса также находится среди приоритетных направлений. Одним из вопросов, имеющих важное значение для изучения коммуникативной деятельности переводчика, является соотношение понятий дискурса и текста. В самом общем плане обозначим те подходы к данной проблеме, которые являются релевантными в контексте исследования коммуникативных стратегий переводчика.

Прежде всего следует отметить нецелесообразность искусственного разделения дискурса и текста, когда текст рассматривается как вербальная запись коммуникативного акта [1:6] или языковые формы, временно и искусственно изолированные от контекста для нужд анализа [2:1-2], а под дискурсом понимается значимое и общее для участником

взаимодействие текста и контекста [ibid].

На мой взгляд, более продуктивной является точка зрения, в соответствии с которой дискурс понимается как «орудийный продукт мыслительной деятельности человеческого сознания» [3:46] и рассматривается как единое целое в совокупности процессуальных и результирующих составляющих. Как процесс дискурс является собой вербализованную речемыслительную деятельность, с точки зрения результата предстает как совокупность текстов, порождаемых в процессе коммуникации. Соответственно, дискурс имеет два плана – собственно-лингвистический и лингво-когнитивный. Первый связан с языком, манифестирует себя в используемых языковых средствах и проявляется в совокупности порожденных текстов. Второй связан с языковым сознанием, обуславливает выбор языковых средств, влияет на порождение и восприятие текстов, проявляясь в контексте и презумпции [4:27]. В таком понимании текст предстает в качестве единицы реализации дискурса [5:115]. Иными словами, тексты, возникающие в результате дискурсивной деятельности коммуникантов, являются «манифестациями дискурса» [6:12].

Существует точка зрения, в соответствии с которой дискурс выступает элементарной невербализованной единицей текста и она уровне языка реализуется в последовательности предложений, связанных между собой смысловыми отношениями [7:298]. Вдуми единичей текста, дискурс служит реализации основного замысла текстообразования. Если текст в целом определяется основной темой, то дискурс может быть представлен полемой, в свою очередь, имплицитно содержащей субтемы и микротемы. Порождение текста заключается в актуализации подтем, субтем и микротем, их ателении и развертывании [ibid:300]. В соответствии с таким пониманием, отдельные фрагменты дискурса образуют текст – «единую иерархически организованную семантическую структуру», объединенную коммуникативной интенцией (замыслом) его автора» [ibid:303].

Иная трактовка соотношения текста и дискурса предлагается в работах Ю.Е. Прохорова. Исследователь исходит из того, что любая коммуникация имеет три составляющих: действительность (совокупность материальных условий бытия, в которых осуществляется коммуникация), текст (совокупность правил лингвистической и экстралингвистической организации содержания коммуникации) и дискурс (совокупность вербальных форм практики организации и оформления содержания коммуникации) [8:11-12]. Таким образом, текст и дискурс трактуются как равнозначные, не состоящие между собой в родо-видовых отношениях (каждый из них не является частью другого) [ibid:10]. Важно подчеркнуть, что определяя дискурс и текст как равные по своему статусу, Ю.Е. Прохоров встраивает их наряду с ситуацией реальной действительности в единую систему – процесс коммуникации.

Для анализа дискурсивной деятельности переводчика наиболее релевантной, на мой взгляд, является позиция, в соответствии с которой дискурс рассматривается как двуплановое явление. Один план реализуется в процессуальном развертывании речемыслительной деятельности индивида с целью осуществления коммуникации, второй – проявляет себя в виде результата этой деятельности – письменного или устного текста. Понятие дискурса отражает информативно-целевую и процессуальную сторону речепроизводства, это речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания» [9:136-137]. Поэтому данный термин целесообразно использовать, когда речь идет о процессе создания текста. К понятию же текста имеет смысл обращаться в том случае, если речь идет о целостном коммуникативном образовании, представляющем собой «единую замкнутую иерархическую содержательно-смысловую структуру» [10:49], элиминирующую коммуникативные намерения участников дискурса.

На мой взгляд, в исследовании коммуникативных стратегий переводчика более плодотворной является позиция, в соответствии с которой дискурс и текст рассматриваются как взаимобусловленные компоненты целостной дискурсивной деятельности – без дискурса нет текста, как и без продуцирования текста и бессмысленно было бы вести речь о дискурсе.

Такой подход дает возможность рассматривать дискурсивную деятельность переводчика как совокупность процессуальной и результирующей составляющих. Следовательно, содержание дискурсивной компетенции переводчика составляют когнитивные модели «обработки» и продуцирования различных типов дискурса. В связи с этим встает вопрос о типологии дискурса.

Для исследования типов дискурса, функционирующих в процессе перевода, релевантным представляется понимание дискурса с позиций социолингвистики как актуализации речи «в различных модусах человеческого существования» [11:231], что ведет к разграничению статусно-ориентированного (институционального) и личностно-ориентированного (персонального) дискурса.

Институциональный дискурс понимается как речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов в рамках сложившихся общественных институтов [ibid], общение в которых является составной частью их организации [12:42]. Он характеризуется наличием шкалы «социальных отношений» [13:34], направленностью реальных речевых потоков на решение отдельных социальных проблем и влиянием на социальную интеракцию людей, «откуда акцент на интенциональность самого речевого потока и его моделирование под прямым воздействием этого фактора» [14:18].

В персональном дискурсе, реализуемом в неформальном общении, выделяется бытовой и бытийный виды [11:232]. Первый характеризуется диалогичностью, протекает пунктирно, общение проходит с высокой степенью эмпатичности речи, которая во многом дополняется невербальной информацией. Второй отличается развернутостью, предельной насыщенностью смыслами, преимущественной монологичностью, нормативностью языковых средств.

Корреляция двух планов дискурсивной деятельности (процесса и результата) проявляется в текстопроизводстве – структура и содержание текста определяют прагматическую установку участников дискурса, отражая социокультурные нормы речевого поведения, характерные для определенной лингвокультурной общности. Так категориальные признаки дискурса, такие как содержательное единство и смысловое отношение, проявляются в композиционной структуре текста и предметно-тематическом единстве высказываний и тематических блоков, образующих единый коммуникативный блок, направленный на достижение определенной цели и обеспечивающий реализацию основного замысла участников дискурса.

Каждому типу дискурса свойственны специфические приемы построения текста той или иной жанровой формы. К примеру, специфика бытового (обиходного) дискурса может проявляться в разнообразных приемах текстовой модальности (эпитеты, метафоры и т.п.), отступлениях от литературной нормы, эмпатичности, тематической незаключенности и аморфности, множестве ассоциативных связей и т.д. Продуктом институционального дискурса являются тексты, для большинства из которых характерна та или иная степень шаблонности, нормативности, клишированности, ритуальности. Например, стиль англоязычного эссе, газетной или журнальной статьи отличается композиционной стройностью, логичным, линейным развитием основной мысли в серии абзацев, каждое последующее предложение детализирует или разъясняет смысл предыдущего, все предложения служат раскрытию главной мысли, выраженной в ключевом предложении (topic sentence), которым обычно открывается текст или абзац. Свои специфические особенности имеет любой текст или его фрагмент, создаваемый в процессе дискурсивной деятельности участников коммуникации.

Изучение составляющих вербальной коммуникации дает основание утверждать, что дискурс (процесс речеворчества) и текст (ее результат) представляют собой единую системообразующую структуру, компоненты которой находятся во взаимобулавленной связи. Отсюда следует, что дискурсивная компетенция переводчика проявляется в двух направлениях: во-первых, в ремесленной деятельности, главная цель которой – когнитивная обработка информации, функционирующей в переводческом процессе, и, во-

вторых, в текстообразующей деятельности, результатом которой является определенный тип текста.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Brown G., Yule G. *Discourse Analysis*. – Cambridge, 1983.
2. Cook G. *The Discourse of Advertising*. – London, New York, 1992.
3. Пушкин А.А. Прагматингвистические характеристики дискурса личности // *Личностные аспекты языкового общения*. – Калинин, 1989. – С.45-53.
4. Красных В.В. Структура коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст). Автореф. док. филолог. н. – М., 1999.
5. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
6. Kress G. *Linguistic processes in Sociocultural Practice*. – Oxford, 1989.
7. Алефиренко И.Ф. Спорные проблемы семантики. – М.: Гнозис, 2005.
8. Прохоров Ю. Е. Концепт, текст, дискурс в структуре и содержании коммуникации. Автореф. док. филологич. наук. – Екатеринбург, 2006.
9. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
10. Дридзе Т.М. Психолингвистика и межкультурные взаимоотношения // *Тезисы докладов X Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации*. – М., 1991.
11. Карасик В.В. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
12. Шейгал Е.И. Семантика политического дискурса. – М., 2004. с.
13. Леонтьев А.А. Факторы вариативности речевых высказываний // *Основы теории речевой деятельности*. М, 1974. С. 29-35.
14. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // *Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты*. – М., 2000. – С. 7-25.

СЕКЦИЯ 7. РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ, ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ «ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ» И «ИСТОРИЧЕСКОЕ КОММЕНТИРОВАНИЕ»

Ю.И. Бокатина

ГОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт»

В методике преподавания русского языка историзм является специальным общеметодическим принципом, предполагающим учет исторических изменений, сохранившихся в той или иной форме в современном литературном языке [3; 138]. Он определяет направление изучения от факторов образования к особенностям объектов и является, к способу изложения лингвистического знания.

Историческое комментирование лингвистических значений и этимологический анализ являются ведущими средствами реализации принципа историзма в процессе обучения школьников русскому языку. Однако, как показывает анализ литературы, в современной методической науке нет единого понимания рассматриваемых нами явлений, до настоящего времени не выделены их дифференциальные признаки, вследствие чего наблюдается частое смешение данных понятий.

Цель статьи – раскрыть содержание понятий «этимологический анализ» и «историческое комментирование», выявить соотносительные связи между ними, определить их интегральные и дифференциальные признаки.

Этимологический анализ слова и историческое комментирование лингвистического

явления обнаруживают направленность на историю языка. Их цель – выявление происхождения языкового явления, его становления. В этом состоит их общность. Однако употребление понятия «этимологический анализ» в качестве эквивалента понятия «историческое комментирование», на наш взгляд, является некорректным, поскольку они принадлежат к разным плоскостям знания.

Под этимологическим анализом понимается особый аспект языкового исследования, определяемая разновидность лингвистического анализа. Следовательно, он обнаруживает свою принадлежность к лингвистике. Этимологический анализ слова как совокупность исследовательских приёмов, направленных на раскрытие происхождения слова, внедрён в морфемный и словообразовательный анализом представляет собой научный анализ структуры слова (см. труды Е.А. Земской, Е.И. Дибровой).

В качестве основной задачи этимологического анализа Л.А. Булаковский, В. Потапов видит выявление древнейшего облика слова, источника его происхождения [1; 152]. [5; 70]. По мнению Ж.Ж. Варбот, целью этимологического анализа является «определение того, когда, в каком языке, по какой словообразовательной модели, на базе какого языкового материала, в какой форме и с каким значением возникло слово, а также какие исторические изменения его первичной формы и значения обусловили форму и значение, известные исследователю» [2; 596]. Е.И. Диброва, Е.А. Земская, Ю.В.Откупщиков, В.И. Топоров, О.И. Трубачев и др. считают, что этимологический анализ направлен не только на выявление источника происхождения слова, но и на показ развития, становления его современного облика и значения. Как отмечает Ю.В. Откупщиков, «в задачи этимолога входит восстановление полностью всей «биографии» исследуемого слова» [4; 8].

Историческое комментирование – одна из категорий методики преподавания русского языка. Обобщая положения, представленные в различных методических концепциях, мы рассматриваем его как приём обучения русскому языку, основная цель которого – формирование лингвистического мировоззрения учащихся путём организации их деятельности по установлению исторического развития лингвистического явления, и выделяем три его разновидности: 1) историческое комментирование лингвистических фактов, 2) историческое комментирование лингвистических понятий, 3) историческое комментирование лингвистических закономерностей.

Следовательно, этимологический анализ как разновидность диахронического анализа представляет собой лингвистическую основу для исторического комментирования фактов лексики, словообразования, орфографии.

Необходимо отметить, что одной из особенностей современного образовательного пространства является то, что многие категории, ранее считавшиеся только лингвистическими, со временем получают методическое осмысление. Учёные-методисты рассматривают этимологический анализ как приём обучения русскому языку, который реализуется в виде элементарного этимологического разбора и призван вызвать у учащихся с происхождением слов и их семантики, способствует формированию у них языкового чутья и общей речевой культуры, осознанного отношения к правилам современного написания слов (см. труды А.И. Власенкова, А.П. Еремеевой, О.И. Лёвшинской, С.И. Львовой, М.М. Разумовской, Н.М. Шанского и др.). Данное явление представлено в учебной и справочной литературе, адресованной школьникам.

Если сравнивать содержание исторического комментирования и этимологического анализа как приёма обучения языку, то можно сделать вывод о том, что понятие «историческое комментирование» является более широким. Историческое комментирование способствует установлению возникновения современных фактов фонетики, лексики, словообразования, морфологии, синтаксиса, объяснению существующих в русском языке закономерностей (например, форма родительного падежа единственного числа имени существительных в сочетаниях два стола, три берёзы, четыре портфеля и т.д.), выявлению происхождения лингвистических понятий и терминов для их обозначения (например: «глаголь», «частичка», «наречие»). Также оно может содержать в себе сведения о

возникновении языка, письменности.

Важным отличием исторического комментирования от этимологического анализа в методическом осмыслении будет являться то, что оно представляет собой целостное связное высказывание. В процессе обучения русскому языку историческое комментирование реализуется в рамках научно-учебной речи и представляет собой особый тип высказывания научно-учебного подтипа. Историческое комментирование включается в другие речевые жанры, отдельные информационные компоненты которых подлежат объяснению, функционирует как в устной, так и в письменной форме, выражается в различных коммуникативных формах в зависимости от характера экстралингвистических факторов: от вида и цели урока, характера адресата, специфики лингвистического материала и т.д.

Необходимо учесть, что этимологический анализ по сравнению с историческим комментированием будет иметь первичный характер. Данные, выявленные при помощи этимологического анализа, будут являться структурным планом для создания исторического комментирования как типа высказывания, так как они нуждаются в распространении и интерпретации.

В тексте исторического комментирования должны присутствовать следующие структурно-смысловые компоненты: название комментируемого явления, характеристика лингвистического явления на современном этапе, характеристика явления с точки зрения истории языка, характеристика родственных или одноклассных явлений по отношению к рассматриваемому на уровне диахронии и (или) синхронии, описание исторических применений данного лингвистического явления. Также в рассматриваемом высказывании отмечается наличие основных языковых и речевых средств исторического комментирования (лингвистических терминов; существительных, прилагательных и наречий с семантическим компонентом «время», «протяжённость во времени», «степень новизны»; существительных с семантическим компонентом «отрезок времени»; общенаучной лексики; ментальной лексики) и языковых и речевых средств периферии, к которым относятся средства интерпретации научного текста (тропы, риторические фигуры).

Приведём пример создания исторического комментирования как типа высказывания на основе данных статьи «Этимологического словаря русского языка», которая содержит в себе результаты акта этимологизирования.

«МЕДВЕДЬ. Общеслав. Сложение медв < medъ и edъ < ѣдъ (см. мед, еда), и перед ѣ > в. Медведь буквально – «медоед, мед едущий». Слово является славянским новообразованием эвфемистического характера, сменившим индоевропейское название медведю [6; 182].

«Сможете ли вы ответить, откуда произошло слово медведь? Почему этот зверь назван именно так?

Дело в том, что наши предки почитали это животное, хозяина лесов, очень боялись его и даже старались не упоминать его имя. Поэтому они придумали для него неосказательное название медведь. Это слово было первоначально сложным. Оно было образовано от слова мед, которое в древности имело основу медъ, и корня едъ/ида/иеть. Слово медведь означало «тот, кто ест мед». Славяне очень часто сталкивались с проявлением этого качества косяного зверя. Нередко медведь разорал ульи или опережал людей в поисках дикого мёда.

Теперь мы разгадали тайну появления слова медведь и выявили скрытый смысл, заложенный в нём».

Таким образом, понятия «историческое комментирование» и «этимологический анализ» не могут рассматриваться в качестве эквивалентных. Этимологический анализ как особый аспект языкового исследования является лингвистической основой исторического комментирования фактов лексики, словообразования, орфографии. Переведённое в плоскость методики преподавания русского языка, по своему содержанию оно является более узким, чем понятие «историческое комментирование». Этимологический анализ носит первичный характер и представляет собой обобщённую структурную схему, на базе которой

создаётся историческое комментирование как особый тип высказывания научно-учебного подтипа.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Булаховский, Л.А. Введение в языковедение / Л.А. Булаховский. Часть II. - 2-е изд., испр. - М.: Учпедгиз, 1954. - 175с.
2. Варбот, Ж.Ж. Этимология / Ж.Ж. Варбот // Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Сов. энциклопедия, 1990. - С. 596-597.
3. Методика преподавания русского языка: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / под ред. М.Т. Баранова. - М.: Просвещение, 1990. - 368 с.
4. Откупишников, Ю.В. К истокам слова: Рассказы о науке этимологии: кн. для учащихся / Ю.В. Откупишников. - М.: Просвещение, 1986. - 175 с.
5. Пизани, В. Этимология / В. Пизани. - М.: МИИЛ, 1956. - 188 с.
6. Шанский, Н.М. Этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, Т.А. Боброя. - М.: Прозерина, 1994. - 400 с.

ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СТУДЕНТОВ

Э.И. Газзова

Астраханский государственный университет

В современной ситуации общественного развития очевидным становится кризисное положение как материальной, так и духовной сферы. Последний кризис гораздо важнее первого, так как процесс духовного возрождения довольно длителен и затрагивает каждого человека. Не вызывает сомнения, что прогресс цивилизации зависит от исключительно одарённых людей. Самые большие надежды на улучшение условий жизни и будущее всей планеты связаны именно с творчески мыслящими молодыми людьми. Поэтому одной из первоочередных задач современного образования становится создание максимально благоприятных условий для раскрытия творческого потенциала личности. Решение этой задачи напрямую связано с различными разработками в области образования и культуры. Проблема творчества и творческих способностей интересова человечество достаточно давно. По данному вопросу существует множество разноречивых суждений, мнений, теорий, как в зарубежной, так и в отечественной психологической литературе.

Культ гения возник в эпоху Возрождения отчасти под влиянием деятельности Микеланджело и Леонардо да Винчи и достиг апогея в «романтическую» эпоху (XVIII). Такой взгляд начал меняться в 50-е годы нашего века, когда гениями перестали поклоняться и начали серьёзно их изучать. Чтобы решить вопрос, существует ли вообще гений и что это такое, надо начинать с таланта. Талант — это чрезмерно развитая способность, выделяющая человека среди других людей. Каждая личность выражается в наборе профессиональных способностей, регламентированных по значимости. Каждая личность выражается в наборе профессиональных способностей, классифицированных по их развитию. Способностей много. Все они развиты у людей в разной степени; следовательно, что-то должно быть развито у человека больше, а что-то меньше; то, что наиболее развито, — его талант. Природа почти никого не обделает талантами, но распределение его далеко неоднородно. Следовательно, гений — чрезмерно развитый талант, и гениев нельзя противопоставлять не гениям, так же как таланты не талантам. Социальные условия раскрытия таланта — широкая осведомлённость о каждой профессии. В каждой профессиональной области есть своя элита талантов — мэтры, лидеры (скальтеры). Но вклад в профессиональную область делает не только элита. Есть в психологии такая гипотеза — Ортеги: экспериментальную науку двигают вперёд доблесты (посредственные в интеллектуальном смысле люди). Если это так, то их

талант и чем-нибудь другим; ведь недаром говорят о «золотых руках» хирурга или химика. Очевидно таланты бывают менее пробными и более интеллектуальными, менее меркантильными и более творческими. Сейчас много внимания уделяют творческому потенциалу, творческому подходу, развитию творческих возможностей. Творчество — способ наиболее разностороннего, полного, эмоционально, духовно и культурно богатого удовлетворения потребности в познании мира. Творить — значит мыслить нетривиально, увлекаться и приступать к работе только тогда, когда «вечутся руки». Увлекался, умея возбуждаться, испытывать чувство вдохновения и озарения. Кстати, это слово («индохминация») впервые применил в 5 веке Августин, богослов, учёный и писатель, современник падения Рима, основатель психологии, в которой развивал идеи коллективизма, автор 12-томной «Исповеди» и 22-томного «Града Божьего». В настоящее время в науке достаточно хорошо изучены общетеоретические проблемы творчества, вопросы общих и специальных способностей, творческих способностей и творческого развития. В итоге было выделено 4 основных аспекта творчества: творческий процесс; творческая личность и её способности; продукт творчества; творческий климат. Несомненно, все аспекты значимы при рассмотрении творческой личности, но наиболее интересным является вопрос творческой личности и творческих способностей, так как именно они лежат в основе творческого потенциала личности. Существует несколько интересных точек зрения о творческих способностях. Творческая личность представляет собой комплекс качеств и свойств, обеспечивающих человеку способность к продуктивной и созидательной деятельности, возможности самосовершенствования. Структура творческой личности состоит из следующих компонентов:

1. Творческий потенциал как совокупность психических и творческих способностей, проявляющихся и развивающихся в творческой деятельности.
2. Своеобразие черт характера, воли, темперамента, возрастных особенностей.
3. Творческая направленность как сочетание мотивов, потребностей и целевых установок на личностно и общественно значимые результаты.

В рамках изучения творческого потенциала личности и творческих способностей было выделено 6 основных компонентов творческой личности. Все параметры касаются различных сторон личности, причём основной акцент делается на ум, чувства и волю, которые определяют общую направленность творческой личности. Именно эти составляющие могут помочь в применении творческого потенциала. Имея соответствующее интеллектуальное и познавательное развитие, образование, имея достаточную мотивацию и потребность в выражении своих внутренних ощущений, мыслей, эмоций, тонко чувствуя окружающий мир, можно стать хорошим творцом. Творческий человек обязательно должен обладать определёнными характеристиками познавательной и эмоциональной сферы, чертами характера, потребностями и мотивацией, быть внимательным к людям, общительным и тонко чувствовать окружающий мир. Именно через акт творчества происходит максимально полное, насыщенное и глубокое удовлетворение человеком своей потребности в познании мира. Путь наиболее эффективного развития личности проходит через осознание собственных потребностей в процессе предметной деятельности, происходящей в культурно богатой среде и способной привести к своей высшей форме — акту творчества как высшей форме самореализации личности. Творческая активность — устойчивое качество личности, формируемое образовательными средствами, характеризующееся осознанием собственных потребностей, пониманием их культурных оснований, владением технологией реализации средств их удовлетворения и возникающей мотивацией на создание качественно новых творческих продуктов, выраженных общепризнанными средствами. Развитие творческой активности является, прежде всего, воспитательной задачей, поскольку определяет социально активную позицию обучаемого и выдает направление для развития, соответствующей определенной культурной традиции. В творческой активности можно выделить две составляющих. Первая — желание и возможность достижения акта творчества. Это определяется внутренней культурой личности, владением

некоторым багажом знаний, наличием авторитетов, чья деятельность для учащихся является значимой и желаемой для подражания. Второе – умение выразить эту способность в общепонятном языке. Это определяется владением техниками обработки материалов, методиками и т. д. Творчество характеризуется некоторыми устойчивыми чертами. Творчество характеризуется некоторыми устойчивыми чертами. Необходимо отметить предметность (творчество всегда имеет дело с каким-то конкретным предметом, материалом, определенными формами, через которые оно восходит к видению глубинных сущностей). Акт творчества является событием глубоко личностным, его нельзя вытравить, ему нельзя обучить. Он является самостоятельным проявлением личности, которой даны определенные культурные, деятельностные, ценностные основания. Творчество педагога предполагает комплексное использование им всей совокупности основных теоретических знаний и практических умений, видение проблемы и осмысление путей ее решения, понимание учащегося, готовность встать на его позицию, способность путей ее решения, понимание деятельности, готовность встать на его позицию, способность к педагогической рефлексии, к критической оценке самого себя в различных планируемых и спонтанно возникающих педагогических ситуациях. Многие университеты ориентируются не на подготовку специалиста, способного создавать развивающую и воспитывающую среду как условие жизни и становления личности, а на подготовку предметника, несущего информацию. Учащийся по-прежнему выступает объектом массового процесса педагогического воспроизводства, не формируется его творческая индивидуальность, по-прежнему не созданы условия для «итинской» подготовки будущего специалиста. Обществу сегодня нужен специалист, не только имеющий функциональную готовность к профессиональной деятельности, но и сформированный как творческая личность, способная к творческой самореализации. Существует мнение, что лучший способ для педагога воспитывать творчество в учащихся – это самому быть творческой личностью. Компетентный педагог – прежде всего компетентная личность, чье восприятие новых идей и радость собственных достижений даёт молодым людям прямой и убедительный пример. Очень важно верить в способности ребенка. Из позитивного окружения, творческие личности возьмут то, что ему необходимо. Для них вера в их силы – достойная уважения предпосылка. В основу деятельности университета должна быть заложена интеллектуально-культурная программа развития студенческой среды. Должны быть воссозданы студии, секции, студенческие театры, сформированы команды интеллектуальных игр. Надо возрождать традиции художественной самостоятельности представителей народов, представляющих российскую федерацию и студенчество вуза. Особое внимание уделять развитию студенческого спорта. Создание профессорско-преподавательских и студенческих команд, как в спорте, так и в других видах деятельности послужит мостом в системе обратной связи. Это будет содействовать формированию в вузе активной, социально здоровой и мотивированной среды, служить фильтром таким негативным проявлениям, как алкоголизм, наркомания и преступность. Задача воспитания творческой активности сводится к проектированию образовательной среды. Развитие творческого потенциала всех категорий обучающихся должно осуществляться по следующим направлениям:

- развитие творческого потенциала личности студента и аспиранта в образовательном процессе;
- развитие творческого потенциала в процессе научно-исследовательской работы студентов и аспирантов;
- формирование творческого потенциала личности во вне учебной деятельности в часы свободного времени студентов и аспирантов.

Содержательный и значимый аспект творчества, большинство учителей и студентов связывают с интересными, оригинальными, нетрадиционными уроками и внеклассными мероприятиями. Досу студентской молодежи существенно отличается от досуга других возрастных групп в силу специфических потребностей и присущих ей особенностей «молодежного сознания». В основе его содержания не только отдых и развлечения, но и решения жизненных проблем, т. е. идёт активный процесс самопознания, самореализации,

самовыражения. Социализация молодежи в досуге есть не менее сложный процесс, чем учеба и труд. В коллективах досуг является существенным звеном социального воспитания личности, стимулом его творческого, интеллектуального, духовно-нравственного, физического развития, процессом, направленным на углубление и расширение знаний, гуманизацию чувств и поступков. В учебных заведениях студенческий досуг должен являться важнейшим звеном воспитательной работы. Воспитательная работа должна носить системный плановый характер. Желательно, чтобы в процессе воспитательной работы в рамках студенческого досуга участвовала весь педагогический коллектив, т. е. создавались оптимальные условия для формирования у студентов нравственности и трудолюбия, развития общей культуры и творческой одаренности, реализации интеллектуального и творческого потенциала. Невидимые на поверхности социальной жизни, именно эти глубинные механизмы развития России и обеспечивают ей процветание и прогресс во всех сферах деятельности, включая, безусловно, и образование, как неотъемлемую часть национального достояния.

РОЛЬ ИНТЕРКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Н.К. Куранова
Астраханский государственный университет

Социально-экономические и политические реформы, проходящие в России с начала 90-х годов XX столетия, существенно повлияли на расширение круга людей, активно вовлеченных в межкультурные контакты в различных сферах человеческой деятельности. Интеграция в мировое сообщество и процесс построения открытого демократического общества ставят перед российской системой образования новую цель – воспитание поколения, обладающего общепланетарным мышлением. Общепланетарное мышление характеризуется способностью человека рассматривать себя не только как представителя национальной культуры, проживающего в определенной стране, но и в качестве гражданина мира, воспринимающего себя субъектом диалога культур и осознающего свою роль и ответственность в глобальных общечеловеческих процессах.

Иностранный язык (ИЯ) является одним из основных инструментов воспитания людей, обладающих общепланетарным мышлением. Исследования в области социокультуристики показывают, что средствами изучаемого языка международного общения можно способствовать формированию у учащихся билингвальной интеркультурной компетенции, включающей формирование таких качеств, как толерантность, терпимость, непривязанность к представителям других стран и культур. Изучая ИЯ и иноязычную культуру, обучающиеся получают возможность расширить свое интеркультурное пространство и прийти к осознанию себя в качестве культурно-исторических субъектов.

Для этого учащимся нужно владеть определенным набором информации о стране изучаемого языка или другими словами располагать фоновыми знаниями (background knowledge). В противном случае не исключено непонимание. Совершенно прав был А. Д. Райхштейн, утверждая, что недооценка национально-культурного аспекта в обучении может вызвать «затруднения в интеркоммуникации, возникающие вследствие частичного расхождения между коммуникативно-языковыми сообществами в наборе знаний о мире, образующих когнитивный фундамент коммуникации». Так, для англоговорящего индивидуума абсолютно новым понятием также реалии, как "backwoodsman" – член палаты лордов, редко бывающий на заседаниях – или "Band of Hope" – старая дева, ищущая жениха. Для других национальных сообществ они непонятны.

Различаются и невербальные средства. Так, русский, останавливая проходящую машину, поднимает руку, а француз поднимает большой палец в направлении нужного ему

пути.

Существуют различия и в речевой этикете. Русские при встречах и прощаниях пожимают руки, что совершенно невозможно для японца, который при встрече здоровается поклонами. У русских принято во время поездки в поезде заговаривать с незнакомыми попутчиками, что совершенно нежелательно для англичанина, который воспримет такие попытки как бескультурье.

Таким образом, обучение общению на иностранном языке в подлинном смысле этого слова подразумевает овладение интеркультурными знаниями и умениями. Поэтому надо обучать не только языковым средствам, (фонетическим, лексическим, грамматическим навыкам) но и делать акцент на содержательной стороне обучения. Без этого нет практического овладения языком.

Владение иностранными языками со всей определенностью можно квалифицировать как компонент общей культуры личности, с помощью которого она (личность) приобщается к мировой культуре. Однако представляется аксиоматичным, что интеркультурная коммуникация (диалог культур) может быть реализована только на осознанной национально-культурной базе родного языка. Такой диалог возможен лишь при условии осознания учащимися своей собственной национальной культуры и соответственно своего родного языка. Это необходимое условие для взаимопроникновения, взаимодействия культур, этого сложного и многогранного процесса, которым является интеркультурная коммуникация.

СТРУКТУРА И КОМПОНЕНТЫ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

А.З. Насиханова
Астраханский государственный университет

Госстандарт по программе «Иностранный язык» в неязыковом вузе или факультете основной целью курса выделяет обучение практическому владению разговорной речью в языке специальности, с тем, чтобы выпускники имели возможность активного применения иностранного языка в повседневном и профессиональном общении. Студенты должны овладеть умениями пользоваться наиболее употребительными и относительно простыми языковыми средствами в основных видах речевой деятельности (говорении, аудировании, чтении и письме), иметь навыки самостоятельной работы со специальной литературой по широкому и узкому спектру специальности, знать основы деловой речи и письма на иностранном языке. Программа курса «Иностранный язык» в неязыковом вузе отражает современные тенденции и запросы общества к подготовке специалистов, способных к иноязычной коммуникации в повседневном общении и в профессиональной сфере. Критерием практического владения является наличие сформированной иноязычной компетенции, т.е. умение уверенно пользоваться языковыми средствами во всех видах речевой деятельности, навыки самостоятельной работы со специальной литературой на иностранном языке с целью получения профессиональной информации. Таким образом, одним из важнейших качеств специалиста можно считать иноязычную компетенцию как совокупность знаний, умений и навыков, способствующих адекватному профессиональному поведению в актах профессиональной коммуникации. Нам представляется возможным выделить следующие компоненты иноязычной компетенции: мотивационно-целевой, содержательный (знаний), практический (профессионально-значимый).

Содержательная компетенция является одним из главных компонентов иноязычной компетенции. В содержательный компонент можно отнести «знание систем» иностранного языка и владение нормами его применения. Некоторые исследователи выделяют несколько видов компетенций. Предметная компетенция рассматривается как обладание знаниями о предмете коммуникации. Языковая, или лингвистическая, включает в себя знание языковых средств, т.е. знание грамматических, стилистических и других норм языка, умение создавать

и анализировать тексты. Обладание данным видом компетенции позволяет понимать иноязычную речь и составлять собственные высказывания грамотно с применением фонетических, грамматических и стилистических правил, что, несомненно, способствует эффективному речевому взаимодействию. Одной из составляющих содержательного компонента можно рассматривать социолингвистическую компетенцию, т.е. умение выбирать языковые формы, адекватные ситуации общения. Обладание данным видом иноязычной компетенции позволяет осуществлять отбор приемлемых средств оформления речевых высказываний, корректировать коммуникативные ошибки, используя правила построения устной и письменной речи. Социокультурная, или лингвострановедческая, связана со знанием страноведческого материала, национально-культурного своеобразия страны, представляет собой знание о стране изучаемого языка, обычаях, культуре, норм поведения, специфических особенностей языка. Формирование данной компетенции зачастую представляется малоинтересным, при этом не учитывается тот факт, что социокультурные нормы иностранного языка по многим параметрам отличаются от норм родного языка. Незнание или пренебрежение различиями в социокультурном восприятии может привести к недопониманию, к отторжению друг от друга участников речевого взаимодействия. Язык существует на основе опыта человека, отражает его личностное отношение к окружающей действительности. Познание иноязычной культуры, образа жизни, языковых норм проходит через сравнение с родным языком, умением в этом процессе осознать, насколько многообразными и отличными друг от друга могут быть формы выражения мыслей, значения слов и способы передачи информации. В современной педагогической литературе предлагается к рассмотрению в данном контексте концепция языковой личности. Процесс обучения направлен на развитие навыков и умений общения с представителями другой культуры; подчеркивается необходимость воспитания у студентов позитивного отношения к иностранному языку, к иноязычной культуре. Под позитивным отношением здесь понимается толерантность к иному, отличному от родного образу мышления, умение распознать и принять национально-культурные особенности другого народа, такое восприятие чужой культуры, которое способствовало бы обогащению собственной. В своем диссертационном исследовании Олешанская И.И. подчеркивает, что «языковая личность выступает как динамическая совокупность огромного опыта, накопленного благодаря действию в реальной и коммуникативной действительности». Языковая личность воспроизводит свою, личную картину мира, знание иностранных языков обогащает эту картину, развивает ее рамки, представления о мире становятся шире, более многообразными.

В содержательный компонент можно отнести выделяемую рядом авторов учебную компетенцию. Учебная компетенция базируется на знаниях и умениях самостоятельной работы с печатным, аудио и видеоматериалом, с различными типами справочной литературы, умением использовать в учебном процессе современные технологии обучения и электронные средства информации, способность адекватно оценивать свой уровень иноязычной компетенции и знать способы его повышения. Выделяемые Коновой З.И. следующие виды компетенций можно, на наш взгляд, отнести в содержательный блок: информационная (совокупность знаний об иностранном языке как предмете обучения); тематическая как владение экстралингвистической информацией.

Общей целью обучения выступает иноязычная компетенция. Студенты, обладающие иноязычной компетенцией, владеют языком на уровне приближенном к носителю языка. Таким образом, иноязычная компетенция является не только целью, но и результатом обучения. Наличие стимула к осуществлению какой-либо деятельности определяет уровень ее успешности. Мотивация лежит в основе любой деятельности. Развитие мотивационно-целевой компетенции в процессе обучения иностранным языкам трудно переоценить. Коммуникативная компетенция есть способность к общению, причем общению можно научить, формирование иноязычной компетенции происходит постепенно, в процессе обучения. Процесс формирования иноязычной компетенции является творческим, требует

формирования у студентов определенного способа мышления. В связи с этим Конова З.И. особо выделяет когнитивно-креативный компонент в структуре иноязычной компетенции, который мы сочли возможным включить в мотивационно-целевой блок. Данный компонент исследователь определяет как уровень усвоения особенностей мышления в сфере иноязычной коммуникации, что включает в себя развитие творческих способностей, мышления, межкультурной готовности к иноязычному профессиональному общению. Творческое мышление понимается как такой тип деятельности, который способствует быстрой и эффективной реализации профессиональных задач в процессе иноязычной коммуникации. Фадейкина О.В. выделяет так называемую интерсоциальную компетенцию, связанную с осознанием студентами ценности акта коммуникации, с их стремлением достичь умения общаться на иностранном языке.

Практическая компетенция, называемая иначе профессионально-ориентированной, предполагает наличие сформированных умений работать со специальной литературой, знание специфической терминологии, основ деловой речи и умение применить их в процессе профессионально-делового общения. Практический компонент возможно соотнести, на наш взгляд, с коммуникативно-культурологическим, предполагающим наличие сформированных умений иноязычного общения для решения профессиональных задач. В блок составляющих практическую компетенцию мы предлагаем включить выделяемую Коновой З.И. компенсаторную компетенцию как «умение добиться взаимопонимания, выйти из затруднительного положения», а также стратегическую компетенцию, о которой упоминает в своем исследовании Опешанская И.И. Стратегическая компетенция позволяет преодолеть содержание речевого акта, исходя из контекста, прогнозировать развитие речевого взаимодействия, уметь построить полноценное общение, исходя из собственных знаний, уметь опираться тем материалом, которым владеет данный участник коммуникации. При работе с текстовым материалом обладание стратегической компетенцией позволяет выбрать верное из множества значений слова, распознать его смысл по его структуре и по контексту. Показателем сформированности иноязычной компетенции предлагается считать прагматическую компетенцию. Наличие прагматической компетенции позволяет успешно контактировать с участниками речевого взаимодействия, строить свое коммуникативное поведение, исходя из условий и целей общения, что предполагает уверенное и спокойное общение на иностранном языке на любую тему.

ИНТЕРАКТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ

Л. А. Николаева
Кемеровский государственный университет

Формирование коммуникативной толерантности студентов возможно в процессе специально организованной педагогом деятельности, в результате которой происходит целенаправленное изменение личности студента, воспитание будущего специалиста. Все это требует от преподавателя специальных умений выбирать в каждом конкретном случае оптимальный вариант организации воспитательно-образовательного процесса, способствующий эффективной и успешной совместной деятельности преподавателя и студента.

Анализ психолого-педагогической литературы показал, что в настоящее время наиболее актуальным видом обучения является интерактивное обучение, в основе которого лежит взаимодействие всех участников образовательного процесса, обмен информацией и действиями между ними, сотрудничество, совместное принятие решений в атмосфере взаимопонимания и уважения.

Мы считаем, что умелое и соответствующее использование интерактивных методов

обучения позволяет вовлечь обучаемых студентов в активную учебно-познавательную и творческую деятельность в вузе, формировать социальные умения и навыки взаимодействия в общении и, как следствие, привлечь их к интерактивному общению независимо от форм работы: аудиторной или внеаудиторной.

Наиболее оптимальными методами интерактивного обучения являются: диалог, тематическая дискуссия, «мозговая атака», «круглый стол», эвристическая беседа, обучение в сотрудничестве, метод проектов, деловые и ролевые игры, презентации, научно-практическая конференция, встречи с приглашенными специалистами, методы с использованием телекоммуникационных технологий.

При регулярном применении методов интерактивного обучения студенты более продуктивно овладевают информацией, у них исчезает страх высказывания своих мыслей; в преподавателе он видит своего партнера по общению, а не «диктатора». Методы интерактивного обучения побуждают к совместной поисковой деятельности студентов и преподавателей, когда они работают на результат группы. В процессе интерактивного обучения участники получают новый опыт общения во взаимодействии. Через осмысленное переживание общей деятельности они осознают и принимают ценности.

Необходимо подчеркнуть, что применение указанных методов будет в том случае эффективным, если преподаватель будет опираться на принципы личностного и индивидуального подходов в осуществлении воспитательно-образовательного процесса, показывать свой личный пример, если общение будет строиться на доверии, а активная и результативная деятельность студентов будет поощряться.

Как известно, в структуре общения выделяются три стороны: коммуникативная, интерактивная и перцептивная. Благодаря общению люди вступают во взаимодействие (интеракцию) [2, с.29]. Для конструктивного взаимодействия необходимо взаимопонимание партнеров, умение выработать свою тактику и стратегию, преодолевать барьеры общения, находить компромиссные и взаимовыгодные совместные решения, нести личную ответственность за результативность этих решений.

В процессе такого взаимодействия – интерактивного общения человек не только лучше познаёт себя в результате идентификации со своими партнерами, но и выбирает в себя лучший опыт деятельности и отношений. Мы считаем, что современная вузовская среда, его воспитательно-образовательный процесс должны способствовать организации, реализации и активизации интерактивного общения, построенного на принципах толерантности.

Практика нашей работы на юридическом факультете показала, что в профессионально ориентированном обучении иностранному языку наиболее приемлемым и эффективным является интерактивное обучение, способствующее активному взаимодействию всех участников учебного процесса. При интерактивном подходе основное внимание уделяется самому процессу коммуникации и учебной ситуации в аудитории» [1, с.4].

Таким образом, используя методы интерактивного обучения в различных формах на аудиторных занятиях и специально организованных внеаудиторных мероприятиях по иностранному языку, и, тем самым, привлекая студентов к интерактивному общению, мы способствуем формированию коммуникативной толерантности будущих юристов.

Кроме того, мы считаем, что предмет «иностраный язык» содействует одной из задач образования – подготовке молодежи к жизни в многонациональной и многокультурной среде, формированию уважительного отношения к духовным и материальным ценностям других стран и народов, совершенствованию нравственных качеств личности студента. Образовательная цель предмета предполагает изучение иностранного языка не как лингвистической системы, а как средства межкультурного общения и инструмента познания культуры другого народа. Отсюда следует, что образовательная и воспитательная цели предмета «иностраный язык» тесно коррелируют с поставленной нами целью – формированием коммуникативной толерантности будущих специалистов в области права.

Отметим, что ежегодно в течение пяти лет на первых занятиях по иностранному языку для студентов первого курса, независимо от изучаемого ими языка, организуются

встречи со студентами, прошедшими обучение на юридическом факультете университета г. Пассау (ФРГ) (каждый год в Пассау обучаются не менее двух студентов юрфака КемГУ). Эти студенты отвечают на все интересующие студентов-первокурсников вопросы - от внешнего вида студентов-немцев, их проблем в учебе до возможности трудоустройства российских выпускников юридических факультетов в Германии.

Очень важным является то, что студенческое представительство (Fachschaft Jura) юридического факультета Университета Пассау организует в начале семестра традиционную вводную неделю (Orientierungswoche), где студенты-первокурсники получают всю необходимую для учебы информацию, знакомятся с перспективами профессионального будущего, с городом, где они будут жить и обучаться. Цель этой недели - «сделать так, чтобы университет и город стали родными для студентов, чтобы первокурсники, прибывшие из разных стран, как можно быстрее адаптировались к новым условиям, чтобы немецкий язык стал языком понимания и дружбы русских, итальянцев, испанцев, французов, китайцев, американцев, англичан, австрийцев» (из нашей беседы с руководителем DSG-программы М.Финке в 2003 г.).

Бесспорно, успешность учебной и внеучебной деятельности студентов, процесс их профессионального становления зависит от того, какими темпами и ценой каких затрат происходит их адаптация. Адаптация к обучению в вузе - многогранный и сложный процесс жизнедеятельности студента, в ходе которого вырабатываются навыки выполнения требований, предъявляемых в течение учебной деятельности, осваиваются новые социальные роли и позиции.

Аналогично немецкому университету, мы использовали на своих занятиях также «вводные недели» и познакомили студентов-первокурсников с нашим университетом, организовав экскурсии по университету с последующей его презентацией на немецком языке. В компьютерном классе студенты-первокурсники имели возможность работать на интернет-странице университета Пассау (www.uni-passau.de), где познакомились со структурой немецкого университета, юридическим факультетом, его кафедрами и сотрудниками. Особое внимание было уделено вопросам юридического образования ФРГ и юридическим профессиям, и тем самым проведено сравнение двух систем образования - России и Германии. Итогом занятий стала подготовка и проведение на немецком языке ролевой игры «Первый государственный экзамен», где студентами был продемонстрирован процесс обучения в немецком вузе на юридическом факультете с последующей сдачей первого государственного экзамена.

Естественным продолжением темы в соответствии с программой по немецкому языку для студентов юридического факультета является тема «Моя профессия», основной целью которой является ознакомление студентов с юридическими профессиями, их особенностями и требованиями, предъявляемыми к этим профессиям. В беседе со студентами о будущей профессиональной деятельности было уделено внимание профессиональным и личностным качествам юриста, необходимым для осуществления этой деятельности, среди них толерантность. Студентам было объяснено, как понимается толерантность российскими психологами, философами, политиками и предложено найти значение этого слова в немецком толковом словаре.

После дефинирования на немецком языке понятия толерантность, студентам были предложены для чтения на немецком языке тексты по истории толерантности "Toleranz, ein Fremdwort" («Толерантность, иностранное слово»), психологии и педагогике толерантности "Toleranz, eine unterschätzte Tugend" («Толерантность, недооцененная добродетель»), "Erklärung von Prinzipien der Toleranz" («Декларация принципов толерантности»). На основании прочитанных текстов проводилось обсуждение поднятой темы, подчеркивалась ее актуальность, делались первые выводы о необходимости строить толерантные отношения в обществе, находить компромиссные решения в сложных вопросах, внимательно относиться к своим одноклассникам и однокурсникам, уметь принимать особенности другого и уважать его мнение.

Следует отметить, что на базе юридического факультета КемГУ ежегодно организуется проведение семинаров по немецкому праву преподавателями юридического факультета университета Пассау. Как правило, такие семинары начинаются с информирования студентов о программах ДААД, сотрудничестве юридических вузов ассоциации «Сибирь» с университетом Пассау, презентацией этого города. Мы считаем, что подобного рода встречи с носителями языка заменяют не только одновременно несколько занятий по страноведению, но и содействуют формированию межкультурного понимания, а тем самым межкультурной и коммуникативной толерантности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баграмова Н. В. Интерактивный подход в обучении иностранным языкам. - М.: Академия, 2005. - 157с.
2. Леонтьев А. А. Психология общения: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: 3-изд. - М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2005. - 368с.

ПРАКТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ КАК УСЛОВИЕ ИНТЕГРАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

З.П. Пенская

Астраханский колледж вычислительной техники

Владение иностранными языками является значимым показателем компетентности специалистов. В соответствии с серьезными требованиями к языковой подготовке студентов в технических учебных заведениях, с одной стороны, и ограниченностью учебного времени, с другой стороны, возникает потребность в обеспечении оптимальных педагогических условий процесса формирования иноязычной компетенции. В этом плане одним из значимых условий определена практическая направленность обучения иностранным языкам студентов технических специальностей.

Говоря о практической направленности обучения иностранным языкам в неязыковых учебных заведениях, мы понимаем под данной дефиницией,

- во-первых, отбор содержания учебного материала по дисциплине «Иностранный язык» с учетом профессиональной направленности студентов;
- во-вторых, формирование навыков устной и письменной речи, которые используются как средство реализации коммуникации. [4]

Прокомментируем на примере студентов Астраханского колледжа вычислительной техники, которые уже в период обучения применяют знание иностранного языка на практике. В процессе работы с компьютерными программами и с различными языками программирования на занятиях по профилирующим дисциплинам они постоянно имеют дело с командами и сообщениями на английском языке. Нельзя не отметить, что успешность выполнения заданий по специализированному языку зависит от адекватного понимания команд и сообщений. В подобных ситуациях иноязычный текст используется не только как средство получения информации, но становится и руководством (инструкцией) к действию, от которого зависит результат деятельности. Таким образом, мы считаем правомерным утверждение, что от уровня сформированности языковой компетенции в области английского языка зависит качество и скорость выполнения заданий по профилю.

Наряду с этим в настоящее время происходит расширение спектра практического применения иностранных языков, поскольку студенты вынуждены часто пользоваться многочисленными сайтами Интернета для получения необходимой информации в процессе подготовки к занятиям, при написании рефератов, выполнении курсовых проектов и дипломных работ. Поэтому на занятиях мы уделяем большое внимание работе над

терминами, сообщениями, командами, которые используются в области информационных технологий. Кроме того, тексты, над которыми работают студенты на занятиях и дома, освещают деятельность видных учёных, историю развития вычислительной техники, архитектуру компьютеров, программное обеспечение, Интернет, E-mail и другое. Здесь нами учитываются результаты исследований в области психологии: процесс обучения должен опираться на использование межпредметных связей, поскольку анализ и синтезирование «смысла» прочно базируются на профессиональных знаниях. При этом существенной чертой развития памяти молодых людей является её специализация, определяющая деятельность человека. Это так называемая профессиональная память, которая формируется у студентов и связана с их специализацией. [6]

Наше утверждение о необходимости практической направленности обучения иностранным языкам коррелируется с мнением авторитетных педагогов. Действительно, ещё в стенах учебного заведения в процессе подготовки аннотаций и рефератов, курсовых проектов или дипломных работ по материалам зарубежных специальных изданий студенты овладевают приёмами работы с иностранной специальной литературой, специальной терминологией, системой обозначений и специфическими для зарубежного опыта понятиями. Это становится возможным только при тесной увязке обучения иностранным языкам с обучением профилирующим предметам. [1]

Вслед за рядом исследователей, мы считаем, что основной формой пользования иностранными языками для выпускников технических учебных заведений является чтение текста по специальности с целью извлечения информации, например, паспорта импортной техники, приборов, инструкции и тому подобное. Совершенно естественно, что специалисты часто выступают не столько в качестве читателей, сколько в качестве потребителей информации. Следовательно, в современных условиях необходимо подготовить студентов к работе с информацией, которая заключается в чтении и понимании специальной литературы на иностранных языках. [9]

Тем более студенты неязыковых вузов признают необходимость использования информации на иностранных языках не только после окончания учебного заведения, но и во время учёбы при подготовке курсовых проектов и дипломных работ. Наряду с этим использование иностранного языка с целью решения профессиональных проблем мотивирует познавательную деятельность студентов. Психологами установлено, что мотивация, являясь движущей силой человеческого поведения, занимает ведущее место в структуре личности. Она затрагивает характер, эмоции, деятельность, психические процессы человека, то есть, мотивация выступает как источник активности субъекта и побуждением его деятельности. [5, 9]

Для мотивации студентов, мы используем разные приёмы, которые позволяют им увидеть свои даже пусть маленькие успехи в практической деятельности, положительная оценка за которые придаёт им уверенность в своих силах. Например, подготовка студентов к пересказу текста по специальности на начальном этапе. Для этого выполняются предтекстовые лексические упражнения, чтение и перевод текста. Далее обсуждается основная информация, которую они самостоятельно выделяют из прочитанного. При этом студенты сначала составляют текст по-русски, затем переводят их на английский язык, записывают и читают. После этого они задают вопросы к составленному тексту и отвечают на них. Вопросы и ответы к выделенной информации используются в качестве диалога, который студенты проговаривают в парах, затем ведут беседу перед группой. В заключении составленный текст рассказывает студентами по цепочке, то есть каждый воспроизводит по одному предложению. Конечно, после такой серии выполненных заданий, когда были задействованы все виды памяти, можно, используя ключевые слова, пересказать текст. Таким образом, студенты реально видят практический результат своей работы, которая представлялась им невозможной в начале занятия, когда мы поставили задачу перед группой – пересказать текст. В свою очередь, получая за свою работу положительную оценку, у студентов появляется интерес к занятиям.

Общезвестно, что средством реализации речевой деятельности является языковой материал. Однако теоретические сведения об иностранном языке следует сообщать студентам технических специальностей только в том объёме, в котором они могут способствовать выработке речевых действий, так как иностранному языку в технических учебных заведениях обучают только как средству общения, которое реализуется в речи (устной или письменной). Например, фонетика не изучается как самостоятельный раздел, студенты овладевают орфографическими и фонетическими навыками в процессе чтения, говорения и аудирования, основываясь на принципе аппроксимации, то есть приближения к правильному произношению. [1; 2]

При обучении грамматике мы придерживаемся точки зрения Е. И. Пассова, что её необходимо представлять в виде квантования знаний, то есть сообщать правила-инструкции, которые вводятся определёнными частями (квантами) согласно потребностям в них, поскольку грамматические навыки являются компонентами разных видов речевой деятельности. Поэтому для правильного оформления речевого высказывания и распознавания грамматических явлений в процессе чтения и аудирования студенты должны использовать автоматизированные грамматические навыки. [2; 7]

Важно отметить, что грамматическое оформление высказывания напрямую зависит от уровня владения лексикой. Согласно И. Л. Бим, мы рассматриваем лексику как строительный материал, который является средством реализации речевой коммуникации. При этом лексическое значение слова определяется грамматическим отношением между классами слов. Например, в английском словосочетании, состоящем из двух и более существительных, главным словом будет последнее существительное, а остальные определением к нему. Психологи определяют слова важным средством второй сигнальной системы, так как они хранятся в долговременной памяти и извлекаются при необходимости использования в речевой деятельности.

Таким образом, практическая направленность,

- во-первых, очерчивает лишь необходимый объём языковых знаний для реализации коммуникации;
- во-вторых, способствует формированию умения решать профессиональные проблемы, используя языковые знания;
- в-третьих, обеспечивает высокую мотивационную деятельность обучаемых, тем самым повышает интерес и стремление к овладению иностранными языками, интенсифицируя тем самым языковую подготовку студентов технических специальностей. [4]

ЛИТЕРАТУРА:

1. Берман И. М., Методика обучения английскому языку в неязыковых вузах. – М.: Высшая школа, 1970. – 230 с.
2. Бим И. Л. Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе: Пробл. и перспективы: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» – М.: Просвещение, 1988. – 256 с. ISBN5-09-000873-6
3. Гел Н. И. Методика обучения иностранным языкам в средней школе: Учебник/ Гел Н. И., Ляховицкий М. В., Миролубов А. А. и др. – М.: Высш. школа, 1982. – 373 с.
4. Ерёмин А. И., Система межпредметных связей в высшей школе. – Харьков: Высшая школа, 1984. – 152с.
5. Кудашова М. А., «Домашнее чтение» в овладении чтением как видом речевой деятельности. // Иностранные языки в высшей школе. – 1980. - № 15. - С. 33 - 37.
6. Леонтьев П. И., Проблемы развития вслух. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 280 с.
7. Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М.: Просвещение. – 1991.
8. Педагогика: Учебное пособие для студентов педагогических учебных заведений/ В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, А. И. Мищенко, Е. Н. Шиянов. – 4-е изд. – М.: Школьная пресса, 2002. – 576 с.

Многократное прорабатывание текста даёт возможность закрепить тематическую лексику, а владение лексическими клише значительно экономит время поиска эквивалента, позволяя грамотно и в кратчайший срок выполнить перевод.

При устном переводе необходимо давать студентам упражнения, призванные обучить элементам ведения записи, особенно графически: при этом допустимо буквальное сокращение слов, а также создание символов (процесс индивидуальный): =, <, >, ≠, →, L, F, α. При такой записи на первое место выдвигается группа подлежащего, на второе – группа сказуемого, далее – второстепенные члены предложения.

При устном переводе важным является фактор времени, что требует от переводчика быстрой реакции, быстрого переключения с одного языка на другой. Для этого преподавателю необходимо давать специальные упражнения, а также упражнения, ставящие своей задачей обязательного и точного фиксирования имён собственных, географических названий, цифр и дат, которые несут большую смысловую нагрузку, имеют решающее значение при передаче информации.

Неоценимое значение имеет использование материалов периодики и Интернета. Именно эти носители актуальной информации дают студентам возможность работать с «живой» языковой материей, быть в курсе событий в стране и за рубежом, постоянно обновлять свои лингвистические познания, развивать общую эрудицию. Язык информационных текстов, публикуемых в газетных и журнальных изданиях и на соответствующих сайтах Интернета, изобилует клише, аббревиатурами, реалиями, значение которых необходимо при различных видах перевода.

Таким образом, развитие переводческих умений и навыков, овладение соответствующими принципами и приёмами перевода, разнообразие переводческих упражнений и умение вести смысловой анализ текста, использование не только своих знаний и способностей, но и самых разнообразных экстралингвистических знаний, развитие общей эрудиции, постоянное обновление своих лингвистических познаний способствуют формированию переводческой компетенции учащихся.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гак В.Г. Сопоставительные исследования и переводческий анализ// Тетради переводника. – М.:Международные отношения, 1979, Вып.-17с.
2. Комисаров В.Н. Современное переводоведение. – М.:ЭС, 2002.-424с
3. Маслова В.Н. Лингвокультурология.-М.:2001/- 110с.
4. Овчинникова Е.В. Эксперимент в переводоведении. ЗИЭИТ, Вестник Сум. ДУ, №4(50), 2003.-184с
5. Ренц Т.Г. Гендерные проблемы перевода. Волжский университет.-181с.
6. Федотова И.Г., Цыганкова Н.Н. Английский язык. Практикум по двустороннему переводу. - М.: Высш.Шк.,1992.-112с.
7. Salford J.A. Linguistic.Theory of translation.-London 1965.-112p.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА И РЕЧЕВОГО ДИСКУРСА

<i>Н.А. Белоус</i> Противодействующие регулятивные действия в конфликтном дискурсе	4
<i>Л.М. Бондарева</i> К проблеме типологии дискурса	6
<i>Е.М. Воронова</i> Роль многомерности слова в тексте-письме Р. Барта	9
<i>В.А. Данилова</i> Роль малой комической прозы в проповедческой практике Германии XI-XVIII веков	11
<i>Е.Л. Доценко</i> Контекст как элемент судебного дискурса	14
<i>А.А. Еськова</i> Поэтический мир О. Мандельштама как социум (заметки к теме)	17
<i>Е.В. Жданова</i> К проблеме построения скрытых коммуникативных технологий воздействия	19
<i>Ю.А. Комарова</i> Понятие дискурса в современной лингвистической науке: формальные и содержательные характеристики	22
<i>Е.В. Куликова, Е.Н. Галочкина</i> Лингвистические особенности Интернет-рекламы	25
<i>П.В. Панченко</i> Особенности малой прозы Варлаама Шаламова	28

СЕКЦИЯ 2

ЯЗЫК КАК ОДНА ИЗ КОГНИТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА

<i>М.С. Белозерова</i> Способ, цель и причина как необлигаторные компоненты фрейма намеренного создания объектов действительности	31
<i>Н.Б. Милославская</i> Когнитивные аспекты семантики истонимических инноваций	34
<i>М.М. Руянова</i> Компонент «Istine - Treue (верность)» в ценностной системе концептосферы «личность» (на материале «Песни о Нибелунгах»)	37
<i>А.Ю. Белкина</i> Речь художника и адвоката: гендерный аспект	39
<i>Е.В. Зарецкий</i> Гендерные особенности русской художественной литературы: иноязычные элементы	42
<i>Д.Л. Колосов</i> Ухудшение в системе теорий межличностного общения	66
<i>И.В. Озимок</i> Актуальные проблемы гендерных исследований	69

<i>Г.В. Рябчикова</i> К разработке теории социальной лексикографии	71
<i>О.Б. Смирнова</i> Понятие «картины мира» в лингвистике	74
<i>Е.В. Хюткова</i> Психолингвистический аспект убеждения в механизме уголовного преследования	77
СЕКЦИЯ 4 ПРОБЛЕМЫ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ	
<i>Е. С. Смолянцева</i> Речевой этикет в системе современного культурного пространства	80
СЕКЦИЯ 5 ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОДИДАКТИКА	
<i>И.В. Запечкина</i> Средства воздействия в коммерческих культурах	82
<i>Е.В. Зарецкий</i> Аналитизация немецкого языка в шифрах	85
<i>Е.В. Зарецкий</i> Интернационализация языка СМИ в России и Украине	112
<i>Г.В. Рябчикова</i> Дефиниция как основное средство семантизации вокабул	115
<i>О.Б. Смирнова</i> Национально-культурная специфика фразеологии (спорные вопросы)	119
<i>Е.А. Сорокина</i> К реконструкции древнегерманских социальных объединений	121
<i>Ю.С. Чупина, И.И. Русина</i> Непроверяемые гласные в корне слова и способы его проверки (методический аспект)	124
СЕКЦИЯ 6 ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ	
<i>Н.И. Крыльч</i> Авторский перевод как стилистическое репрезентативное средство (на материале стихотворного произведения Сэмюэля Даниэля «Сонет»)	126
<i>С.А. Алферова</i> Интерактивный подход в обучении метакультурной коммуникации студентов неязыковых специальностей ВУЗа	128
<i>М.Л. Алексеева</i> Критерии выделения реалий в переводе	131
<i>Л.Д. Крайних</i> Грамматические трансформации при переводе слов-заместителей	133
<i>Н.Д. Кручинкина</i> Языковая и речевая специфика научного текста	135
<i>Л.П. Тарасова</i> Дискурс и текст в контексте переводческой проблематики	138

СЕКЦИЯ 7 РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ, ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ	
<i>Ю.И. Бокатина</i> К вопросу о разграничении понятий «этимологический анализ» и «историческое комментирование»	141
<i>Э.И. Галцова</i> Иностранный язык как средство развития творческого потенциала студентов	144
<i>И.К. Курашова</i> Роль интеркультурной компетентности в обучении иностранным языкам	147
<i>А.З. Насиханова</i> Структура и компоненты иноязычной компетенции	148
<i>Л.А. Николаева</i> Интеркультурное обучение как основа формирования коммуникативной толерантности будущих юристов	150
<i>Э.П. Пенская</i> Практическая направленность обучения иностранным языкам как условие интенсификации языковой подготовки студентов технических специальностей	153
<i>Л.В. Пудовкина</i> Некоторые теоретические и практические аспекты формирования переводческой компетенции на занятиях по английскому языку в неязыковых вузах	156

Издательство: Сорокин Роман Васильевич
414040, г. Астрахань, пл. К. Маркса, 33

Подписано в печать 01.08.2007. Формат 62x94/16. Гарнитура Times New Roman.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Тираж 100 экз. Заказ 4938.

Отпечатано в Астраханской цифровой типографии
414040, г. Астрахань, пл. К. Маркса, 33